

КОРЧУЕВСКИЙ

ЮРИЙ

СТРЕЛЯЙ!

«БОГ ВОЙНЫ»

**ТРИ БЕСТСЕЛЛЕРА
ОДНИМ ТОМОМ**

Пушкарь

Юрий Корчевский

Стреляй! «Бог войны» (сборник)

«Яуза»

2008, 2009

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Корчевский Ю. Г.

Стреляй! «Бог войны» (сборник) / Ю. Г. Корчевский — «Яуза»,
2008, 2009 — (Пушкарь)

ISBN 978-5-699-87578-8

Наш человек на службе у русских царей и первого российского императора. Наш современник становится пушкарем Михаила Романова и бомбардиром Петра Первого. Зброшенный в самое пекло кровавых войн, «попаданец» осваивает почетное, но смертельно опасное ремесло «бога войны». ПУШКАРЬ ИЗ БУДУЩЕГО сметет ураганным огнем степные полчища и польских «крылатых гусар». БОМБАРДИР ИЗ БУДУЩЕГО взломает ядрами неприступные стены Азова. ПУШЕЧНЫЙ НАРЯД наводит ужас на врагов Отечества. «БОГ ВОЙНЫ» стреляет без промаха!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-87578-8

© Корчевский Ю. Г., 2008, 2009
© Яуза, 2008, 2009

Содержание

Пли! Пушкарь из будущего	6
Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	23
Глава 4	30
Глава 5	37
Глава 6	45
Глава 7	51
Глава 8	60
Глава 9	68
Глава 10	75
Глава 11	88
Глава 12	97
Глава 13	110
Конец ознакомительного фрагмента.	122

Юрий Григорьевич Корчевский

Стреляй! «Бог войны»

© Корчевский Ю. Г., 2016

© ООО «Издательство «Яуза», 2016

© ООО «Издательство «Эксмо», 2016

Пли! Пушкарь из будущего

Глава 1 Перенос

Дежурство мое почти заканчивалось, беспокойное надо сказать. Слава богу, завтра уйду в отпуск. Куда отправлюсь, еще не решил, но то, что дома оставаться не хочу, это несомненно.

В ординаторскую урологического отделения вошла Людочка, как всегда в накрахмаленном халатике и таком же чепчике, вся какая-то свежая и чистая, лучающаяся каким-то светом. Я всегда удивлялся: нестарый с собственной точки зрения мужик после суточного дежурства, а выгляжу помятым – отросшая щетина, синева под глазами, помятый костюм.

– Доктор, в приемный покой вызывают, «Скорая» кого-то привезла!

Господи, да уже шесть утра, чего же пару часов-то погодить не могли! Ладно, спустился и с бодрым видом зашел в приемное.

На кушетке лежал «браток», бритый, откормленный, как бычок, и с золотой цепочкой толщиной с большой палец вокруг необъятной шеи. Лицо бледно-серое, видно, хреновато «братану».

– Доктор, помоги! В долгу не останусь!

Да как же, при своих бы остаться. Начал осмотр. Язык суховат, обложен, живот при ощупывании болезнен в области правой почки. Похоже на почечную колику. Назначил анализы и пошел к себе в ординаторскую урологического отделения. Урология в нашем городишке маленькая, оснащена не бог весть как – спонсоров-то богатых нет, не Москва, чай.

Пока «братку» сделают анализы, надо записать истории болезни тяжелых больных, находящихся под наблюдением, – воз и маленькая тележка.

Сделал записи. Один из моих учителей по хирургии в бытность мою студентом в Ставропольском государственном медицинском институте говаривал: «Истории болезни пишутся для проверяющих комиссий и прокурора, запомните это и держите документы в порядке». Глупые и неопытные мы еще были, посмеялись – думали, шутка. Жизнь показала: дядька был прав.

Резко зазвонил телефон. Дежурный лаборант заспанным голосом продиктовала анализы «братка». Да-а-а, вот уж не вовремя нелегкая его принесла. Если бы я тогда знал, как изменится моя судьба после знакомства с «братком». Обычная тактика при почечной колике: капельницы, баралгин, понаблюдать. Не всех же с камнями резать, тем более отпуск на носу. Я уже всех своих больных передал другим ординаторам и заведующему, а вот и он, легок на помине.

– Ну-с, как дежурство?

– Да более или менее спокойно, на двоих оформил выписки, одного с МКБ (для тех, кто не знает, – мочекаменная болезнь) в одиннадцатую палату определил.

Сдав документы и использованные ампулы от наркотиков, получив от сотрудников кучу наилучших пожеланий и советов, как отпуск провести, я отправился в кассу за отпускными – ага, закатай губы, кассирша посмотрела на меня, как на полоумного: «Нет денег, да и когда отпускные вовремя были?! После получишь, целее будут!» И захлопнула окошко. Вот ешкин кот, отпускные нужны-то до отпуска, а не после, я отложил кое-чего, но...

В некоторой прострации добрал до своего старенького «жигуленка»-«шестерки» и отправился в магазин, кушать-то надо. После развода с женой я холостяковал в доставшейся после раздела однокомнатной квартире, правда, ремонт в ней я сделал на уровне, так как комфорт и чистоту любил.

Открыв холодильник, сразу достал бутылочку запотевшего пива и блаженно развалился на диване. Хорошо-то как! Бессонница и усталость взяли свое, незаметно я провалился в объятия Морфея. И снился мне страшный сон – девушка в старинных одеждах, ратники в кольчугах и сверкающих шлемах, клыкастые чудовища. Пробуждение было неприятным: затекла левая рука и было ощущение какого-то шума. Звонил мобильник.

– Слушаю!

– Юрий Григорьевич, это Виктор Никитович беспокоит. Надо подъехать, посмотреть своего больного, его днем Федор прооперировал, а дежурантом сегодня молодой, мне домой сейчас звонил, паниковал, а Федора найти не можем.

Виктор Никитович – это наш заведующий отделением.

– Так, Виктор Никитович, я в отпуске уже числюсь, к тому же пиво глотнул, запашок есть.

Вот окунь скользкий, как бабки с больных брать, так он в отделении главный, а как делом заниматься, это пусть другие.

– Скажи адрес, за тобой подъедут.

Через полчаса у подъезда взревел гудок. Там стоял здоровенный «Ниссан Патруль» черного цвета с наглухо тонированными стеклами. Пришлось выходить. Дверь салона распахнулась, и я сел в машину.

Мама моя, вот это сарай! На таком только бревна возить: и проходимость будь здоров, и вместимость позволяет. За рулем и рядом с ним, на пассажирском сиденье, расположились два «братка», почти такие же бычки, бритые головы, челюсти, перемальвающие жвачку.

– Не бойсь, док, за беспокойство мы отбашляем, – сказал пассажир и протянул сто баксов.

Я немного поколебался, резонно предположив, что за вызов в период отпуска никто, никакой бюджет, платить не будет, и взял. От обоих «братков» крепко тянуло спиртным – я забеспокоился.

– Что переживаешь, док? – коротко хохотнул водитель.

– Менты все куплены, а в этом танке ничего не страшно, – добавил второй.

Я был несколько другого мнения, из-за плеча братка поглядывал на спидометр, который уже переваливал за полторы сотни.

Показался пост ГАИ и перед ним перекресток. Справа медленно приближались фары, «браток» еще чуть надавил на газ, пытаясь проскочить перекресток первым, и это ему удалось, однако я с ужасом увидел буквально перед капотом джипа корму тракторной тележки, медленно влекомой «Беларусом». Сделать что-либо «браток» уже не успел, удар был ужасным, раздался звон стекла, хруст сжимаемого железа, треск досок прицепа и жуткий крик обоих «братков».

Очнулся я лежащим на траве с головной болью и ощущением, что меня долго били. Я медленно сел, подавляя рвотные позывы. Картина, окружающая меня, поплыла в сторону, и я снова упал без чувств.

Второй раз я очнулся, судя по всему, часа через четыре. Сильно хотелось пить, я попытался припомнить, как здесь оказался. Неужели с друзьями поехал на природу, упился как ежик и сморило в кустах? А где же компания, почему меня никто не хватился?

В голове медленно начало проясняться: «братки», гонка на джипе и удар. Ага, вот где меня, вероятно, выкинуло через окно. Сначала я поднялся на четвереньки, покачался и, с трудом приняв вертикальное положение, огляделся. Странно, а где же разбитый джип, трактор с прицепом и шоссе? Ведь перед аварией я ясно видел впереди, не больше чем в километре, пост ГАИ. Наверняка кто-то уже должен был сообщить о происшедшем.

Я подобрал свою сумку и начал выписывать концентрические круги, пытаясь определить, где шоссе и разбитый джип. В голове мелькнуло, что сейчас уже полдень, авария случилась вечером, не может же быть, чтобы и люди, и техника находились здесь так долго. Понимание этого несколько восстановило душевное равновесие. Я оглядел себя – видок еще тот: одежда выпачкана, а кое-где и порвана. Сделав окрест пару расходящихся кругов, пришло понимание чего-то странного. Авария произошла на улице, а шума оживленной магистрали не слышно, хотя в это время движение должно быть интенсивным. В душе зашевелился червячок страха, неуверенности, стало пусто под ложечкой. Может, бандюганы завезли меня подальше в лес, да и бросили? Зачем им это? Может, я уже в раю? Тогда почему в выпачканной одежде, да еще и с сумкой? Как я представлял себе этот рай – люди, а вернее уже не люди, должны быть в белой одежде. Тоже что-то не то. Не мудрствуя лукаво, пошел напрямик, имея в виду, что рано или поздно наткнусь на тропинку, дорогу или жилье, а там сориентируюсь. Вокруг стоял березовый лес, редкий, просвечиваемый солнцем насквозь, весело чирикали птицы. Начинало пригревать, запах трав просто одурманивал. Наконец лес почти закончился, и на опушке я увидел узкую проселочную дорогу. Наконец-то! Пришлось топтать часа два. Я несколько раз глядел на часы, но время тянулось как-то медленно. Один раз попробовал позвонить по сотовому, но на экранчике высвечивалось «поиск сети», и елочки антенны не было. Решив, что станция сети далеко, попыток созвониться больше не повторял. Вдали послышался перестук колес, и навстречу, из-за поворота, показалась лошадка, запряженная в телегу, на которой восседал мужичок зрелого возраста с окладистой бородой. Я остановился – все равно встретимся.

Телега поравнялась со мной, мужичок натянул вожжи, и телега остановилась. Глядел мужичок настороженно, в телеге под рукой лежал топор. Конечно, рядом с лесом стоит неизвестно кто в грязной и местами драной одежде, незнакомый, а в деревнях все обычно друга друга знают.

Я поздоровался, как мог вежливо, мужик степенно ответил: «И ты будь здоров». Говор был какой-то странный. Я поинтересовался, далеко ли до города, и тут же услышал в ответ: «А до какого?» Это меня огорошило. Да ведь от моего родного города, где и произошла авария, километров сорок не было других городов!

– А какой ближе?

– Так до Касимова верст двадцать, а до Лашмы и более будет.

Я не мог сообразить, где это? Ближе двухсот-трехсот километров – таких точно не было, что за область-то?

Мужик, глядя на мою вытянутую физиономию, добавил:

– Рязанские мы.

Вот это ешкин кот! Это же верная тысяча километров от моего города и дома. Попросившись подъехать хоть до ближайшей деревни, уселся на подводу. Тряское оказалось средство передвижения, на всех корнях деревьев, выбоинах тряслась и подпрыгивала так, что скакали кишки. Глянул на часы и, заметив удивленный взгляд мужика, брошенный искоса, спросил:

– А день-то какой?

– Знамо дело, среда.

– А месяц?

– Травень.

– А год?

– Семь тысяч сто двадцать первый от сотворения мира. – Мужик перекрестился.

Если бы я не сидел на телеге, точно упал. Дико выгаращившись на мужика, я ожидал усмешки от неудачной шутки, а глаза шарили в поисках подтверждения по одежде возницы. Учитывая, что в мое время нестоличные жители одевались с рынков, где было в основном китайское и турецкое барахло, на ямщике не было вещей с молниями и заклепками, не было часов, не было туфель, а сапоги короткие, черные, с подошвой без каблука.

За плавным изгибом дороги, которая огибала лесной мысок, показалась деревня. Я жадно вглядывался, ища зримые признаки цивилизации: остовы брошенной сельскохозяйственной техники, линии электропередачи с проводами, телевизионные антенны. Ничего этого видно не было. Нехорошее предчувствие холодной змеей заползало в душу, под ложечкой сделалось пусто.

Похоже, мужик не шутил.

Тряхнув бородой в сторону деревни, мужик промолвил:

– Вот и весь, Пашутино прозывается, боярина Ашуркова.

Мне никак не верилось в то, что вижу и слышу. Я попробовал снова включить сотовый. «Сименс» исправно выдал – «подтвердите включение», а дальше поиск сети и все – никакой сети и не было.

– Слышишь, мужик, а переночевать-то здесь можно где?

– Так постоянных дворов нету здесь, токмо в городе, но ежели заплатишь за постой, у меня остановись.

Хорошо сказать – заплатишь, а чем? Я начал рыться в карманах – российские монеты, бумажные деньги, даже сто долларов от «братков» были, но ничего более ценного, хотя бы на обмен, не было. Господи, да как же здесь жить и на что? И как я сюда попал и как вернуться домой – там квартира, работа, машина, друзья и мама. Голова раскалывалась от множества мыслей, версий всего происшедшего и поиска выхода. Выхода пока не находилось. Одно пока радовало – я на территории Руси. Но время – это же четыреста лет тому назад. Хорошо ремес-

леннику, столяру, кузнецу, сапожнику, а я, кроме как лечить, почти ничего не умею. Ну разбираюсь немного в электронике – на уровне продвинутого пользователя, но кому это здесь надо? А если заняться своим любимым делом, как быть с аппаратурой – чем обследовать, чем лечить, наверняка и аптек здесь нет, а многие ли врачи могут похвастать знанием трав?

Какие здесь могут быть УЗИ, рентген или предоперационное мытье рук по Спасо-Кукоцкому?

Вопросов много, ответов пока нет. Меж тем мы въехали в деревню, состоящую из одной кривоватой улицы и полутора десятков деревянных домов. На улице бегали куры, детвора в рубашонках, медленно шел мужичок с оглоблей на плечах. Похоже, моя личность вызвала большой интерес: из-за плетней высунулись женские головы в платках, мужик с оглоблей остановился, провожая взглядом, дети замерли, разинув рты и ковыряя в носу. Вот уж такого любопытства к своей персоне я не ожидал, да и не хотел.

Подъехали к воротам, крестьянин отпер ворота, завел лошадку с телегой во двор, распряг не спеша. Все это время я стоял во дворе и глазел вокруг. Из дверей выглянуло женское личико и тут же скрылось.

Они зашли в избу, двери были низкие, и я успел приложиться с непривычки лбом о притолоку. Вошедши, мужик перекрестился на образа в красном углу, я повторил, потому что был крещеным и носил крестик, хотя в церкви бывал изредка, отчасти потому, что решил со своим уставом в чужой монастырь не ходить и приглядываться к окружающим.

– Вот, хозяйка, принимай гостя! Звать-то тебя как, милай?

– Юрий, Юрий Григорьевич.

– А меня Федор, по батюшке Кузьма. Ты не из раскольников? А то смотрю, лицо у тебя голое, а на образа все же крестишься...

– Да нет, православный. – Я вытянул из-за ворота крестик.

– Одежа у тебя тоже ненашенская, – хмыкнул мужик.

Я не нашел что ответить, хотя Федор, похоже, ответа не очень-то и ждал. Ну одежда такая у человека, так ведь один в сапогах ходит, а другой в лаптях по достатку.

– Хозяйка, на стол собирай, проголодались мы!

Из-за печки вышла дородная загорелая женщина в платке и линялом сарафане, неся чугунок, затем принесла хлеба, кувшин с квасом, огурцы, блюдо с творогом и сметаной. Перекрестившись, сели, и тут выяснилось, что у меня и ложки с собой нет.

– Да как же ты без ложки в дорогу-то? – подивился Федор.

– Потерял, – соврал я, не объяснять же ему про двадцать первый век и все остальное. Ему такое бы сказали – не поверил.

В горшке оказалась гречневая каша, хозяин дал деревянную ложку, и все лазили туда по очереди. Никогда не думал, что гречневая каша может быть такой вкусной, обычно в больничной столовой это было нечто сухое, не лезло в рот, да и бывшая жена готовила не лучше. Квасок оказался ядреным, щипавшим язык. «Из репы», – пояснила хозяйка, довольно прохладно. Насытившись, я отвалился на стену, чувствуя сытость в животе и нарастающую усталость.

– А вещи твои где? – спросил хозяин.

– Да в телеге сумка.

Я сходил во двор к телеге и принес свою сумку. Заодно решил переодеться в спортивный костюм, а свою одежду постирать. Но постирать мне не дали – хозяйка взяла одежду и бросила в корыто с водой, оба с удивлением смотрели на бело-синий костюм, а хозяйка подошла и пощупала.

– Гладкий какой и скользкий, шелковый, что ли?

– Ага. – Что мне еще можно было им ответить.

Хозяин отвел меня на сеновал, кинул на душистое сено какую-то дерюжку, пожелал счастливо отдыхать и удалился. Я завалился на дерюжку, кое-как стянул с себя туфли и немедленно отрубился.

Глава 2

Возвращение к профессии

Проснулся от крика петуха, никогда ранее не пробуждался таким образом, посмотрел на часы – времени четыре часа утра, спать бы да спать. Покрутился на своем ложе, да уснуть снова не смог, думки одолели.

И первейшая из них – как рассчитаться с хозяином за ночлег и еду, вчера я как-то обошел этот вопрос, хотя Федор недвусмысленно сказал об оплате за постой. Да и дальше вопрос о еде и жилье решать надо. Так и крутился, пока не услышал во дворе стуки да бряки, посветлело в щелях дощатого сеновала, пора и выбираться.

Я спустился по хлипкой лестнице, Федор уже ходил по двору, в бороде застряли мелкие соломинки, и рубаха была мокрой от пота. Наверное, управлялся с живностью. Мужичок кивнул на колодец, поди, мол, ополоснись. Вода оказалась на удивление холодной, чистой и вкусной, не как из городского водопровода. Обмывшись по пояс и вдоволь напившись, я подошел к Федору и, поблагодарив за приют и ужин, виновато сказал:

– Федор, вот какое дело, денег у меня нету.

– Дык как это, вона рубаха и портки больших денег стоят, а за постой отдать не можешь. Ты по жизни чем кормишься-то?

– Врач я. – Федор глянул непонимающе. – Лекарь, – уточнил я. Тоже мне, дубина, не мог сообразить, что и слова такого здесь, наверное, еще нет.

Лицо у Федора немного просветлело, затем опять нахмурилось:

– Плохой, что ли?

– Почему плохой, – обиделся я.

– Так ведь у хорошего всегда деньги есть.

– Получилось так, – пробурчал я.

Стыдно было, хоть провались. Никому не покажешь свой диплом, да и не поймут ничего.

– Слушай, лекарь, у соседки пацаненок ногу подвихнул, ты бы глянул. – И уже через плетень: – Агафья, ты жива там? Как твой малой, с ногой как?

Из-за двери высунулась веснушчатая молодая, лет тридцати, с заплаканными глазами женщина.

– Да нет хорошего, лежит, нога опухла, не ступает.

– Вот человек, поглядеть может.

Я уже обратил внимание, что рост у местных был не больно велик – от силы сто шестьдесят сантиметров. С моими ста восемьдесятю роста и девяносто веса я выглядел здесь как швед среди китайцев. Внутри в доме было чистенько, однако бедновато, на полу лежали половички, сшитые из кусочков разноцветной материи. С печки свисала седая голова деда, выскобленный стол и рядом широкая лавка, на которой лежал мальчуган лет десяти. Веснушчатое, как и у матери, лицо было покрыто капельками пота, под глазами легли синяки.

– Давеча с ребятами в лес ходил, да вот незадача: упал через валежину, обратно ребята на себе принесли. Лежит, нога распухла, синяя вся.

Я закатал штанину. Голеностопный сустав на правой ноге отек, посинел, даже пальчики были как сардельки. Мягко и осторожно я пропальпировал ногу, кажется, перелома нет, вывих только. Да и не травматолог я, хотя придется вспоминать институтские знания. Жалко, книжек нет, в учебники заглянуть бы не помешало. Попросив хозяйку крепко держать парня за бедра, сильно, но не резко потянул за стопу, парень закричал, сустав щелкнул и встал на место. Я повеселел: видно, и здесь мои знания пригодятся. Попросив у хозяйки полотна, туго обмотал сустав и дал указания несколько дней не вставать на ногу, а через пару дней и попарить в баньке.

– Все сделаем, как скажешь, спасибо тебе, мил-человек, звать-то тебя как?

Я представился.

– Давай покушаем, – предложила хозяйка.

Отказываться, естественно, я не стал. Вот и первый гонорар. После довольно скромного завтрака – хлеб, молоко, огурцы, пареная репа, причем соли на столе не было, – надо было решать, что делать дальше.

Остаться в деревне – пациентов мало, народ в основном здоровый, никто с мелочовкой к врачу не побежит. Решено – надо идти в ближайший город. Я зашел во двор к Федору, забрал свои постиранные хозяйкой вещи, сумку и подошел к Федору, поблагодарил и спросил дорогу в город.

– А ты что же, пеший собрался идти? По дороге и тати пошалить могут, подожди – поспрошаю, может, кто из мужиков в город собирается.

Вернулся Федор быстро и от ворот замахал призывно рукой:

– Поспешай, сейчас Семен в город тронется, я ему о тебе обсказал.

Я пошел в указанном направлении и уже на выезде из деревни догнал сухонького мужичка, шедшего сбоку от телеги.

– Это про тебя Федор сказывал?

Я кивнул. Бросил сумку на телегу.

– Сядем позже, сейчас в гору придется, тяжело лошади.

В телеге лежало несколько бочонков и целая кипа высушенных коровьих шкур.

Мой немногословный возница как заведенный шел в гору, я же начал приотставать, видно, сказывалась плохая городская физическая форма. Да и то сказать: дом – машина – работа и наоборот. Загружать себя бегом или заниматься в фитнес-центре мне было недосуг, да и лень.

В обед остановились у обочины – попили квасу, съели по краюхе хлеба, сели на телегу, да и двинулись дальше. Я попытался разговорить попутчика:

– А кто сейчас на престоле?

От такого вопроса мужик аж крякнул:

– Да ты что! Царь Михаил Федорович Романов.

Тут уж я надолго примолк, пытался вспомнить историю, но что-то ничего на ум не приходило – Иван Грозный со взятием Казани, Петр I с битвой под Полтавой, Екатерина сразу вызывает определенные ассоциации, а вот Михаил Романов – нет.

То ли в школе и институте плохо учил историю, то ли царствование этого Романова не славно великими деяниями, но не вспоминалось ничего.

К вечеру усталая лошадка и мы оба, пропыленные и проголодавшиеся, подъехали к городу, вернее даже к его пригородам и посадам.

Маленькие домики стоят абы как, образуя кривоватые улицы и тупички, сизый дым низко стлался над крышами, мычали коровы, блеяли овцы, раздавался перестук из кузниц – в общем, большая деревня, а не город, которого я жадно ожидал.

Я был просто разочарован. На въезде в посады спутник мой спросил:

– Тебе куды?

Идти было ровным счетом некуда, поблагодарив мужичка, я спрыгнул с подводы и, подхватив сумку, направился к городским стенам.

У ворот города стояли двое ратников, в кольчугах, опоясанные мечами, в шлемах, но без щитов. Ей-богу, как из музея. Интересы ко мне они не проявили, в основном рылись в телегах въезжающих крестьян, взимая с них мыто. По всей видимости, у стражей были сомнения в моей платежеспособности или товара для торга они не увидели. Деревянные стены крепости изнутри выглядели довольно мощно, поднимаясь на высоту трех-четырёхэтажного дома, по

периметру шли крытые навесы, через семьдесят-сто метров шли башни. Сверху над стенами был навес, я было сначала подумал – от дождя, в дальнейшем оказалось – от стрел.

В самой стене были проделаны бойницы для лучников, и кое-где – вот уж не ожидал – поблескивали медными боками пушки и тюфяки. Пушки стояли на лафетах с колесами, тюфяки лежали на деревянных колодах. Не зная, что делать дальше, я потоптался на узкой улице и, спросив дорогу, направился к постоялому двору. В животе уже урчало от голода, ноги налились свинцовой тяжестью. Вот и постоялый двор – ворота закрыты, калитка нараспашку. Навстречу выбежал подросток, вероятно половой, как здесь называют официантов:

– Позови хозяина.

– Будет исполнено.

Из дверей не спеша вышел красномордый пузатенький мужичок, лицо его лоснилось от пота, жилетка буквально трещала по швам, но передник был чистым:

– Чего изволите?

– Хозяин, переночевать бы мне, да денег нет. Может, работой какой оплачу.

– Иди с богом, надоели попрошайки, у церкви милостыню проси. – Повернулся уходить. – Ладно, иди к конюшне, на сене поспишь.

Не привык я к такому обращению, но делать нечего, в этом мире я пока никто и звать меня никак. Накидал в углу конюшни сено, бросил сумку и завалился спать. Сон, правда, был недолгим – часа два, проснулся от криков, ругани и шума драки. Поспал, называется, а в принципе чего можно было ожидать на постоялом дворе, это как у нас в ресторане: ближе к вечеру напьются и обязательно драка, как без этого. Покрутился на сене. Вылез и узнал у пробегающего полового с ведром воды:

– Что случилось? Из-за чего сыр-бор?

– Да заезжие постояльцы драться начали, хозяин разнимать полез, его и порезали.

Ну что же, можно сходить поглядеть. Хозяин лежал на широкой лавке, прижимая к окровавленному лицу полотенце. Я распорядился половому:

– Чистые тряпицы принеси и водки. – Парень сделал круглые глаза. – Ну самогону.

– Хлебное вино? – переспросил половой.

– Да.

Обеденная зала представляла собой поле битвы: лавки перевернуты, столы на боку, на полу валяются кости, куски мяса, каша, жареная половина курицы, кувшины из-под браги или вина с потекшими лужами, которые жадно лакал небольшой лохматый пес.

Рысцей сбегав к конюшне, я принес свою сумку. Возле хозяина начала собираться прислуга – повара и прочая челядь. Посетителей не было никого – вероятно, смылись под шумок, не заплатив.

Я попросил всех уйти, оставив расторопного полового, протер руки водкой – здесь она называлась хлебным вином. На левой скуле хозяина почти от виска и до подбородка тянулась резаная рана, нанесенная, видимо, чем-то острым, в глубине виднелась кость. Мужик охал и стонал, все пытаясь прижимать полотенце к ране, дабы унять кровотечение. Вообще должен сказать, лицо кровоснабжается обильно, даже малейшие порезы довольно сильно кровят, но не бывает худа без добра – за счет этого же обильного кровоснабжения и заживают быстро.

Достав из сумки свой инструмент и попросив полового дать чистую миску, налил туда хлебного вина и бросил для стерилизации иголку, иглодержатель. Из протянутого кувшина снова ополоснул руки и начал шить рану. Половой по моей просьбе держал хозяину руки, который притих и лишь жалобно постанывал.

Наложив двенадцать швов, заклеил лейкопластырем, расходуя его бережно, памятуя о том, что пополнить запас уже неоткуда.

– Смотри, хозяин, обмывать лицо неделю нельзя, а потом я швы сниму.

Трактирщик медленно сел на лавку, прошепелявил благодарность. Понять было трудно, щека отекала, к природной краснорожести добавилась синева под глазами, видок был тот еще.

– Как звать тебя?

– Юрий, Григорьев сын.

– Вот что, Проша, постели хорошему человеку в комнате наверху да покушать дай чего.

На стол поставили кувшин с пивом, оловянную миску с кашей и блюдо с кусками жареного мяса. От запаха потекли слюни и закружилась голова. Уговаривать меня не пришлось, неизвестно, когда теперь снова удастся подхарчиться. Когда я доскреб ложкой остатки и запил пивом, хозяин, который внимательно наблюдал за мной здоровым правым глазом и заплывшим уже левым, молвил:

– Ты отколь будешь, Юрий, Григорьев сын? Смотрю – непрост ты, парень: одежда непонятная, руки мастеровые, а денег нет.

– Лекарь я. Из ... – Тут я запнулся. Городка-то моего наверняка еще и нет.

– Ладно, не хочешь, не говори. Иди почивать, время уж позднее.

Пока я кушал, челядь навела в трапезной относительный порядок. В голове от выпитого пива слегка шумело. Хозяин окликнул Прошку, наказал проводить меня в комнату. Шустрый паренек подхватил мою сумку, второй рукой бережно подхватил под локоток, и по скрипучей лестнице мы поднялись на второй этаж. В комнатке, небольшой и почти квадратной, стояла широкая кровать, сундук и стул. Все деревянное, сделанное без изысков, но не грубо. Небольшое оконце было затянуто бычьим пузырем на свинцовой рамке.

Едва разувшись, сняв только футболку, я рухнул на кровать. Матрас оказался тоже набит сеном, но закрытый чистой простыней, а подушка оказалась пуховой. Сон был сладок, давненько так не отдыхал.

Проснулся от запахов кухни, веселых голосов внизу в трапезной, во дворе кто-то колот дрова. Вчерашнее пиво настойчиво просилось наружу, и, надев футболку, я спустился вниз. Хозяин был уже на ногах, стоял за стойкой. Щека затекла еще больше, отчего лицо стало асимметричным, но глазки поблескивали весело.

– Как поживаешь, лекарь?

– Спасибо, хорошо. А скажи, любезный, нужник где?

– Прошка, проводи гостя!

Во дворе у конюшни топтались два крестьянина у лошади с телегой, в углу, ближе к огромной поленнице, один мужичок рубил головы курам, а мальчишка рядом с ним тут же окунал их в чан с кипящей водой и опщипывал. Работа на постоялом дворе шла как по конвейеру.

Вернувшись, ополоснул руки и лицо в деревянном рукомойнике.

– Садись, откушай чего, – ласково прошепелявил хозяин. Белая наклейка лейкопластыря резко выделялась на его красной физиономии. Похоже, некоторая кровопотеря его нисколько не ослабила.

– Как величать мне вас?

– Да как все. Игнат Лукич.

– Чем мне расплатиться с вами? Я уже говорил – денег у меня нет.

Хозяин ухмыльнулся кривовато:

– Дык, ты уже расплатился, паря. А почто лицо у тебя голое, шапки нету, одежда ненашенская, путешествуешь откуда?

Пришлось на ходу сочинить легенду: иду, мол, из дальних краев, из франков, был там в учении, да вот по дороге ограбили, хорошо, самого не тронули, да кое-какой инструмент сохранился.

Тем временем холоп принес каши с большими кусками вареной курицы, хлеб, пиво в кувшине и куски жареной рыбы. Готовили на здешней кухне совсем не плохо, все с травяными

приправами, сначала непривычно, а потом начало нравиться. Пока я насыщался, хозяин что-то обдумывал, да и выдал:

– Пока не заживет, поживешь у меня, постолуйся, а желание есть – болящих попользуй, все прибыль будет, хоть одежду сменишь.

Вот далась им моя одежда!

– А где ж я болящих возьму?

– Это уже моя забота! У меня на торгу лавка есть, пошлю мальчишку, он и обскажет. На торгу-то, наверное, и травники есть, где болящие снадобья да травы покупают, может, с ними и поговоришь?

– Попробуем. А сейчас город поглядеть хотел бы.

– А что его глядеть – город, он и есть город, домишки да улочки. Ты лучше на торг сходи.

Игнат Лукич дал мне в сопровождающие сопливого мальчонку лет десяти, и мы отправились смотреть город. Город стоял на реке, на высоком берегу, под кручей был причал, где у деревенских мостков стояли разновеликие суда – от ушедших лодочек до парусных шхун размером с прогулочные катера, на которых возили на морские прогулки беззаботных отдыхающих в мое время.

Жизнь у причалов кипела: грузчики катали бочки, таскали тюки и мешки, кипы кож и тканей, вели связанных людей.

– Рабы али наложники, – со знающим видом, ковыряя в носу, сказал мальчишка.

Меня это поразило, конечно, я знал, что и в моем мире захватывают в рабство – в Чечне или Афгане, но это было где-то на краешке сознания, а здесь пришлось столкнуться с этим воочию. Не хотел бы я такой участи. В несколько подавленном состоянии я отправился дальше. Улицы города и в самом деле оказались узковаты, местами кривоваты, ни о каком твердом покрытии – брусчатке, булыжнике или дощатом настиле – и речи не шло. Экологически чистый транспорт – лошади – на улицах оставляли зримые и весомые следы своего существования, все это перемешивалось копытами и ногами с грязью, подсушивалось солнцем и в виде желтой пыли висело смердящим облаком. Запах, кстати, вообще был везде – пахли люди, воняло на улицах. Только когда ветер приносил с полей свежий воздух, дышалось легко.

На одной из площадей, на пересечении нескольких улиц, был торг. Рядами стояли бревенчатые лавки, у открытых дверей зазывали посмотреть товар торговцы, меж рядов бегали с заплечными мешками торговцы квасом и калачами, степенно стояли в углу торгового продавца живности: лошадей, коров, овец. Все это говорило, мычало, бляло, кукарекало – шум на торгу был изрядным. Многие были одеты в ярко-голубые штаны и красные рубахи, синие сарафаны и желтые платки, зеленые плащи и под ними расшитые белые рубахи и почти необъятные, как у запорожских казаков, вишневые шаровары. Почти у всех мужиков на поясах висели ножи, ножики, сабли. Рубашки чуть выше колена, и самое удивительное: обувь у всех – мужчин, женщин, детей – была на одну ногу, то есть ни левой, ни правой, а средней. Любую туфлю или сапожок можно было обувать на любую ногу. Однако!

У навеса, с которого торговал кузнец, лежали щиты, мечи, сабли, стояли колья, грудой лежали наконечники стрел, замки и прочие железные предметы. Да, сюда бы полицейского! Вот бы привязался за продажу холодного оружия, да и весь мужской люд арестовал за ношение оного.

Я медленно пошел по торгу – было интересно, что продают, что может мне пригодиться, как одеваются люди, а самое главное – где травники. Одно, вернее одну бабушку преклонного возраста, я нашел. По всей видимости, с возрастом здесь склерозом не страдали, бабка была остра и языком, и головою. Приняв меня за покупателя, она показывала травы, нахваливая их чудодейственные силы, я же старался запомнить местные названия.

После объяснил бабушке, что покупать не буду, что лекарь сам, нахожусь на постоялом дворе и был бы не прочь попрактиковать болящих, а бабушка продавала бы им свои травки.

Ага, клюнула, спросила адрес, я объяснил – оказалось, к ней уже подходил холоп от Игната Лукича. Расстались мы довольные друг другом. На постоянный двор мы пришли уже сильно пополудни, проголодавшиеся и пропыленные. На стук входной двери вскинулся с табуретки хозяин:

– И где вас носит? Ужо люди ждут. Прощка, давай пообедать быстро.

На обед была уха с маленькими пескарями, запеченная куриная полть, пареная репа и кувшин холодного кваса, хлеб был свежвыпечен, сам просился в рот.

После недолгого по местным меркам обеда я поинтересовался у хозяина:

– А больные-то где?

– Да где ж им ужо быть, наверху, Юрий. Тебя ждут.

В самом деле, в коридоре, у дверей моей комнаты, толпилось с десятков человек крестьян. Это живо мне напомнило картину поликлиники, еще не хватало талонов на прием и извечного: «Вы здесь не стояли, я очередь занимала за этим дядечкой в шляпе».

Ну что ж, начнем, пожалуй. Первый заскочил тощенький мужчинка с котомкой за плечами:

– Животом маюсь, господин. Чем ни займусь – в нужник тянет.

Пропальпировал живот, назначил отвар коры крушины и древесный уголь. Мужчина, на удивление, выложил на сундук пяток яичек и был таков.

Следующей зашла молодка с лихорадочным румянцем на щеках:

– Родила недавно я, да лихоманка приключилась, грудь как каменная и болит.

После осмотра стало понятно – острый мастит. Я промыл в хлебном вине скальпель, ополоснул им же руки и попросил молодку:

– Сейчас будет немножко больно – потерпи.

Одним движением вскрыл гнойник, оттуда хлынул гной. Молодка взревела дурным голо-сом, ведь даже новокаина у меня не было.

По коридору послышался удаляющийся топот, по всей видимости, очередь испугалась и решила вылечиться сама. Оставив рану открытой (эх, жаль, что нет даже резиновой трубки – дренаж поставить), забинтовал рану, велел прийти завтра. Молодка ушла, я выглянул в коридор – там осталась только одна женщина. Сложного здесь не было, дал несколько советов. Похоже, сегодня прием окончен. Интересно получается: все случаи здесь – это травматология и хирургическая практика. При размышлении стало объяснимо – знахари, травники с терапевтическими заболеваниями кое-как, в меру своих знаний и разумения, справляются, а вот оперировать? Я и сам был в затруднении: наркоза нет, о стерилизации инструментов слыхом никто не слыхивал, инструментов остро не хватает. Как же матушка-Русь лечилась?

Я попросил у Игната Лукича несколько плошек побольше, кувшин хлебного вина, замочил в нем для очистки свои инструменты.

Щека у хозяина спала, глаз почти открылся, и хотя разговор был пока шепеляв, Игнат Лукич не унывал. Глянув на сундук, на котором лежали яички и курица, спросил:

– Ты куды девать все собираешься?

Вопрос меня оgoroшил. Съесть все это сразу я не мог, холодильников здесь нет.

– Давай я заберу, пока не пропало, дам тебе две деньги.

Я согласился, хотя о ценах представления не имел. Так потихоньку начал налаживать свой быт. Крыша над головой, хоть и не своя, имелась, не голодный, ближайшая перспектива проглядывается, ну и ладно.

Прошла неделя, пожитков прибавлялось, начала сказываться нехватка инструментов, да и комнатка для приемов оказалась маловата. Всю натуроплату: курами, яйцами, медом, сметаной, грибами, ягодами – забирал трактирщик, расплачиваясь со мной добросовестно. В конце недели я снял швы с раны на лице Игната Лукича.

Рубец получился аккуратным, розовеньким, он почти сливался с красными щеками страдальца. Я оглядел свою работу и остался доволен. Не хуже, чем в своей больнице.

Игнат Лукич достал из кармана зеркальце и оглядел лицо, судя по тому, что радостно заулыбался, работой остался доволен.

– Молодец, хорошо поработал!

Я понял, что вопрос дармового жилья и еды встает перед ним в полный рост.

– Давай-ка, паря, подумаем, как нам быть. Комнату занимать мне невыгодно. Людишки в коридоре толкаются, мешают. Опять же, денжат ты маленько уже поднабрал.

– Что делать, подскажи, ты же местный.

Лукич присел на лавку, долго хмыкал, чесал затылок, со стороны было видно, что идет мозговая работа.

– Два выхода есть: или комнату у кого в доме снять, или...

– Что замолчал?

– А ты надолго к нам?

Я пожал плечами – идти некуда и жить негде, родственники будущие наверняка где-то есть, иначе как бы я появился в будущем, да только где и как их искать? Я представил на секунду, что будет, если бы их нашел – здравствуйте, я ваш прапра... внук? Хорошо, если сразу башку не скрутят.

– Ты, похоже, человек серьезный, – молвил трактирщик. – Если надолго к нам, можно в углу двора маленький домик поставить об одной комнате. За неё платить будешь.

– Почему об одной, две хотя бы – в одной принимать, в другой ожидать. Пока построим: осень будет, где людям находиться?

– А и верно – не подумал.

Мы хлопнули по рукам. И снова все потянулось по-прежнему – с утра прием пациентов, обед, опять прием. По мере работы количество пациентов росло: если раньше приходили с торга, то сейчас шли из города и окружающих деревень специально.

Где-то через месяц, утром, я проснулся от перестука топоров, громкого крепкого мужицкого словца. Выглянув в окно, увидел артель плотников, ставящих в углу двора, справа от ворот, сруб. Да никак мне домик – можно сказать, амбулаторию ставят. Я быстро выскочил во двор – мужики с прибаутками дружно ставили бревенчатые венцы. Ко мне подошел артельщик:

– Ты, что ли, жить здесь будешь? Игнат Лукич сказывал.

Мы определились, где будут двери и окна, и я пошел умываться и завтракать.

Однако радость моя была преждевременной. Игнат Лукич сказал, что доски для пола придется ждать долго, ден шестьдесят.

– Как? – удивился я.

– А ты что думал, видел хоть раз, как доски делают?

– Нет, – признался я.

Не рассказывать же ему, что в моем времени доски из бревна получают за пять минут. Во мне проснулся интерес – что за лесопилка здесь?

– А хошь, завтра со мной поедем, я в Ашихмино собирался, у меня там артель своя, бревна, вестимо, оттуда, и доски там делать будут.

На следующее утро Игнату Лукичу запрягли с утра нечто вроде пролетки – на двух седоков. Я пристроился рядом с хозяином, мы тронулись.

Трясло изрядно, местные-то привыкшие, но мне после «Жигулей» такая езда показалось пыткой. Поистине и морковка сладкая для тех, кто сахара не ел.

Ехали недолго, по местным меркам, конечно, часа два. На берегу Оки располагалась небольшая деревушка – домов на двадцать. Ближе к воде высилась груда бревен.

По всей видимости, их сплавляли с верховьев плотами. Дюжина крепких мужиков обрабатывала лес. Палками с железными крючками на конце бревно затаскивали наподобие желез-

ного козла, споро топорами вбивали по всей длине железные клинья, и бревно раскалывалось вдоль. С половинами процедуру повторяли, затем топором заготовки досок обтесывались, и получались почти доски. Затем два мужика брали нечто вроде здоровенного скребка и таким громадным рубанком выравнивали поверхность, причем только с одной стороны.

– А почему только с одной стороны? – спросил я.

– Так трудов много, а как ни положи, видна только одна сторона – хоть на полу, хоть на стене.

Разумно вообще-то. Топором мастера владели мастерски: и рубили, и тесали, и использовали вместо молотка. Делали топором грубую и тонкую работу – причем одинаково хорошо. И топоры для разных работ были разные – большие и маленькие, но все наточены, как бритва. В умелых руках и при необходимости и оружием могло служить тоже убойным. Удара топора ни одна кольчуга или кираса не выдержит. Я поинтересовался:

– А пилы у вас есть?

– Есть, а как же, и лучковые, и двуручные, только топором быстрее получается, и устаешь меньше.

В голове начали шевелиться мысли о лесопилке с приводом от воды. А что – двуручные пилы у них есть, если собрать несколько в пакет, поставить водяное колесо... Я подозвал Игната Лукича и артельного, стал объяснять свою задумку – вбить недалеко от берега сваю или несколько, сделать колесо с лопастями, вал привода, поставить пакетом для начала несколько двуручных пил, причем от толщины прокладок между пилами будет изменяться толщина изготавливаемых досок. Долго пришлось растолковывать, что-то додумывая на ходу, импровизируя, я выкручивался как мог – многих материалов и инструментов не было, да и появятся они не скоро. Артельный долго чесал в затылке, что-то рисовал прутиком на песке. Игнат Лукич сказал, поразмыслив:

– Так ведь сколько дён потеряем, пока соберем эту штуку.

– Вот, мил-человек, после того как запустишь в работу пилу, все сразу и окупишь, в день по сорок-пятьдесят досок делать будешь.

У него отпала челюсть, потом он начал шевелить губами.

– Бревна стоят недорого, а вот каждая доска дороже бревна, только богатые их покупают. Если и правда будет, как ты говоришь: озолочусь!

– Ты не говори гоп, пока не перепрыгнешь: еще ничего не сделал, а как заработает приспособа – про меня не забудь!

– Что ты, что ты, я не тать какой-нибудь, совесть имею.

Обратно ехали молча. Трактирщик был задумчив, вздыхал, морщил лоб и шевелил губами. На въезде в город я прервал молчание:

– А кузнец хороший у вас есть?

– А как не быть в городе кузнецу. Да их несколько, а что?

– Давай заедем ненадолго, хочу попробовать одну задумку.

По мере життя здесь хотелось что-то улучшить в своей жизни, сделать ее комфортабельнее.

Кузнецом оказался степенный мужик с окладистой бородой, с обнаженным мускулистым торсом, с надетым кожаным передником. Руки почти такие, как у меня ноги. Я начал объяснять, что такое рессоры, как их поставить на тележную ось. Жизнь в СССР, а затем и в России научила ремонтировать свою машину самому. Это в последние годы поразвелось автосервисов, а в брежневско-андроповско-горбачевскую эпоху почти все приходилось делать самим.

Я до сих пор вспоминал свою первую машину – красный «Москвич» ижевского производства. Ломался, конечно, часто, но по мелочи, был вынослив и по большому счету в дальних поездках не подводил.

Опять же прутиком на земле я как мог объяснил, чего хотел. Кузнец заявил:

– Видел я однажды карету иноземную с такой диковиной, да рассмотреть не удалось, ко мне приезжали лошадям подковы менять, да спешили больно, сразу и уехали, а тута вона оно как.

Я уговорил Игната Лукича оставить во дворе у кузнеца нашу повозку, мы выпрягли коня, пеши тронулись к себе.

– Что-то непростой ты парень, – хитро ухмыльнулся трактирщик. – Вона какие диковинки ведаешь. Видать, побросало тебя по свету, всего повидал, у иноземцев много чего странного бывает. И внимательный ты – другой бы мимо прошел. А будет толк с твоих диковинок или, може, зря деньги я выкину?

– А вот через три дня и увидим.

Три дня для меня пролетели как всегда – больные, сон, еда. Довольно скучновато – книг, до которых я был большой любитель, нет, телевизора – новости хотя бы посмотреть – нет, кино и дискотек нет. Даже как с женщиной амуры завести, я не знал. С замужней – по голове получить можно, а то и живота лишиться, с девицей – а вдруг жениться обяжут, с гулящими девками, были здесь такие, так я и в своем времени ими брезговал. А природа брала своё, я все чаще поглядывал на женские личики, на стройные станы и высокие груди. Месяц уже прошел, как меня сюда занесло, и не старик.

Через три дня хозяин с холопом, ведущим в поводу лошадку, и я направились к кузнецу. Холоп взялся запрягать лошадь в возок, я кинулся осматривать рессоры. Сделано было, конечно, грубовато, но для первого раза просто замечательно.

Хозяин постоялого двора и трактира долго торговался с кузнецом: тот стоял на своем, работа уж больно мудреная. Но вот они хлопнули по рукам, зазвенело серебро, и мы наконец выехали из ворот.

Возок шел мягко, покачиваясь на рессорах, только колеса погромыхивали. Резиновые покрышки бы сюда, да только это уже точно из области фантастики. Возок шел ходко, сидеть было приятно, и Игнат Лукич заметно повеселел.

– Хорошая диковина, однако. Надо нашим купцам и господам похвастаться.

До деревеньки с лесопильной артелью на этот раз доехали быстрее и с большим комфортом. Моя пятая точка разницу между прошлой и нынешней поездкой ощутила. Еще подъезжая к лесопилке, мы увидели толпу мужиков – артельщиков и крестьян из деревни, толпящихся у лесопильного станка, если его так можно было назвать. Двое рабочих толстыми палками подталкивали бревно по желобу, а сверху двигался пакет из скрепленных между собой двуручных пил, только без ручек. Сыпались свежие опилки, остро пахло деревом. Оказалось, это уже второе бревно, недалеко от станка лежали доски с первого бревна. Не сказать, что ровные, но первый блин, известно, комом. Бревно, скорее всего, несколько ерзало по желобу, когда его подталкивали рабочие. На наших глазах рабочие распилили бревно. Эти доски уж были ровнее. Артельщик и Игнат Лукич стали ощупывать доски, цокали языками. Изделие, судя по всему, им понравилось. Я приблизился:

– Ну как?

– Неплохо!

Артельщик и Игнат Лукич смотрели на меня с нескрываемым уважением. Я решил несколько усовершенствовать станок:

– Вы поставьте желоб под наклоном, тогда подталкивать бревно станет легче, и с этим справится один человек, а не два, как сейчас.

– Молодец, Юрий, Григорьев сын! Большой с тебя прок, видно, Господь тебя ко мне послал, да я сразу-то не понял.

Радостно похлопывал меня по плечу, потирал руки, улыбался, довольно кричал. Сразу видно – хорошо у человека на душе.

– Не знаю, как тебя и благодарить, всех конкурентов теперь задавлю.

Обратно возвращались, откушавши в деревне, сытые и довольные, в мягком возке. Вокруг расстилались возделанные поля, перемежаемые перелесками. На небе ни тучки, солнышко ясно светит, птицы поют, воздух свежий, живи да радуйся. Мы уж въезжали в город, когда Игнат Лукич повернул не к дому, а в сторону торгога.

– Одарить хочу за диковины твои, лесопилка хорошие деньги принесет. Да может, ты еще чего ведаешь, повидал, поди, в заморских странах, так давай, поделись, мы не хуже сделать можем.

Подъехав к торгу, привязали лошадь к коновязи, трактирщик бросил полушку мальчишке, что вертелся у привязи, – «посмотри».

– Одеть хочу тебя, как уважаемого человека, твоя одежда странна зело, а здесь по одежке встречают.

Игната Лукича на торгу знали, с ним степенно раскланивались купцы и заискивали приказчики. Знали, видать, торговую хватку и зажиточность его. Мы сразу направились к дальней лавке, где мой благодетель степенно стал обниматься с торговцем.

– Надо одеть хорошего человека.

Из подсобки выскочил юркий приказчик, посмотрел на меня.

– Какую рубаху брать будете?

– А нам несколько надо, неси все!

Мне подобрали яркую, атласную, довольно длинную рубашку синего цвета, парадную, можно сказать, и две рубашки попроще – льняную белую и коричневую котурлиновую. К рубашкам подобрали пару штанов, если это можно назвать штанами – карманов нет, гульфика нет, покрой странный. Расплатился Игнат Лукич, и мы двинулись дальше – у сапожника заказали две пары сапог, за которыми велели прийти через три дня. У кожевенника купили хороший поясной ремень. Подошли к оружейнику, Игнат Лукич выбирал сам маленький поясной ножик в чехле и здоровенный тесак. Когда я поинтересовался зачем, сказал:

– А как ты без маленького ножа кушать будешь? Ну птицу али мясо порезать?

У лавки ювелира хозяин начал присматривать серебряную ложку.

– Не дело тебе деревянными кушать, это дело простолюдинов, а ты человек не простой, только одет странно, да беден почему-то. Хватки торговой у тебя нет, видно. С твоими знаниями я бы уже купцом изрядным был, людей с ладьей нанял, по всей Руси али дальше торговал.

Ювелиром оказался чернявый с характерным носом человек, после того как он заговорил, сомнения отпали.

– Откуда будешь?

– Армения! Слышал, что ли, страну такую?

Господи помилуй меня, и здесь они торгуют. Поистине вездесущее племя.

И никто не валит деревья, не пашет землю, не состоит у князя в дружине.

К возку подошли втроем – мальчишка, выделенный продавцом, пыхтя, тащил за нами тюк с покупками.

– Ну, иди, надевай обнову, покрасуйся!

Я прикинул на себя атласную рубаху, натянул штаны, подпоясался поясом, прицепил ножик. На голове красовалась шапочка типа большой ермолки, на ногах вот только были мои же туфли.

– Ну вот, другое дело, – довольно потирал руками Игнат Лукич. – Сразу видно – не голодранец, а уважаемый человек.

– Спасибо тебе, Игнат Лукич, много ты на меня потратил, заслужил ли?

– Что ты, – замахал он руками. – Ты с досками вот как мне удружил, а возок-то как хорош, сам уж оценил.

Я успокоился.

– Напомнил бы ты мне, Игнат Лукич, про деньги.

– Да ты что, мил-человек, не знаешь разве?

– Да я только из дальних стран, подзабыл маленько.

Подивившись, трактирщик начал мне пояснять про рубли: в одной новгородской гривне три рубля, в одном рубле сто новгородских. Еще есть московки, эти на две новгородки потянут, еще есть полушки в четверть копейки, алтын три копейки, есть серебряная гривна киевская – поменьше, и новгородская лодочкой – та поболее будет. На торгу и иноземных монет много: арабские дирхемы – куны по-нашему, полдирхема – резан. Сто резанов равны большой киевской гривне. Самые хорошие деньги – или златник, или золотой мискаль. Он перечислял и далее – нагаты, чешуйки и т. д.

На сколько и какие деньги можно обменять, с непривычки я совсем запутался.

– Ты мне скажи, Игнат Лукич, а чего сколько стоит.

Хозяин посмотрел на меня как на больного.

– Ну, скажем, корова стоит двадцать шесть алтын и три-четыре деньги, на рубль купишь около двух пудов мяса али рыбы, три пуда соли али три пуда ржаной муки. Самое дорогое на торгу – железные изделия: гвозди, скобы, подковы, серпы, оружие всякое. За хороший меч можно деревню взять со всеми холопами.

Ну и расценочки у них тут. И запомнить с ходу курс денег друг к другу тяжеловато. С математикой у меня всегда было неважно.

Через три дня я пошел к сапожнику за обещанными сапогами.

Одна пара – коротенькие, чуть выше щиколотки, из мягкой красной кожи с низким каблучком. Обувши – нога как в носках, нигде не жмет. Вторая пара были черные, из более грубой кожи, с толстой подошвой, про такую говорят – им сто лет сносу не будет. Сапожник ходил вокруг меня и приговаривал: по уму сделано, на совесть, нигде ни одна нитка не порвется, ежели салом али дегтем мазать будешь, и промокать в дождь не будут. Носи на здоровье, мил-человек. Сапоги, как и у всех здесь, были на одну ногу – ни левый, ни правый, – какой обул, тот и носи. С непривычки легкий дискомфорт, если не сказать неудобства, доставляли портянки. Про носки в этом мире никто и слыхом не слыхивал, кроме теплых шерстяных, так это для зимы.

Наконец-то, одевшись по местной моде, я стал неотличим от аборигенов. Уже загорелое, с отросшей мягкой бородкой лицо, атласная рубаха, черные портки, алые сапоги и пояс с ножом делали меня своим. Разговорная речь постепенно утрачивала интеллигентность двадцать первого века, появились новые для меня слова и понятия. Я становился своим.

Глава 3 Татары

Проснулся в темноте, казалось, только сейчас голову приклонил к подушке, от шума, криков челяди и странного звука – набата. Понял, случилось что-то.

Быстро оделся и выскочил из своей комнаты. Игнат Лукич стоял внизу, в трапезной, вокруг несколько холопов.

– Что стряслось-то?

– Не знаю пока, вот послал одного холопа, прибегнуть должен вскорости, узнаем.

В калитку забежал соседский мужичок, Анисим, я его уже знал, здоровались, встречаясь.

– Басурманы! Татарва проклятая под стенами, говорят, много их. В темноте тихо подошли.

– Вот бесово отродье, все неймется им. Беда, что боярина нашего в городе нет, а с ним и часть дружины в Рязань ушла, к князю. Ладно, стены крепкие, ратники есть, не впервой, должны отбиться. Это не литовцы али поляки – те, если придут, город окружат, стоять будут долго, измором брать. А татарва налетит, похватает что может, людишек наших в полон возьмет и быстро убегает, пока по шее не надавали, как тати. Нету у них теперь силы, как ранее, как деды говорили.

Было интересно и страшновато. Страшновато, потому как не воин, здешним оружием не владею. Ходил на охоту, постреливал из ружьишка, так здесь луки, копья, мечи, и владеть ими на профессиональном уровне за неделю или месяц не научишься. В конце концов, меня учили лечить, а не убивать людей. Сообразив, что где битва, там и раненые, попросил Игната Лукича дать мне холопа в помощь и в провожатые и побольше чистых холстин для перевязок. Завернул инструменты в чистую тряпочку, поставил склянку с хлебным вином в сумку и направился в центр. На торговой площади было многолюдно. В основном стояли мужчины разного возраста, но были и женщины с тревожными лицами, одеты небрежно, видно, в спешке; бегала детвора постарше.

Распоряжался, стоя на лавке, крепкий широкоплечий мужчина в кольчуге, в шлеме, с мечом у пояса.

– Воевода боярский, этот заместо боярина остался, – проговорил мой сосед, судя по одежде, из торговых, – Олег Фролович звать.

– Ратников в городе маловато осталось, – громким голосом вещал воевода, – однако если возьмемся всем миром бить проклятых басурман, я думаю, продержимся, пока наши с Рязани подойдут, гонца я уже послал.

В толпе раздались крики:

– Командуй, воевода!

– Одолеем супостата! Кожевенная слобода – на полуночь, там помогать будете, кузнецы со своей зброей – к воротам, там, я думаю, главный удар будет, остальным – подойти к десятникам, по стенам распределитесь. Кто хорошо луком владеет – на башни. Женщинам и отрокам – костры жечь, воду и смолу варить.

Толпа, возбужденно голая, начала рассасываться, целенаправленными ручейками всасываясь в улицы, окружающие торговую площадь. Я подошел к воеводе:

– Я лекарь, мне куда?

– Ближе к воротам ступай, основная сеча, коли татары прорвутся, там будет.

В темноте, ориентируясь на свет редких факелов на стенах крепости и лучинах в окнах домов, мы с холопом Прошкой пошли к воротам.

С внутренней стороны ворот было довольно многолюдно: таскали бревна, куски заборов: возводили на некотором расстоянии от ворот нечто вроде баррикады. Знамо дело – услышал

я разговор двух ратников – татарин, он на коне силен, да когда их много, кони прорвутся, а тут засека, на конях не перепрыгнешь, а лучники наши не хуже татарских будут. Я огляделся по сторонам. Судя по тому, что ратники и ополченцы подходили к воину в кольчуге с болтавшимся у пояса шлемом, главным был он. Я подошел:

– Олег Фролович велел недалеко от ворот быть, лекарь я.

– Звать тебя как?

– Юрий, Григорьев сын.

Десятник окликнул одного из воинов:

– Лекаря проводи вон в ту избу, раненых, если будут, туда носить будете. Пару женщин, кто крови не боится, в помощь ему дай.

В доме, куда провел нас воин, была только одна хозяйка, хотя дом был большой, семья, видно, тоже была не маленькая.

– Все ушли от супостата бороться, да вы проходите, садитесь. Что от меня нужно?

– Воды согрей побольше во всех горшках, лучин для света, да покажи, где лавки, раненых укладывать.

С Прощкой мы выдвинули стол на середину комнаты, подготовив нечто подобное операционно-перевязочной. Подготовка шла полным ходом, когда привели первого раненого. Татарская стрела с широким наконечником почти перебила воину левую руку чуть ниже локтя. Убрал окровавленную тряпицу, что прижимал воин к ране, я уложил его на стол, обильно полив рану и свои руки хлебным вином, остановил кровотечение, прошив и перевязав сосуды, сопоставив обломки костей, зашил рану и наложил палочки для фиксации костей. Жалко, гипса не было.

И пошло-поехало. Высокие стены не давали возможности татарам стрелять прицельно, сильно рисковали только воины на стенах и башнях, но проклятые басурмане засыпали стрелами территорию города. Сотнями, если не тысячами, шелестящая и невидимая в темноте смерть сыпалась с ночного неба. Тем, кто находился без укрытия – вне домов или другой защиты, приходилось туго. Люди это поняли и без необходимости не высывались на открытое пространство. Зажигательных стрел татары пока не применяли – если город сгорит, что с него можно было взять – ни утвари, ни ценностей, да и будущие полоняники могли погибнуть, сгорев в пламени или задохнувшись в дыму. Крики от стены и со стороны ворот усилились, видно, татары пошли на приступ. От ворот раздавались гулкие, тяжелые удары – как я догадался, тараном пытались сокрушить ворота. Грянули несколько пушечных выстрелов, завизжали за воротами татары, восторженно взревели воины на стенах. Очередная попытка была отбита.

Тоненьким ручейком потянулись ко двору, превратившемуся в лазарет, раненые и увечные. Я наказал расторопным холопам:

– Заносить ко мне в комнату в первую очередь тех, кто сильно кровит.

В большинстве войн, автодорожных катастроф и других катаклизмов люди погибают от кровотечений и несвоевременного оказания медицинской помощи. Это я хорошо усвоил еще в институте, на кафедре военно-полевой хирургии. Стол уже был скользкий от крови, лучины чадили, в комнате стоял тяжелый дух страданий, стонов раненых.

Я попросил хозяйку позвать женщин из соседних домов – помыть стол и пол, поскольку можно было запросто; помогать раненым: кого поить, кому повязку поправить. Прощку послал на постоялый двор за хлебным вином. Вскоре он появился вдвоем с Игнатом Лукичом, внеся здоровенный, литров на тридцать, кувшин в комнату. Оказалось, Игнат Лукич организовал у себя в трактире при постоялом дворе пищевое довольствие ратников – массово рубили кур, жарили их кусками, пекли лепешки, наводили сладкое сыто, и холопы относили еду обороняющимся.

– Ну, как ты тут, лекарь?

– Держимся, отбили несколько атак татар, да вот видишь, раненых много, почти весь двор занят, а ну татарва стрелы снова пускать начнет?

– Ништо, отобьемся!

Через какое-то время я услышал перестук конный и тележный скрип. Игнат Лукич с несколькими незнакомыми мужиками подогнали несколько телег, застеленных сеном, и ввезли на постоялый двор около полутора десятков раненых. Должен сказать, сильно тяжело раненых не было – то ли умирали от тяжелых ран сразу, то ли не было еще открытого, прямого столкновения, когда рубятся саблями и мечами, копьями и алебардами.

Наконец обработал последнего раненого. Наступило временное затишье. Я поспешил отмыться от крови, ибо выглядел хуже и страшней мясника на бойне: в крови почти весь, даже лицо. Зашедшая в комнату хозяйка даже шарахнулась от меня с перепугу.

Эх, закурить бы сейчас! Давно уж бросил, да что-то сильно потянуло. Я присел на крыльцо. Голова гудела, устали кисти рук, ныла поясница. Столько увечий сразу я еще не видел.

За спиной неслышно возникла хозяйка дома.

– Вот, хлебни, лекарь, – протянула мне корец с горячим сбитнем.

Очень кстати. Я с наслаждением осушил корец, поблагодарил женщину.

Ко двору подходили женщины, вероятно, высматривая среди раненых своих мужей, братьев, родичей. Кого-то уводили со двора под руки, кого-то, причитая, увозили на телеге.

Небо на востоке начало сереть. Ночь пролетела быстро. Установилась тишина. Татары притихли, очевидно, готовили еще какую-то пакость. Пока все было тихо, я пошел домой, если называть постоялый двор моим домом. Хотелось помыться, надеть чистое и покушать. Игнат Лукич, увидев меня, засуетился:

– Сейчас, сейчас, покормим ужо.

– И ополоснуться бы!

– Да мы уж водицы нагрели.

Я поднялся к себе в комнату, достал чистую рубашку и штаны, присел на кровать на минуточку, да и отрубился.

Очнулся оттого, что меня трясли за плечо, это был Игнат Лукич.

– Сумлел, любезный? Ништо, сейчас помоешься, будешь как новенький. Ну-ка, холопы, помогите!

С двух сторон меня подхватили под локоток два дюжих парня и поволокли вниз. Я отбивался, не большой и не увечный ведь. В предбаннике холопы быстро меня раздели и уже в бане затащили на полку, плеснув кваса на горячие камни, начали сначала мягко, а затем все сильнее и сильнее охаживать меня веником. С непривычки это было больновато. Сильно потея, меня обливали горячей водой, переворачивали, снова охаживали веником, терли мочалом с щелоком, снова обмывали.

Кожа, казалось, от чистоты стала поскрипывать.

– Хватит, хватит, – взмолился я.

Надев чистую рубашку и портки, выпив поднесенный ковш с холодным квасом, я почувствовал себя заново родившимся и ощутил зверский аппетит.

На столе в трапезной уже стояли дымящиеся паром щи, лежал нарезанный крупными ломтями хлеб, жареная убоина, стоял жбан с пивом. В трапезной было многолюдно, пришли перекусить ратники, ополченцы. Гомон стоял такой, что разобрать разговор даже близкого собеседника было непросто. Я с жадностью утолил голод, хотелось отдохнуть. Однако отдохнуть не удалось. На постоялый двор заскочил взъерошенный мальчишка:

– Опять татары на приступ пошли!

Вмиг трапезная опустела – кто на стены, кто к воротам, а я снова в дом, превратившийся в госпиталь.

Во дворе уже стояли несколько раненых – почти все легко. Обработав раны и перевязав, пошел искать десятника.

Пропыленный, с уставшим лицом десятник распорядился недалеко от ворот.

– Стрелы, стрелы несите, иначе тяжело отбиваться будет. – Он послал двух отроков за припасами. Повернулся ко мне, лицо просветлело, мелькнула под усами улыбка: – А, лекарь Юрий! Молодец! Славно помог, от всех ратников и ополченцев глубокая тебе благодарность и поклон низкий.

– Как дела, что татары?

Лицо его вмиг посмурнело.

– Тайны хранить умеешь?

Я пожал плечами.

– Похоже, не скоро помощь подойдет. На колу, недалече от ворот, голова моего гонца. Одна надежда, крестьяне из окрестных сел смекнут, за помощью поспасают. А город наш окружен. – Он ударил кулаком в ладонь. – Как знали нечестивые, что часть дружины в Рязань ушла.

В голове мелькнуло: а может, и знали!

– Послушай, старшой, а может, и знали на торгу. Разный народ, может, кто и лазутчик.

– Да была у меня такая думка, – нехотя признал десятник.

Советовался я с воеводой:

– У ворот стражу поставить и на прилегающих улицах, чтобы кто ворота изнутри не отпер, особенно ночью.

За стенами взвыли татары, защелками луками ратники на стенах.

– По местам! – вскричал десятник.

Я побежал в свой «госпиталь». Пока раненых не было, но надо было подготовиться. В котлах во дворе уже была приготовлена горячая вода, в комнате две девицы споро резали холстины на длинные полосы. Пол и обеденный стол были чисто вымыты, а стол даже отскоблен. Самой хозяйки не было видно, девицы скорбно вздохнули: мужа у нее на Заречной стороне убило, туда побегла.

– Да, не всем повезло в эту ночь.

Я протер инструменты хлебным вином, разложив на чистой холстине.

Работа не заставила себя ждать – раненые, кто сам, а кого и вели под руки, снова потянулись к дому. Снова тяжкий и кровавый труд – зашить, перевязать, отрезать размозженные пальцы. Правда, на этот раз я был умней – у Игната Лукича выпросил пару передников и вымазался кровью уже не так, тем более при дневном свете трудиться было не в пример лучше. Наконец и эта партия была обработана. Что удивляло – это терпение пациентов.

Ведь никакого наркоза – ни общего, ни местного обезболивания не было, максимум, что я мог – это налить им по кружке хлебного вина, в моем времени такого даже помыслить не мог, а здесь или крихтели, или стонали сквозь сжатые зубы, но почти никто не закричал – не по-мужицки, взялся за мужскую работу – тяни ее до конца с достоинством.

Да, в этом мире люди были покрепче. У себя в отделении я насмотрелся, когда здоровенные молодые мужики падали в обморок при одном только виде шприца или, упаси бог, скальпеля.

Пока выдались несколько спокойных минут, я улегся на лавку, пытаюсь вздремнуть. Снова взвыли татары, грохнуло несколько пушечных выстрелов. Обычно после пушечных выстрелов татары отступали, но в этот раз явно что-то было не так.

Звук боя – крики, щелканье тетив, лязг железа – нарастал. Во двор, шатаясь, вошел воин, его тут же подхватили холопы, перенесли на стол. Из плеча спереди торчало оперение татарской стрелы, со спины был виден наконечник.

– Татарва одолевает, уже до верха стены добрались, десятника убило, – скривился он.

Сломав стрелу, вытащив обе половинки, я наскоро забинтовал ему рану и кинулся к воротам. Надо помогать, если татары прорвутся, раненых, увечных или не представляющих для них интереса просто порубят, как капусту. На кону стояла моя жизнь и жизнь города. В конце концов, город дал мне приют, да и русский я. За мной бежали оба холопа: Прошка с постоянного двора и другой, даже имени его я не знал. Справа от ворот, на стене, на широкой галерее уже бились мечами и саблями русские и татары. По крутой лестнице мы забрались наверх, в надворотную башню. На площадке лежали убитые стрелами ратники, метрах в двадцати дрались топорами ополченцы. Один из холопов схватил валявшийся рядом с воином меч и кинулся на подмогу. Прошку я успел удержать. Взгляд мой упал на медный тюфяк. Попробовать, что ли? На затравочном отверстии лежал порох, стало быть, тюфяк был заряжен.

– Проша, берись за хвостовик колоды, поворачивай, куда скажу.

Я неосмотрительно выглянул из бойницы, в тот же миг, едва не задев ухо, мимо просвистела стрела, но я успел увидеть, как, забросив веревки с крючьями на концах, на стены лезли татары. Хорошо, что башня выступала за плоскость стены и наружные стены были видны хорошо. Никаких прицельных приспособлений не было, я по стволу навел тюфяк, схватил из железного ведра с костерком под ним тлеющий прут и приложил к затравочному отверстию. Порох вспыхнул, мы отскочили от тюфяка, в это время грянул выстрел. Все окуталось дымом, тюфяк подскочил и отлетел метра на два назад. За стеной, неразличимые в дыму, раздавались крики боли и ужаса. Дым начал рассеиваться, и я увидел, что стена была почти чистой. Кое-где, запутавшись в своих же веревках, висели трупы татар, а внизу, под стеной, лежали мертвые тела. Получив весомую поддержку, ратники и ополченцы с новыми силами бросились на оставшихся татар, и в течение нескольких минут стена была очищена. Но слева от ворот штурм продолжался. На помощь подбежали несколько мужиков и стали разворачивать тюфяк стволом влево. Найдя на площадке банник, я споро прочистил ствол, залез в него рукой – нет ли тлеющих частиц, иначе заряжать опасно, схватил совок и из стоящей поодаль бочки с зерненым порохом зачерпнул его. В голове мелькнуло: а сколько сыпать? Мало – выстрел будет слабым, много – разорвет ствол и всех рядом поубивает.

Для начала я решил ограничиться одним совком. Засыпал его в короткий ствол, утрамбовал его прибойником, заложил пыж. Мужики в деревянной бадье уже подтащили каменный дроб. Я забил его в ствол и снова наложил пыж. Времени катастрофически не хватало, через бойницу видно ползущих на стену татар. В боковую бойницу залетело несколько стрел, и один из помогавших мне мужиков упал со стрелой в шее. Мы снова начали наводить, прицеливаясь по стволу. Прошка двигал деревянную колоду влево или вправо, повинуюсь сигналам моей руки. Готово! Снова я схватил фитиль, приложил к затравочному отверстию, благодарно встав сбоку. Ба-бах! В этот раз ветер дул уже навстречу, поэтому дым снесло в сторону и можно было видеть результат стрельбы. Каменный дроб, где каждый камушек был размером в полкулака, выкосил среди нападавших изрядную прореху, однако атаки не остановил. Мы снова кинулись заряжать тюфяк. Прохор оказался парнем глазастым и понятливым, почти сразу подавал мне что требовалось, и в этот раз зарядить тюфяк удалось значительно быстрее, и сыпанул пороха я теперь полтора совка. Снова прицеливание, снова выстрел. В этот раз заряд полетел дальше, выстрел был точнее, и стена почти очистилась. Но и татары, оценив угрозу со стороны пушки на башне, осыпали нас стрелами. Сверху нас защищал навес, опасность представляли бойницы, открытые на три стороны. Рассудив, что наибольшую опасность представляла фронтальная бойница, мы закрыли ее деревянным щитом, стоявшим рядом. Частый стук от стрел по щиту, крыше и стенам показал, что враг по достоинству нас оценил и стоило побереечь голову, не высовываясь из бойницы. Уже действуя более спешно, мы зарядили тюфяк еще раз. Я уже опытным путем определил навеску пороха и каменного дроба, дальность стрельбы. Была она крайне невелика – не больше ста метров, из лука можно было выстрелить чуть не втрое дальше, да и точнее, но один тюфяк, стреляющий дробом, на близком расстоянии бук-

вально выкашивал нападающих будто разом, одновременно стреляли из луков два-три десятка воинов. Я знал, что пройдет еще много лет и пушки усовершенствуются, станут совершеннее, точнее, мощнее. Но пока...

Атака татар временно была отбита, они с воем откатились на обширную поляну перед городом, где на дистанции метров в триста от стен стоял небольшой шатер. Можно было передохнуть, по нашим закопченным лицам бежали струйки пота, мы дышали как загнанные лошади. Да и то – весил тюфяк, вероятно, около трехсот килограмм, может, чуть меньше; наводя его, пришлось ворочать в стороны, заряжать не мешкая, снова подтаскивать к бойнице. Колес лафет не имел. А было нас всего трое – я сам, холоп Прохор да один из пришедших на помощь мужиков.

Мы присели на колоду. Снизу раздались голоса, звон оружия, шагов, и на площадку, пыхтя и отдуваясь, забрался воевода.

– Лекарь, ты? – сильно удивился он.

– Я.

– Мне сказывали, десятник и пушкарь убиты, я на помощь кинулся, а тут смотрю – тюфяк стреляет, нападение отбито. Так это ты, вестимо, стрелял? – не верил воевода.

– Он, он, – подтвердили окружавшие.

– Молодца! Так ты пушкарь или знахарь? Людишки к пушкам даже подходить боятся, а ты вон управился, еще бы чуток помедлил, не удержали бы басурман. Вовремя ударил, на стенах людей половину поубивало, а пушкарей и вовсе почти не осталось. От отечества и города спасибо, вот боярин возвратится, все ему обскажу.

– Так сейчас-то мне что – идти людей лечить или пушкой заниматься?

– Пойди по другим башням, у нас еще четыре пушки есть, да пушкарей, вишь, не осталось. Для нас сейчас важнее огненный бой, не удержим без него город.

Распорядившись выделить мне еще полдюжины ополченцев, воевода быстрым шагом двинулся к воротам, а я в окружении Прохора и переданных мне ополченцев пошел к другой башне. Картина здесь была почти такая же, как и в первой башне. Лежали убитые стрелами ратники и стояла пушка. Если тюфяк стрелял дробом, то пушка стреляла ядрами – каменными, чугунными, свинцовыми. Ядра лежали аккуратными пирамидами недалеко от пушки, вероятно, ребятам не повезло – успели выстрелить всего несколько раз. Мы зарядили пушку, попутно я объяснял мужикам, кто и что будет делать: кто будет сыпать порох, кто заталкивать в ствол пыж или ядро. Я оставил за собой самое ответственное – прицеливание и поджигание заряда. Наконец пушка оказалась готова к выстрелу. Времени на ее зарядку ушло больше, чем на тюфяк, так как ствол оказался длинным и кидать туда, как в тюфяк, дроб рукой не получалось. Я встал в раздумье: опробовать, пальнув по татарам – а вдруг разворошу этот осиный улей? Или погодить? А, пальну, хоть опробую пушку. Я попробовал навести бронзовый ствол по шатру, взял в руки тлеющий прут, мужики в испуге отбежали в стороны. Поджег, мучительно прошли несколько секунд, и грянул выстрел. Колеса у пушки были закреплены деревянными клиньями, поэтому она только сильно подпрыгнула, но назад от отдачи не покати-лась. Ядро попало в шатер, чему я и сам удивился, однако дуракам, пьяницам и начинающим, бывает, и везет. От шатра врассыпную кинулись татары, кто на своих двоих, кто запрыгнув на лошадь. В стане поднялась паника, в сторону города принялись метать стрелы, но ввиду большого расстояния большого вреда не причинив. В дальнейшем оказалось, что этим ядром был ранен предводитель татар – ему оторвало ногу ниже колена. Об этом поведал захваченный через три дня в плен татарин. Больше в этот день атак не было, я успел обойти все башни, где стояли тюфяки и пушки, зарядил их и направил на опасные участки. Возле каждой пушки оставались по несколько человек следить, чтобы не гас костерок и прут был раскаленным.

В городе была беготня, обстрела не было, женщины шли проведать своих, несли продукты, воду, брели от стен раненые. Я снова пошел к своему «госпиталю». Кое-кто был уже

перевязан, человек десять ждали моей помощи. Снова обработка ран, наложение швов, перевязки, шинирование палками рук и ног. Когда раненые кончились, сил радоваться уже не было. Я наказал Прохору разбудить меня в случае чего, лег на лавку рядом со столом и провалился в сон.

Проснулся от радостных криков на улице – оказалось, проспал я до утра, а ночью татары ушли, оставив вокруг города выжженные пятна от костров и обглоданные кости съеденных овец и лошадей. Воевода осторожно через едва приоткрытые ворота выпустил небольшие разъезды в разные стороны – разведать, куда делись нечистые, может, за ближайшим леском хоронятся. Разъезды вернулись ни с чем, в полдня пути татар не было нигде. За этот день я успел обмыться, хорошо покушал и валялся в полудреме в своей комнате.

Осторожно постучав, в комнату вошел Проша. За прошедшие дни татарского нападения мы сблизились – он помогал в работе с ранеными, не убоившись крови и мучений, в эпизоде с тюфяком не бросил позорно, стоял рядом со мной, при стрельбе только закрывал глаза и мелко крестился.

– Барин, во как авторитет-то мой вырос. Там к тебе раненые пришли, ну кому ты помощь оказывал днями. Ты ж сам велел.

Сам виноват, подзабыл!

Бегло осмотрев раненых, нашел их состояние хорошим. Жизнь продолжалась, и я пошел на торг покупать себе одежду взамен безнадёжно испорченной кровью и изодранной. На меня на торгу оглядывались, встречные здоровались уважительно, похоже, я становился личностью популярной. Я приобрел несколько рубашек, причем одну купец в знак особого расположения подарил, отказавшись брать деньги. Еще я приобрел несколько аршин льна и здоровый кусок тонкой кожи, задумав сделать что-то вроде передников и врачебного костюма – для таких передряг, как эта, будет в самый раз. Ночь прошла спокойно, даже снов не видел.

Глава 4

Награда

После полудня из леса стройной колонной показалась дружина городского наместника. Сверкали на солнце шлемы, тускло, как рыба чешуя, переливались кольчуги, ярко сияли нато-ченые наконечники копий. По четыре в ряд покачивались в седлах воины, пыль скрывала зад-ние ряды, но даже видимая часть внушала уважение. Впереди в синем плаще на белом мерине гордо восседал мой ровесник. Был он сух, русая борода обрамляла узкое лицо, ветерок трепал длинные волосы, кольчуга была богато отделана посеребренными зеркалами, к задней луке богато отделанного бархатом седла был приторочен щит.

Ворота городка распахнулись, и толпа народа вышла навстречу. Встретились, боярин легко спрыгнул с коня, поклонился народу:

– Здрaвы будьте, други мои. Рад вас видеть живыми!

Толпа радостно приветствовала боярина. Я заподозрил, что больше радуются возвраще-нию воинства, без малого городок едва удержали. Боярин отломил хлеб-соль, и колонна, сопро-вождаемая женщинами и детьми, медленно втянулась в город. Большого интереса к начальству я не испытывал никогда, поэтому отправился к себе. Сегодня должны были хоронить погиб-ших, число их было велико – три дюжины из дружины и больше полусотни ополченцев. В каких-то избах радовались победе, где-то оплакивали павших.

Вместе с челядью во главе с Игнатом Лукичом мы пошли на погост, располагавшийся на высоком речном берегу, в полуверсте от города. Собраться проводить в последний путь пав-ших пришло очень много, наверное, полгорода. Священник нараспев начал читать молебен, служки замахали кадилами. Под плач и крики вдов и сирот, горькие рыдания ближней родни погибших похоронили. Для многих, если не для всех, это означало конец сытой жизни, ведь мужчина в доме – добытчик, кормилец. Женщина не может рубить деревья, пахать пашню, охотиться на зверя. Многие занятия требуют мужской силы, ловкости, умения обращаться с оружием и инструментами. В чисто патриархальном обществе быт женщины был строго огра-ничен рамками церковных и общинных устоев.

После молчаливого возвращения домой Игнат Лукич устроил поминки по павшим. Все молча выпили – кто стоялого меда, кто хлебного вина, помянули тех, кого знали. Игнат Лукич произнес успокоительную речь:

– Вы не побоялись сильного и злого врага. Не пожалели живот свой за веру русскую, детей и жен, охраняли город от басурман. Спите спокойно, други!

Пили степенно, пьяных не было.

Я еще раз удивился про себя – в моем мире от военкомата бегают, на похоронах после ... дватой рюмки начинают петь и плясать, забывая причину.

В середине застолья в трапезную вошел отрок и молвил:

– Кто здесь лекарь Юрий, Григорьев сын?

Я поднялся из-за стола.

– Боярин к себе приглашает.

– Иди, иди, – подтолкнул в спину Игнат Лукич.

Чувствуя некоторую слабость в коленях и легкое покачивание от выпитого, я пошел за посылным. Меня провели в огромный боярский дом. Здесь тоже отмечали то ли тризну, то ли возвращение. За огромным длинным столом восседали воины, знатные люди, коих можно было узнать по богатым одеждам и тяжелым драгоценностям. Около стола сновали с кувшинами и подносами юноши и девушки. На столах стояла серебряная и золотая посуда, ярко пылали факелы на стенах. Чего только на столах не было: жареный поросенок, копченый осетр, запе-ченные фазаны, фаршированные утки, заливная уха из щуки, печеный бараний бок, гусятная

печенка, нежные цыплята, да много еще чего, что я просто не успел рассмотреть, пока меня вели к голове стола. Там, в высоком кресле, восседал боярин, лицо его раскраснелось, руки были в блестящем жиру – в левой он держал куриную ногу, в правой кубок с вином.

– Ну-ка, покажись, герой. Мне про тебя воевода много что порассказывал.

Я был смущен вниманием стольких людей. Гомон в зале затих, все с любопытством смотрели на меня.

– Молодец! Выпей с нами чашу! – И протянул ко мне кубок.

– Здрав будь, боярин, – ляпнул я и осушил протянутый кубок.

Какие тосты здесь к лицу, я просто не знал. Воины и знатные люди так же дружно осушили кубки, принялись заедать.

– Кто таков, почему я тебя не знаю?

В зале опять установилась тишина.

– Кожин Юрий, Григорьев сын, лекарь, – по-военному доложил я.

– Имя-то у тебя византийское, откуда будешь?

Пришлось изворачиваться:

– Отца и мать свою не помню, путешествовал из дальних краев, да вот осел пока у тебя, дозволяешь ли?

– Дозволяю, – благосклонно кивнул боярин. – Такие люди нам нужны. А пушкарскому делу где обучен, зело ловко, – сказывал воевода, – ты татар из тюфяка посек, кабы не ты – большой урон городу был бы.

– Так в заморских краях и обучился.

– Становись под мое крыло, вступай в дружину! Говорят, ты и лекарь изрядный.

Ратники дружно закивали, велик ли город, все новости расходятся быстро. Я задумался.

– Прости, боярин, невместно мне в дружине, там убивать надо, я лечить хочу, от смерти спасать.

Боярин засмеялся, через мгновение захохотали все. Лица многих, красные от выпитого, стали просто пунцовыми, кто-то подавился и стал кашлять.

Боярин отсмеялся и молвил:

– Убивать не можешь? Да ты один из пушки людей больше убил, чем все мои люди!

Зал вновь захохотал, тут уж и я заулыбался. А действительно!

– Шутник ты, братец! Ладно, проси чего хочешь.

Я пожал плечами:

– Все у меня вроде есть.

Зал снова захохотал. Утирая выступившие слезы, боярин что-то сказал холопу, тот исчез и быстро появился, вновь неся в руках шубу. В мехах я пока разбирался слабо, если сказать, и не разбирался вовсе. Конечно, заячью шапку отличить от лисьей я мог, ну норку еще, и все.

– Носи, заслужил с честью. Что в дружину вступать не хочешь – так вольному воля, а теперь посиди с нами, выпей за победу.

Надрался в этот вечер я славно.

Утром проснулся на чужой перине, в чужой комнате. Как я здесь оказался? Лежал в одежде, только сняты оказались сапоги, что стояли рядом с кроватью, да рядом, на сундуке, лежала жалованная мне шуба. Голова раскалывалась, во рту было суше, чем в пустыне. Не рассчитал, да и то взять – у Лукича в трактире хлебное вино, почитай, самогон, пил, а здесь вино, от такого ерша быстро свалишься. Застонав, я кое-как обул сапоги и вышел в коридор, передо мной объявился холоп и проводил во вчерашний зал. Был он почти пуст, только несколько воинов, без кольчуг, опоясанные мечами, сидели за столом. Вид у всех был бледно-зеленый. Дружно меня поприветствовали, предложили горячий бараний шулом и рассол. Я жадно присосался к кувшину, в голове начало проясняться. Шулом оказался на удивление хорош – нежное мясо, наваристый бульон, в меру сдобрен солью и перцем. Наевшись, заду-

мался: что делать? Искать боярина, чтобы попрощаться? Неудобно уходить по-английски. Мои сомнения развеял холоп – боярина в доме нет, поехал разрушения в стенах осматривать вместе с воеводой, велел до дома проводить. Выделенный холоп нес мою шубу, пока я с трудом ковьялял к постоялому двору. Нельзя так пить, решил я, спьяну мог и наболтать невесть чего.

Игнат Лукич встретил восторженно. Слухи доходят быстро.

– Рад, слышан уже про шубу, – подошел, ошупал шубу, помял между пальцами. – Новая, из бобра, хорошая, долго носить будешь.

Прошло четыре дня, жизнь вошла в свою колею. Стены, кое-где порушенные татарами, подправили, торг шумел по-прежнему. Дела у Игната Лукича на лесопилке шли просто замечательно: артельщики приноровились, и теперь каждый день телеги с досками тянулись в город. В один из дней, возвращаясь от купца, к которому ходил по приглашению – лечить занедужившую жену, я встретил хозяйку бывшего «госпиталя». Поздоровались, постояли.

– Как звать-то тебя – в суматохе не спросил тогда.

– Анастасия

– Муж погиб у тебя? – смутно припомнил ее лицо на похоронах.

– На все воля господня. – Анастасия перекрестилась.

– Детки-то есть?

– Есть один, Мишутка.

Лицо женщины осунулось, под глазами легли темные круги. Тогда в период нападения татар я и не приглядывался к ней, и некогда было, и темно, голова была занята другим. Теперь я рассмотрел ее поближе – русые волосы, покрытые черным платком, симпатичное лицо, нежная кожа, высокая грудь, все остальное скрывал широченный длинный сарафан.

Личико Анастасии слегка зарумянилось.

– Некогда мне стоять с тобой, да и соседи что скажут.

– А можно ли зайти к тебе проведать?

– А почему нельзя, ты уж в доме моем был.

Я сделал крюк, зашел на торг, купил леденцов на палочке и височные кольца из серебра. Теперь я уже мог позволить небольшие траты: в кошельке на поясе позвякивало серебро.

Придя домой, обмылся, слегка перекусил и, надев новую рубашку, отправился с гостинцами в гости. Помня, что во дворе собаки не было, я распахнул калитку. Во дворе стоял мальчишка лет восьми в длинной рубашонке и портках, босой, с прутиком в руке, загонявший гусей и уток в сарай.

– Здравствуй, работник! – поприветствовал я его. – Звать-величать тебя как?

– Михаил, – серьезно ответил паренек.

– А мама твоя дома?

Паренек кивнул.

– Позови.

Но из дома уже выходила хозяйка, одетая в простой ситцевый сарафан, видно занималась по хозяйству.

– Ой! – вскинула руками и убежала в дом.

Я подошел к мальчику, протянул леденцы, паренек обрадовался – наверное, в этом доме нечасто баловали ребенка сладостями.

– Благодарствую. А я знаю, кто ты – в нашем доме раненых лечили.

– Да! – Я погладил ребенка по вихрастой голове.

Из дома вышла уже переодетая Настя – яркий сарафан, из-под него выглядывали носки синих туфель.

– Заходи, гость дорогой, отведай бражки али квасу.

Я вошел в дом, в котором за прошедшие дни почти ничего не изменилось, только полы были отскоблены дожелта. В комнате было чистенько, уютно, но бедновато. Мы уселись, и хозяйка подала ковш с квасом.

– А кем был твой муж?

– Шорником в кожевенной слободе работал, хорошую сбрую для лошадей делал, да, вишь, не повезло, забрала его к себе костлявая.

Я достал из кошелька свой подарок – височные кольца и протянул женщине.

– Это тебе мой подарок

– Да за что мне? – нерешительно дотронулась до колец. – Дорого больно, мне и муж такие не дарил.

– Это тебе за урон и беспокойство, что дома тебе я учинил, как татар отбивали.

– Так всеобщее дело – от нечестивцев обороняться, каждый должен свою лепту внести.

Мы посидели с часок, поговорили о разном, уходить не хотелось, в доме чувствовалось женское тепло и уют, которых мне не хватало, но компрометировать хозяйку не хотелось. И так любопытные соседи периодически поглядывали через забор.

– Когда к тебе зайти еще можно?

– Некогда мне сейчас, лекарь Юрий, холсты в боярский двор закончить надо, приходи через три дня, если не забудешь.

В последующие три дня работы было много – снимал швы у тех, кому обрабатывал раны при нападении татар, принимал болящих.

Поток пациентов день ото дня потихоньку рос. Слава богу, так же быстро плотники заканчивали домик для приема пациентов во дворе у Игната Лукича. Проблема с досками теперь отпала. Я каждый день забегал на стройку, показывал, где поставить стол, лавки, себе заказал два стула. Плотники постарались на славу – стулья сделали резные, с фигурами птиц и зверей. Поскольку приближалась осень, нужно было поторапливаться, теснота и неудобство приема в небольшой комнате на втором этаже начинали тяготить.

Наконец выпало свободное от работы окно, и я быстро собрался на торг. Долго выбирал подарок Анастасии и ее сынишке, Мише купил красивую рубашку, а Анастасии – отрез шелка и красивый кожаный ремешок.

В этот же вечер направился в гости. На этот раз меня ждали. В горнице был постелен домотканый половичок, на столе стояло небогатое угощение – пирожки, квас, зелень с огорода.

Я достал из сумки подарки – мальчонка тут же облачился в обновку и посмотрел на мать.

– Хорош, к лицу ему, за что ты так нас балуешь? – молвила женщина.

– Нравишься ты мне, Настя!

Женщина зарделась, схватила шелк и уткнулась в него лицом.

Мальчишка уже давно убежал хвастаться перед соседскими ребятами, мы остались одни. Я подсел поближе, обнял Настю, погладил по голове – волосы были легкие, пушистые, блестящие.

– Неужто нравлюсь? – прошептала Настя. – Я ведь тебя еще тогда ночью приметила, да ты в мою сторону и не смотрел, конечно: некогда было на баб оглядываться.

Лицо ее разрумянилось, глаза живо блестели, губы слегка приоткрылись, показывая жемчужные зубки. Красавицей ее назвать, пожалуй, было нельзя, но симпатичной – да, однако было в ней что-то такое – достоинство, женственность, какая-то особая привлекательность. Да и умом Господь не обделил.

– Я ведь замужем десять лет пробыла, сына родила, кровиночку мою, а с мужем так и не слюбилось. Отец с матерью засватали, меня никто не спрашивал, да и то в отцовской семье восемь детишек, а сыновей всего двое, землю только на них община выделяет. Вот батенька нас быстро из отчего дома и спровадил. Муж работающий у меня был, – продолжала она, –

внешностью, правда, не вышел, плюгавенький да вино пить любил, в пьяном виде и меня, и сына бил часто. – Слезы навернулись на ее глаза.

Женская доля!

Я как мог ее успокаивал, поглаживал спину, любовался ее волосами, целовал в ушко. Потихоньку стал возбуждаться, все-таки женщины у меня не было давно, не сказать, что бабник был, но все-таки живой человек.

Я стянул с нее сарафан, под ним оказалась рубашка, к моей радости, лифчиков и трусов женщины здесь не носили. От поцелуев шеи перешел на соски и груди. Грудь, несмотря на роды, была упругой, хорошо держала форму, крупные, как вишенки, соски так и просились на язык. Мы как-то незаметно оказались в кровати, за печкой, и я принялся ласкать ее. Стан женщины выгибался, с губ слетало бессвязное бормотание, соски поплотнели, дальше не мог сдерживаться и, приспустив брюки, лег на нее. Любовницей она оказалась неумелой, но темпераментной. Ладно, лиха беда начало, мы еще разучим Камасутру. Надолго меня не хватило, сказалось длительное воздержание. Анастасия бурно дышала, грудь ее высоко вздымалась.

– Так хорошо мне с мужем не было, неужели так сладко может быть?

Она ухватилась за мое причинное место:

– Да и дружок у тебя неплохой, мужу до тебя далеко было.

Хоть и комплимент, но в душе кольнула ревность. Да, я не бабник, но холостой, и женщины у меня были, и почему-то часто после любовных игр они начинали сравнения, меня это всегда раздражало.

Немного передохнув, мы снова, уже не спеша, принялись за ласки. В это время в сенях раздался грохот, детский крик. Анастасия подхватила, накинула сарафан и побежала к дверям, пока мы миловались, стемнело, и ее сын, возвращаясь домой, впотьмах зацепил ведро, облился водой. С виноватым видом он вошел в комнату. Ругать его мама не стала, вытерла и передела в сухое:

– Дядя Юра, а теперь ты у нас жить будешь? – прозвучал детский вопрос. В ожидании ответа оба притихли.

Я замешкался.

– Пока нет, а там видно будет. Поспешешь – людей насмешишь, знаешь такую поговорку?

– Тогда ты к нам почаще заходи, такой рубахи, как у меня, ни у кого из ребят нету, – наивно сообщил мальчуган.

У порога мы обнялись, Настя прижалась ко мне.

– Теперь я поняла, что такое настоящий мужчина, заходи чаще, мы оба тебя ждать будем! – И перекрестила на прощание.

Легким шагом, с хорошим настроением я добрался до своей постели. Игнат Лукич лишь лукаво улыбнулся, встретив меня за столом в трапезной: старый лис понял, что у меня появилась женщина.

С утра прискакал посыльный – боярин к себе зовет, просил не медлить.

Голому собраться – только подпоясаться, я быстрым шагом направился к боярскому дому, стоявшие у входа воины без вопросов пропустили, видно, были предупреждены.

– Здрав будь, боярин, – слегка наклонился я. Все же свободный человек, не холоп.

– Заходи, жду. Чарку гостю!

Из внутренних покоев выскочил парень в расписной рубашке и на подносе поднес чарку вина, отказываться было не принято. Я осушил кубок и перевернул, показывая, что выпил все и зла на хозяина не держу. Боярин взял меня за локоть, и мы прошли в горницу.

– Садись, дело у меня к тебе. Поведал я о тебе князю нашему, так он ночью уже гонца прислал – жена занедужила. Приказать я тебе не могу, но князю отказать – сам понимаешь.

– Добро, когда выезжать?

– Как соберешься

Я почти бегом добрался до постоянного двора, собрал инструменты и одежду в сумку, постоял с кошельком в руке, да и кинулся к Анастасии. У князя, думаю, и так накормят. Запыхавшись, вбежал во двор, стоявшая у сарайчика Анастасия испуганно обернулась. Лицо ее вмиг стало тревожным.

– Случилось что, любимый мой?

– Князь просит спешно в Рязань прибыть, жена занедужила, думаю, за пару недель обернуться, чтобы ждалось легче – возьми деньги.

– Что ты, что ты, не муж ведь ты мне.

– Бери, тебе и мальчишке они нужнее.

Я буквально всунул кошель в ее руки, крепко обнял и поцеловал.

– Некогда, прости! – И припустился обратно.

У постоянного двора уже ждали несколько оседланных всадников, одна лошадь была под седлом – для меня, екнуло в груди. Никогда в жизни я не ездил на лошади. Для местных это было привычно, ездить сызмальства умели все мужчины.

В панике я помчался к Игнату Лукичу под недоуменные взгляды дружинников.

– Выручай! Князь к себе призывает, жена занедужила, на лошади ехать боюсь, дай повозку с рессорами.

– Да ты, парень, запрягать хоть умеешь?

– Не доводилось

– Ну вот, а повозку просишь!

Трактирщик задумался:

– Прощка, подь сюда, вот лекаря повезешь в Рязань, аккуратно только, в Рязани встанешь на постоялом дворе у моего брата, он поможет в случае нужды, привет ему передавай. А сейчас не мешкай.

Холоп умчался одеваться в дальнюю дорогу, другой челядин по грозному окрику Игната Лукича бросился запрягать кобылу.

Я забросил в повозку сумку, в сопровождении четырех воинов выехал со двора.

Еще проезжая по городским улицам, я мысленно поблагодарил себя за рессоры.

Подвеска была превосходной, если бы еще колеса не так громыхали, ведь обода были окованы железом.

Никогда ранее, даже в своем времени, я не был в этих краях. Слева и справа, впереди – до горизонта расстилались поля, часто перемежающиеся лесами. Небольшие речушки и ручейки прихотливо извивались, и так же извивалась проселочная дорога вдоль них, изредка попадались небольшие бревенчатые мостки. Часов через пять остановились перекусить у опушки. Ратники и Прохор ослабили подпруги, пустили коней щипать травку. Почти все из седельных сумок достали провиант – в основном сушеную рыбу, копченое мясо, лепешки, огурцы. На летней жаре продукты долго не выдержат. Оказалось, дальновидный Игнат Лукич положил здоровую торбу с харчами. Эх, инструменты собрал, к зазнобе сбегал, а о еде и не побеспокоился. Мысленно я поблагодарил трактирщика. После перекуса напился уже согревшегося кваса из фляжек и кувшинов и снова двинулись в путь. Мелькали редкие деревеньки, из-под колес летела пыль. Двое верховых ехали поодаль впереди, двое сзади. Охраняли грамотно.

Езда уже начала утомлять.

– Сколько верст мы проехали?

– Дык, верст двадцать пять-тридцать.

В таком же темпе, не останавливаясь, мы ехали до темноты, остановились на опушке березового леса. Расседлав лошадей, быстро развели костерок и повесили котелок. Скоро запахло кашей с мясом. Все подсели поближе и по очереди ложками стали вычерпывать. Ложки подозрительно быстро заскребли по дну. В этом же котелке подогрели воду, развели меда, напился и улеглись спать, один остался у костерка сторожить. По всей видимости, подобный

вид отдыха был им привычен, сопение быстро переросло в богатырский храп. Прохор улегся под повозкой, расстелив взятый из-под облучка старый тулупчик. Я долго ворочался на мягком сиденье повозки, донимали комары. Но потихоньку сон сморил меня. Утром я проснулся от запаха дыма, готового кулеша, металлического позвякивания, всхрапывания лошадей.

– Долго спишь, лекарь! – весело бросил один из воинов.

Пришлось быстро умываться и в кружок. При всем ко мне уважении долго никто ждать не будет, а перспектива остаться голодным до обеда не радовала.

И второй день прошел, как первый. Чем ближе мы подъезжали к Рязани, тем чаще начинали встречаться деревни, иногда встречались постоянные дворы прямо на перекрестках дорог, жалко, указателей на них не было. Я понял, что поговорка «язык до Киева доведет» – это явно из этих времен.

Вечером, вымотанный вусмерть, я буквально свалился с сиденья. Сил хватило, чтобы сполоснуться и покушать. И я, и мои спутники были пропылены донельзя. На лицах белели лишь глаза и зубы, но держались мои попутчики не в пример мне значительно бодрее. Крепкий народ был на Руси, нынешним да городским не чета. Мы просто избалованы и изнежены цивилизацией. Никаких куриных мороженных окорочков, йогуртов, сосисок здесь не было. Что из дичи убил, то и сварил. В огородах урожай пусть и не богат, так ведь и без химии. В эту ночь сон был крепкий, даже здоровенные комары не помешали.

С утра снова по установленному распорядку – быстрые сборы, горячая похлебка из взятых с собой запасов, и снова в путь. В конце дня пятая точка, несмотря на рессоры и мягкую подушку сиденья, уже болела, а вернее, я ее не чувствовал. К вечеру, когда подъехали к постоянному двору, я взмолился:

– Давайте здесь остановимся, горячих щей поедим, на перине поспим, помоемся хоть.

Воины переглянулись, кивнули.

Я подошел к владельцу постоянного двора:

– Есть ли банька, хозяин, топлена ли?

– А как же, холоп проводит.

С таким наслаждением я не мылся давно, пыль грязными потоками стекала с тела.

Отмякнув душой и телом, переодевшись в чистую рубашку, я вошел в трапезную. Воины почти поели и, сыто порыгивая, отправились спать. Спешно закусив половиной курицы и запив ужин пивом, последовал за ними. Выехали снова рано утром, душу грело сознание, что конец путешествия уже близок.

Вот вдалеке показались предместья – ремесленные слободы, окружавшие высокие белокаменные стены. К городу сходилась множество полевых дорог, по которым ехали подводы. За стенами поблескивали купола церквей, курился дымок из топившихся печей.

– Рязань! Лекарь, доехали!

Глава 5

Князь

Мы подъехали к воротам города, крестьянские телеги струдились у въезда, перегораживая его. Воины растолкали телеги, кого потчужа крепким словом, а кого и плеткой. Наконец мы в городе, по узким улицам помчались к кремлю, что возвышался поодаль. В стороны от всадников прыскали испуганные горожане. Вот и княжеский дворец в кремле, охрана было заступила дорогу, но старший из воинов сказал:

– По князьему поручению!

Из дверей вышел невзрачный человек, одетый ярко и в то же время как-то обыденно. Встреть такого на торгу, и не вспомнишь, как он выглядел.

– Ты лекарь из Данкова?

Я кивнул.

– Следуй за мной!

Быстрым шагом направился он по комнатам, переходам, лестницам. Я не успевал рассмотреть даже мельком убранство княжеских палат, хотя было очень уж любопытно. Где бы я еще это увидел. Наконец мы остановились перед массивной дубовой дверью с двумя воинами по бокам. Сделав мне знак остаться, провожатый исчез за дверью и почти сразу вышел:

– Заходи, князь ожидает.

Я вошел, следом провожатый. В большой комнате было светло. Стены завешаны пурпурным бархатом, в середине комнаты, на огромном ковре, стоял стол и кресло, в котором в богатых одеяниях сидел князь. Властное лицо, обрамленное темной бородкой, короткие волосы скрыты под тафьей, умные, живые глаза. Я поклонился:

– Здравствуй, князь.

– И тебе долгих лет, лекарь. Мой боярин из Данкова отписывал – ты zelo искусен во врачевании, жена любимая сильно занедужила, вылечи, ничего не пожалею. Ее уже местные лекари пользовали, да толку чуть.

– Исполню со всем старанием, князь, ведите к больной.

Снова переход по коридорам и лестницам: ей-богу, шел бы один – заплутал бы на обратном пути.

Подошли к покоям княгини, такие же дубовые двери, только без охраны. Сопровождающий деликатно постучал, выглянула сиделка.

– Вот, лекаря данковского князь прислал.

Двери распахнулись шире, и я вошел. Комната оказалась поболее, чем у князя, везде ковры и парча, окна закрыты, воздух тяжеловатый. В комнате куча народа – сиделки, няньки; судя по травмам, торчащим из узелков, местные травники и лекари. В углу стояла широкая кровать, на высоких подушках возлежала красивая женщина лет этак тридцати пяти. Меня за руку подвели к больной. Русые волосы прядями прилипли к потному лбу, глаза запали, губы искушены чуть не в кровь.

– Здравствуй, княгиня. Я лекарь из Данкова, по распоряжению князя и мужа твоего лечить тебя буду.

Кивнула, здороваясь.

– Я хотел бы для начала, чтобы открыли окна и всех людей отсюда удалили.

Служанки кинулись исполнять. Я присел на край кровати, взялся за пульс – частит, но наполнение хорошее.

– Болит где, княгиня?

– Уже седмицу спина болит, так схватит – сил нет.

– А тошнит, рвота была ли?

- Как приступ, так и рву.
- А по малой нужде как ходишь?
- Часто и больно.

Я осмотрел и ощупал больную. Похоже на почечную колику. Вот черт – ни рентгена, ни УЗИ, ни анализов сделать. Порылся в сумке, на свое счастье, нашел ампулу баралгина и последний шприц. Попросив хлебного вина, вытер руки и сделал укол. Через некоторое время дыхание больной стало ровнее.

- Отпустило, лекарь, уже не так болит.

Я велел служанкам приготовить горячую ванну. В комнату ввалились четверо дюжих молодцев и, пыхтя, втащили здоровенную бадью с горячей водой. Княгиня прямо в рубашке села в бадью, вода была горячей, аж пар шел. Повелев служанкам принести побольше теплого питья – отвара или пива, я присел. Через несколько минут принесли жбан теплого пива.

- Вот теперь, княгиня, надо побольше выпить пива.

Поморщившись – не женское дело пиво пить, княгиня все-таки перечить не стала и принялась мелкими глотками пить. Я попросил привести кого-нибудь из местных травников. Вошел дородный старик с окладистой седой бородой. После приветствия я поинтересовался, есть ли у него травка марена красильная.

- А как же, – обиделся дед.
- Принеси поболее, да захвати хвощ полевой, липовый цвет, укропа и ромашку.

После того как травы были принесены, я попросил травника их заварить. Получился своего рода почечный чай.

После принятия горячей ванны княгине полегчало, боли прошли. Постившуюся несколько дней, измученную болями, захмелевшую после жбана теплого пива княгиню бережно отвели на кровать, и она моментально уснула. Наказав служанкам, как только княгиня проснется, тут же позвать меня, я вышел в коридор. Неприметный человек – Афанасий, как он назвался, был тут и проводил меня в соседнюю комнату.

– Жить пока здесь будешь, рядом с покоями княгини, князь так распорядился. Холопа твоего с лошадью уже определили, не тревожься. Скажи, что нужно.

– Чтобы вода горячая в большом количестве всегда была, теплое свежее пиво, хлебное вино.

- Да ты никак бражничать собрался, – изумился Афанасий.
- Нет, для лечения надобно.

В небольшой комнате была кровать с периной, стол и, о чудо, шкаф, причем иноземной работы – резной, покрытый лаком. Мой знакомый из прошлого, а вернее, далекого будущего, собиратель антиквариата, точно бы удивился. Я переоделся, в дверь постучали, и вошла служанка.

- Не покушаете с дороги?
- И покушаю, и напиток хочу.

В комнату внесли поднос, на котором стояли блюда с жареным мясом, вареная белорыбица, стопкой лежали лепешки и стоял кувшинчик с квасом. Хорошо подкрепившегося, меня отвели в баню. Двое холопов, несмотря на мои робкие возражения, сноровисто меня раздели, уложили на лавку, стали поливать щелоком, охаживать веником, натерли докрасна мочалом и обмыли. Воистину для русского тела баня – лучшее лекарство. Усталость как рукой сняло, смывшаяся пыль и пот открыли поры, тело легко дышало. Но надо поторапливаться, чай, не отдышать позвали.

Княгиня пока не проснулась, намаялась за предыдущие дни, отсыпалась. То и хорошо, сон тоже лечит, сил наберется.

К вечеру княгиня Елизавета Николаевна проснулась и встала. Я уже находился в комнате, взглянув смущенно в мою сторону, сказала:

– По малой нужде сильно хочу!
– Это хорошо, но только в горшок.
Чтобы не смущать, я вышел.

Как я и думал, моча оказалась с примесью крови. Диагноз, к моему счастью, подтвердился.

Чувствовала себя княгиня вполне удовлетворительно – боли прошли, беспокоила лишь легкая слабость. Я отменил постельный режим, ограничив лишь верховую езду и езду в возке, а также острые кушанья. К вечерней трапезе меня пригласили, и княгиня сидела по левую руку от князя. Выглядела она относительно неплохо, недавнюю болезнь выдавала лишь бледность лица. Зато князь был весел. Я с достоинством поклонился. Князь и княгиня ответили кивком головы. За столом сидели только ближние бояре и приближенные лица. Но и тех набиралось около тридцати. Меня усадили с торца стола, на другом конце от князя. Стол ломился от кушаний, ни в одном ресторане я не видел такого обилия вкусотищи. Челядь, стоявшая сбоку стола, подкладывала новые блюда взамен опустевших, виночерпий следил, чтобы бокалы и кубки были полны. После того как все слегка поели и выпили, князь, глядя через весь стол на меня, сказал:

– Благодарю тебя, лекарь Юрий, спас мою любимую жену от напасти. Верно мне сказывал боярин данковский, теперь сам убедился, в искусстве и умении лекарском достиг ты высот. Откуда на земле рязанской появился, иначе я бы раньше о тебе услышал?

Я снова рассказал придуманную легенду о житье в дальних странах.

– Лепо, – молвил князь.

Я поспешил добавить – еще дней несколько за ней понаблюдаю, дозволю.

– Дозволяю, – благосклонно кивнул князь. – Что за работу искусную просишь?

Я пожал плечами – что я мог просить? У меня ничего не было: ни кола, ни двора, ни родных, ни лошади.

Князь хлопнул в ладони. Вошел челядин, князь прошептал ему на ухо, и тот исчез, чтобы через десяток минут появиться вновь. Его сопровождали два молодца, чего-то несших на подносах, покрытых платками. Князь громко сказал:

– Жалую лекаря шапкой серебра!

Ко мне подошли холопы, один сунул в руки глубокую бобровую шапку, второй с другого подноса, где оказалась груда серебряных монет, стал горстями высыпать в шапку. Такого я и ожидать не мог. Бояре радостно зашумели, послышались крики во здравие князя и его щедрости. Когда шапка оказалась полна, я поклонился князю и поблагодарил. Видя мое замешательство – как шапку-то держать, в ней весу – килограмма три, холоп взял с пустого подноса платок, перевязал шапку и связал все четыре угла.

Поклонился и тихо сказал:

– Мы отнесем в твою комнату.

Я поднял кубок за князя и его жену, за его деток.

В общем, кончилось все, как у боярина в Данкове. Утром я проснулся с головной болью и похмельем. Типично русская болезнь. И сколько раз я себе говорил, но не будешь же отказываться на княжеском застолье. Умывшись, зашел к Елизавете Николаевне. Женщина оправилась от болезни, еще больше похорошела. Жалоб не предъявляла. Поблагодарила меня за труды.

В коридоре подошел Афанасий – тот самый неприметный человек – и повел завтракать.

Кушали в небольшой комнате – несколько приближенных человек: княжеский ключник, конюшенный, тиун, воевода и Афанасий. Как я понял, в нашем мире его назвали бы человеком по особым поручениям. В перерывах между блюдами меня снова начали выпрашивать – кто я, откуда, где был, что видел. Пытались это делать ненавязчиво, но я-то был из двадцать первого

века, по телевизору видел, что такое перекрестный допрос. И то – как можно допустить к княжескому телу незнакомца – вдруг отравит или погубит каким другим способом.

В полдень меня позвали к князю. Сидел он в той же комнате, что и в первую нашу встречу. Поздоровались, на этот раз меня посадили на стул. Разговор начался о Данкове, а также касался моей стрельбы.

– Откуда огненный бой знаешь, воевода местный сказывал – зело ловко ты с пушками управляешься, выручил город.

– Когда в дальних землях был, пришлось и огненному делу научиться, и других диковин посмотреть.

– Да, мне молвили про некие диковины, что ты делал, как доски удумал из бревен делать.

– Так, не сам удумал, тоже ранее видел.

– Любопытно. – Князь замолчал, задумавшись. – А ко мне не хочешь переехать, в Рязани жить. Это не маленький Данков. Человеку с таким искусством людей лечить в Данкове тесно будет.

В уме князю не откажешь.

Только и я помнил пушкинское: «Минуй нас пуще всех печалей и барский гнев, и барская любовь». Сегодня ты люб, а завтра можно и головы лишиться. Рязань, конечно, не Данков, да только не будет ли дозвлеть надо мной длинная княжеская длань? Не успел в Данкове лесопилку сотворить, как князю уже известно. Я раздумывал, князь молчал.

– Вижу – колеблешься. Даю тебе три дня на раздумье. Будешь мою семью и челядь приближенную пользоваться, притеснять не буду, дом в Рязани купишь али построишь, зазную сюда перевезешь. Ежели полезную диковину сотворишь, долю выделю.

– Хорошо, дай мне подумать, княже.

Из боковой дверцы вышел Афанасий – князь кивнул на меня.

– Покажи в городе лекарю дома, какие на продажу, пусть пока поглядит, приценится.

Мы поклонились князю и вышли. В коридоре я схватил за рукав Афанасия.

– Где мне денег на дом взять? Без денег чего же смотреть?

Человечек изумился:

– Да тебе князь полную шапку серебра отвесил, ужель девал куда? На эти деньги ты посад целый купишь.

Мы подошли к конюшне, нашли в боковой комнате Прохора – он лежал на лавке, поглаживая живот – видно, ему здесь нравилось.

– Запрягай, – распорядился я.

Сели в возок, поехали. Через короткое время Афанасий стал дергать меня за рукав:

– Слышь, лекарь, что у тебя за возок такой? Почти не трясет, тоже диковина.

Я сказал:

– Видел в дальних странах, вот и себе сделал.

Афанасий ерзал на сиденье, довольно цокал языком.

– Надо обсказать княгине. Князь-то, Олег Всеволодович, верхами ездит, возком почти не пользуется, для парадных выездов токмо. Княгине, думаю, такое по вкусу придется.

Мы проехали по нескольким местам. Один дом мне понравился – в два этажа, из бревен, не старый, стоял близко от центра, но в тихом переулке.

Торговался в основном Афанасий. Я еще не успел всерьез решиться на этот шаг, колебался. Афанасий спросил:

– Дом и участок нравятся?

– Да.

– Ну так бери!

Мы хлопнули по рукам, договорились встретиться завтра – надо было составлять купчую, и, слегка ошарашенный сделкой, направился назад.

– Не переживай, лекарь. Я этот дом знаю, не пожалеешь, дом ранее купцу принадлежал. На ладье плавал, да где-то сгинул, уже много лет ни слуху ни духу. Вот жена и продает.

На следующий день я попросил Афанасия помочь в покупке – не знал, как и где оформляют купчую и как расплачиваться. И в моем мире делаются такие приобретения нечасто, а здесь ничего дороже одежды на торгу я не покупал.

Получилось быстрее и проще, чем я думал. Стряпчий в княжеском кремле написал гусиным пером на пергаменте документ, мы расписались, свидетели – Афанасий с незнакомым мне горожанином – тоже приложили руку, после пошли в мою обитель, и Афанасий с продавцом долго звенели монетами, пересчитывая и переругиваясь.

Наконец все закончилось. В шапке осталось еще изрядно серебра. Афанасий молвил:

– Теперь поехали рухлядь на торгу покупать.

– Зачем мне рухлядь? – удивился я.

– А спать-есть на чем будешь?

Пришлось промолчать, рухлядью здесь называлось не то, о чем я подумал. На возке с Прохором и Афанасием мы отправились на торг. Афанасий во всех делах был дока, и знали его на торгу хорошо. Мы набили перинами, подушками, простынями почти весь возок и, еле уместившись сами, отправились к моей первой в этом мире недвижимости. Чем больше я осматривал дом, тем больше он мне нравился. Просторный двор, сарай и конюшня сбоку, подвалы, просторные комнаты. Окна, правда, были затянуты слюдой, а не стеклом. Велев холопу оставаться в доме и распрягать лошадь, Афанасий поскреб в затылке:

– Теперь тебе челядь нанимать надоть – ну там, кухарку, сторожа, в доме убирать чего. Помочь?

Я быстро закивал головой, в городе знакомых не было, а брать первого попавшегося в дом не хотелось. Стремительно я обрастал домом и грядущими обязанностями, причем многое делалось как бы помимо меня – само собой. Вот уже и домовладелец, обслугу нанимать надо, видно, князь всерьез решил прибрать меня в стольный город своего княжества. Дав Прошке несколько монет, отправил его на торг – купить чего-либо съестного. С приобретением своего жилья теперь пришлось думать и о питании.

Встав утром, наскоро перекусил и в возке отправился в кремль. Охрана у ворот пропустила беспрепятственно. Из дворовой церкви, видно, после службы выходили люди. Ко мне подошел служивый.

– Княгиня призывает.

Я подошел – внешне женщина выглядела здоровой, была весела, жалоб не было. Сказала:

– Афанасий про возок твой дивный рассказывал, попробоваться хочешь.

– Да ради бога, княгиня.

Я подвел ее к возку, посадил, и мы сделали круг по кремлевской площади, выложенной дубовыми плахами.

– И правду не трясет, как на лодочке плыву. Хочу себе такой же!

– Помилуй, княгиня, я лекарь, не кузнец. Ежели у тебя кузнец хороший есть, я могу показать, чего сделать надо.

С помощью вездесущего и всезнающего Афанасия мы пошли в хозяйственный угол кремля, где за конюшней была кузница. Кузнец внимательно осмотрел мой возок:

– Ловко сделано, да мы не хуже сможем.

– Обустроился ли? – спросил Афанасий, когда мы шли обратно. – Сегодня я тебе людшек пришлю – выбери кого надо.

– Вот спасибо, – искренне поблагодарил я. – Что бы мне без тебя в незнакомом городе делать?

– Вспомни это, когда заболею, – ответил Афанасий.

После обеда, прошедшего скудно – Прохор сварил щи и кашу, большего он, по моему, не умел, – я лег на перину – отдохнуть и поразмышлять. Дом-то у меня есть, но нужна работа, деньги имеют свойство кончаться, если кошель не пополнять. И второй момент – надо перевезти Анастасию с сыном сюда, запала она мне в душу, а Прохора с повозкой вернуть Игнату Лукичу. И так уже неделю я здесь. Снова надо советоваться с Афанасием. Вскоре в ворота раздался стук – Проша пошел открывать. Пришли люди от Афанасия – наниматься. В городе только ремесленники, купцы и дружинники имели более или менее постоянный доход, все остальные перебивались огородничеством, охотой, рыбной ловлей. У женщин возможности выбора было еще меньше.

В горницу вошли семь человек – два бородатых мужика и женщины разного возраста.

– Нас Афанасий послал!

Мужиков я взял сразу – сторож нужен, и за двором присмотреть надо, и по хозяйству без рабочих рук нельзя. Одна из женщин оказалась кухаркой, чему я обрадовался – покушать вкусно любил, еще одна горничной, третью взял прачкой. Определил их в комнаты – в одной мужчины, в другой женщины. Низко поклонившись, они отпросились за своими пожитками, а я на возке отправился к Афанасию, захав на торг. Неудобно – человек мне помогает, а служит князю. Долго выбирал, что подарить – выбрал красивый небольшой нож в ножнах, местные мужчины им пользуются как обеденным.

Афанасий от подарка не отказался, по лицу было видно – подарком доволен.

– Люди от меня были?

– Да, спасибо, взял пятерых.

– А чего не всех, людишки проверенные, не вороватые, работающие. Платы большой не спросят, а по дому и двору работа всегда найдется. Ладно, потом поправим. Сейчас что хотел, помочь чем?

Я объяснил ситуацию с зазновой в Данкове, да и возок вернуть надо, опять же холоп не мой.

– Пойду спрошу у князя, отпустит ли.

Быстро вернулся:

– Езжай, но через десять дней князь назад тебя ждать будет.

Я крепко обнял Афанасия – этого «серого кардинала» княжеского кремля – и вернулся домой. Вновь нанятые люди были уже там, обустроивались. Из двух мужиков я выбрал более серьезного и степенного и сказал:

– Уезжаю на десять дней, дом блюдите, если надо запасы сделать – сена для лошадей, зерно, людям покушать, – вот деньги, распоряжайся с умом.

– Все будет исполнено, – мужик с достоинством поклонился.

Я обратился к челяди:

– Всем его слушать, он старшим будет.

Мужик приосанился. Утречком, после завтрака – яйца, квас, лепешки, – мы с Прохором выехали в Данков. Такой гонки уже не было, лошадка трусцой пылила по сельским дорогам. Кушали и ночевали на постоялых дворах. В один из дней Прохор обратился ко мне:

– Юрий Григорьевич, ты теперь в Рязани жить будешь?

– Выходит, так.

– И меня Игнату Лукичу вернуть хочешь?

– А как же, ты же его человек, ежели сбежишь – поймают.

– Выкупи меня у него, по нраву у тебя жить, верной собакой тебе служить буду. У Игната Лукича неплохо, да городок невелик – то мужики спьяну дерутся, то еще что. А ты человек ученый, думаю я, далеко пойдешь.

Вот тебе и холоп. Раздумывал я недолго. Если Игнат Лукич согласится, попробуем.

До Данкова ехали пять дней. Игнат Лукич встретил как близкого родственника, крепко обнял, похлопал по плечам.

– Рассказывай, как там в Рязани?

Я вкратце пересказал основные события. Когда речь зашла о покупке дома, трактирщик огорчился:

– Я так и знал, что тебя рязанцы сманят, чуяло мое сердце. Жалко, хороший ты парень, да тесно тебе будет в Данкове. Ладно, коли так, езжай.

– Подожди, Игнат Лукич, просьба у меня к тебе насчет Прошки. Уступи мне холопа.

Лукич недолго подумал:

– Ладно, тридцать сребреников, и он твой.

Я отсчитал деньги, первый раз в жизни я покупал человека, да еще и тридцать монет – как Иуда.

– Зазноба у меня здесь, хочу дом ее продать да с собой забрать – поможешь ли?

– Что с тобой поделаешь, помогу.

Я помчался к Анастасии. Пока получалось, что я решал за нее без нее самой. Запыхавшись, вбежал в дом, Анастасия и ее сынишка сидели за столом, обедали.

Радости обоих не было предела. Анастасия радостно меня обнимала.

– Вернулся, из-за меня вернулся?

– Да, ненаглядная моя, за тобой вернулся.

– Сердцем чуяла, что в Рязань тебя князь сманит, думала, забудешь про нас.

Мальчонка вертелся рядом, с ожиданием заглядывая в глаза.

– Всех вас отсюда заберу, собирайте пожитки, дом продавать надо, телеги прикупить – добро кое-какое перевезти надо.

– А в Рязани где жить будем?

– Дом я купил за княжьи деньги. Челядь нанял, не хуже других жить будем.

С радостным визгом оба бросились мне на шею. Короче, дел было полно, а времени мало. Снова обратился к Игнату Лукичу.

– С повозками забот не будет – иди на торг, наймешь повозки с возчиками, сколь тебе надо. За одну подводку до Рязани берут три алтына и две деньги, не прогадай.

– А с домом как быть?

– Пойдем посмотрим дом.

Запрягли возок и поехали смотреть дом Анастасии. Там царила оживленная суэта – собирались вещи, перетряхивалась одежда.

Игнат Лукич с деловым видом обошел дом, слазил на чердак и в подвал, зашел в сарайчик.

– Сколько хочешь, хозяйка?

– Да не знаю я, господин хороший.

Лукич обратился ко мне:

– Дом, если не спешить, за две гривны киевской продать можно. Если хочешь – даю одну гривну сейчас, и дом мой.

Кто знает, как долго будет продаваться дом, я кивнул головой и посмотрел на Настю. Она была тоже согласна. Ударили по рукам.

– Когда освободишь?

– Через три дня.

На обратном пути заехали на торг. Игнат Лукич степенно подошел к мужикам, долго с ними разговаривал, потом мне рукой – давай задаток, скажи, когда и куда подъехать. Я объяснил.

Вернувшись на постоялый двор, Игнат Лукич велел натопить баньку.

– Сходим, попаримся с тобой, поговорим.

Натопили баньку хорошо, двое холопов плескали квасу на раскаленные камни, хлебным духом наполнилось все помещение. Мы улеглись на полки, сначала аккуратно, затем сильнее и сильнее нас обиходили веничками, обмыли. Распаренные, мы вышли в предбанник, закутались в простыни, хлебнули крепкого, холодного пива. К пиву на столе стояли вареные раки, копченая рыба и соленые бараночки. Хорошо!

Тело отдыхало.

– Как мыслишь далее жить?

Я пока и сам этого не знал.

– У князя во дворце есть такой мужичок – Афанасий. – Я кивнул – знаком уже. – Большое влияние на князя имеет, ты с ним не ссорься, мужик хороший, но злопамятный. Ты, лекарь, во многих делах занятный, жилка в тебе какая-то интересная есть, да и дно двойное али тройное. Это тоже чувствуется, осторожнее будь, ты человек здесь без роду-племени, поддержать тебя на первых порах будет некому, а кому-то дорогу ты уже перешел али перейдешь. С людьми видными и уважаемыми поговорчивее будь, на подарки денег не жалея, все сторицей окупится. Князь – человек разумный, но вспыльчивый. К тому же под рукой московского царя, не всегда себе хозяин. Более я сказать ничего не могу, не знаю, не в столице живу.

Никак не могу привыкнуть, что столицей они называют Рязань – столицу Рязанского княжества. Издавна Рязань самостоятельной была, с Москвой воевала, а ныне утратила былую вольность.

– Я мыслю, – добавил Игнат Лукич, – в верха пробьешься. Князем али боярином не будешь – это по рождению, но ум и хватка у тебя есть. Давненько я так ни с кем не разговаривал, буквально по-отечески.

Поблагодарив Игната Лукича за все, что он для меня сделал, мы отправились отдыхать.

С утра я отправился к Анастасии помочь собрать вещи. Особенно собирать было нечего, но узлов набралось изрядно.

– А с живностью как? – спросила Настя.

– Да никак – свиней продай или отдай соседям, на новом месте купим.

Настя меня огорошила:

– А в чем женки в Рязани ходят?

Ешкин кот, во все времена, наверное, женщины одинаковы. У нее судьба круто меняется – город, дом, спутник жизни, – а она? Какая в Рязани мода? Короче, на торг мы не пошли, решили купить в Рязани. Зарубили и сварили курицу, не пропадать же добру. Спать я отправился к Игнату Лукичу, все-таки внешние проявления нравственности соблюдать надо.

Когда на следующий день, попрощавшись с Игнатом Лукичом и небольшой сумкой с пожитками, я подошел к Насте, телеги стояли уже там, возчики споро выносили узлы. На одной из телег укладывал вещи Прохор. В предотъездной суете я как-то о нем подзабыл.

– Здравствуй, хозяин! Я уже с вещами, – показал на небольшой узел он.

Вышли за ворота, из-за заборов выглядывали лица соседей.

Анастасия всплакнула, перекрестила дом, перекрестилась сама, мы уселись на телеги, и наша маленькая колонна из трех телег двинулась в путь. Прощай, Данков. Начинался новый отрезок жизни.

Глава 6

На новом месте

Утомленные тряской, дальней и пыльной дорогой, мы благополучно прибыли в Рязань. В доме был порядок, при нашем приезде все челядины высыпали во двор поприветствовать нового хозяина. Я несколько приосанился, все-таки домовладелец, не голодранец какой. В мимолетном взгляде Настеньки уловил уважение. Миша радостно закричал:

– Это теперь наш дом?

– Да, и твой тоже.

– Вот здорово! – И помчался по всем помещениям дома.

Я завел Настеньку в спальню. Челядины навели относительный порядок, но с мебелью и уютом было скудно.

– Давай завтра сходим на торг, подкупим, что надо, ты прикинь сперва.

Челядь уже ушла выгрузить и сносить в дом вещи, кухарка приветливо пригласила к столу.

По домашней пище все соскучились и дружно уселись за стол. Угощение было не как у князя, но очень достойное.

С утра, позавтракав, я отправился в кремль, надо же было доложить о прибытии и проведать княгиню.

Афанасий радостно меня приветствовал, спросил, как съездилось. Получалось – неназойливо он перетащил меня в Рязань. Мы поговорили о разном, я спросил о княгине.

– Здоровье неплохое, возок ей уже переделали, как у тебя, очень довольна и просит передать тебе благодарность.

– К сожалению, тот возок был не мой, сейчас я без транспорта.

– Негоже уважаемому человеку пешком ходить, это вопрос престижа. Пешком ходят простолюдины. Пойдем-ка со мной.

Мы пошли к конюшне. Поговорив с лошадиниками, Афанасий подвел ко мне человека.

– Он хорошо разбирается в лошадях, сходи на торг, обязательно купи лошадь.

Ладно, надо слушать умных советов. Выбирал лошадь лошадиник, так как я в них не понимал ничего. Наконец сделка состоялась и я взял лошадь под уздцы. Узнав, что хорошие возки на торгу не продают, надо их заказывать у мастера, отправился с лошадью домой. Прохор обрадовался лошади:

– Еще бы возок!

Пришлось идти к каретному мастеру, обговаривать с ним возок. К сожалению, срок изготовления был велик – два месяца.

Я занялся обустройством своей рабочей комнаты – на первом этаже.

Захар, который оставался за управляющего, пока меня не было в Рязани, сделал мне кушетку, как в больнице моего времени. Обил ее кожей, сделал стол – подобие письменного, вешалку для пациентов. Когда кушетку застелили белой простыней, на мгновение показалось, я вернулся в свою больницу, и такая тоска меня взяла!

Для работы требовался спирт, которого тут не было, но делали хлебное или твореное вино – нечто подобное разведенному самогону или водке. Снова пришлось идти к кузнецу – заказывать подобие самогонного аппарата – змеевик, металлическую емкость и другое. Через три дня все было готово, и я объяснил Захару, как этим пользоваться.

Первая порция была опробована, вкус был не очень, местные трактирщики забивали привкус сивушных масел добавлением ягод.

Я сразу решил – только лучшего качества.

– А скажи, Захар, где можно взять древесного угля?

– Дык, на торгу.

Снабдив деньгами, отправил его за углем. Не имея пока оборудования, бросили уголь в чугунок, налили туда нашего самогона, через день осторожно слили через вату. Самое то, практически чистый спирт градусов 70–80, горел чистым, синим пламенем. Таким спиртом уже можно было работать, а настояв на орехах или ягодах, употреблять за столом. Наказав Захару заняться изготовлением спирта, я пешком отправился к Афанасию.

– Как мне обзавестись болящими? Практика нужна, опыт.

– Тобой уже интересовались в княжеском окружении – спрашивали, примешь ли их тоже, только ты в Данков уехал. Я направлю. Как им найти?

Ответ нашелся по аналогии – на воротах будет табличка с красным крестом, про улицу Афанасий знает. Если крупные, центральные улицы еще носили названия, хотя таблички и не было, то про нумерацию никто и не знал.

– Слушай, Афанасий, а почему бы вам на каждом доме не поставить номер, будет удобнее искать адрес.

– А зачем, все на улице друг друга знают.

Я решил зайти с другого бока:

– Налоги брать удобнее, купчие на дом оформлять удобнее и много чего другого.

Разговор о налогах заставил его задуматься.

– Ладно, обскажу князю – как он решит.

Проходя мимо торга, решил пройти по лавкам без особой цели. Торг в те времена не только место торговли, можно было услышать городские, и не только, новости, узнать цены на грядущий урожай и многое еще чего.

Вдруг глаз зацепился за нечто знакомое, я повернулся – за прилавком сидел то ли араб, то ли перс, и перед ним лежала стопка бумаги. За все мое время нахождения в этом мире бумагу я увидел в первый раз. Я подошел, взял листок. Сонное лицо продавца оживилось. Я потерял листок – качество было неплохое.

– Сколько стоит?

– Уважаемый господин разбирается в товаре, за последнюю седмицу ты первый, кто заинтересовался, тебе, как первому покупателю, отдам по копейке листок.

– Дороговато!

– Товар редкий, дорогой, издалека вез.

– Хорошо, давай двести!

Продавец подпрыгнул.

– Да это почти вся моя бумага.

– Вот всю и давай.

Я забрал бумагу, араб слащавым голосом спросил:

– А писать есть чем?

– А что предложить можешь?

Из-под прилавка араб достал серебряную чернильницу вместе с чернилами.

– Куна. Чернильница – чистое серебро.

Молча я отсчитал деньги.

– Привози еще, я возьму.

Дома никто моей радости по поводу приобретения бумаги не разделил. Анастасия пожала плечами:

– Для баловства, что ли?

– Писать!

– Так неграмотные мы.

Да, в этом мире писать и читать из женщин почти никто не мог за исключением княжеских и боярских семей. О неграмотности моих близких и не догадывался, срочно надо было

искать учителя. Правда, в Новгородской республике, где женщины имели равные права с мужчинами, грамотой владели многие, но после разгрома ее Иваном Грозным уровень грамотности упал.

Полежав и поразмыслив, я направился в ближайшую церковь. Обедня закончилась, народ уже почти весь разошелся. Стоявший у алтаря священнослужитель повернулся ко мне, перекрестился, я подошел, поклонился.

– И тебе мир, добрый человек. – И перекрестил меня. – В чем нужда?

Я сбивчиво попытался объяснить, что мне нужен учитель – чтения, письма, арифметики. Святой отец размышлял недолго.

– Живет недалеко от церкви дьяк, по причине преклонных лет службу ему отправлять тяжело, но думаю, что помочь тебе он сможет.

– Спасибо!

Он улыбнулся:

– Покамест я дьяк.

Пройдя к указанному домику, я нашел старого дьяка. Почти лысая голова и седая, как серебро, борода, морщинистое худое лицо и неожиданно умные, живые глаза. Одет был в старенькую рясу.

– Что привело тебя ко мне, сын божий?

Я объяснил ситуацию.

– Ну что же, нести свет в народ – богоугодное дело. Жди завтра.

Долго я объяснял Анастасии и ее сынишке, что они начинают учиться чтению, письму и счету. Мальчик обрадовался, а Анастасия проявила непонимание.

– Зачем оно мне?

Как мог объяснил ей, что моя половина не должна быть неграмотной, что ей придется вести хозяйство, записывать расходы и вести учет. Долгое объяснение сразу вразумило.

– Только священника каждый раз кормите, видно, бедновато живет, а потом я с ним рассчитаюсь.

С этого дня и всю зиму каждое утро отец Амвросий приходил к нам домой и до полудня учил моих домашних. Миша делал успехи. Священник тоже – я хорошо ему платил, кормил, на старости лет это было неплохим подспорьем.

Между тем у меня начала появляться клиентура – сначала редко ближнее княжеское окружение, затем чаще – их родственники, а потом уже почти постоянно купцы, ремесленники с домочадцами.

Заработок стал постоянным, и жизнь приобрела устойчивость и надежность.

Почти все заботы по управлению домом и челядью взяла на себя Анастасия – и ей это нравилось, дом содержался в порядке: погреб полон запасов, а челядь ее боялась больше, чем меня.

Работа поглощала все время, но одна дума все время меня не оставляла. Наркоз! Я не мог ничего сделать без анестезии. Заштопать раны или удалить жировик еще получалось, но на более серьезное я не решался. Без наркоза у пациента наступит болевой шок, от которого он может погибнуть. Я все время искал выход и пока не находил. Я ходил на торг, заказывал купцам, что торговыми судами ходили в Италию, Испанию, Францию, хлороформ, эфир, но тщетно.

В один из осенних дней я отправился к арабу – прикупить чернил и бумаги. Торговец меня встретил как старого знакомого, спрашивал, как жена, дети, здоровье. После долгих приветствий наконец дошли до дела. Я прикупил бумаги и чернил и заметил в глубине лавки курящийся кальян. Что-то мелькнуло в мозгу:

– А скажи, уважаемый, нет ли у тебя порошка из родных мест, навевающего грезы, или опиума?

Араб прошел за занавеску и вынес небольшой кусочек терпко пахнувшего опиума.

Араб подробно объяснил – настоять на хлебном вине или сосать под языком, отщипнув кусочек, и показал сколько. Сам я наркотиками никогда не пользовался, а пациентам в отделении больницы мы кололи промедол, морфин, то есть заводские препараты, и как они изготавливаются, я не знал. Придется выкручиваться, как получится. Случай подвернулся скоро. Один из бояр, сойдя кое-как с повозки с помощью холопов, зашел ко мне в приемную комнату. Едва поздоровавшись, он стал охать:

– Ни сидеть не могу, ни ходить, лихоманка меня трясет. – Помявшись, добавил: – И оправляться по большой нужде больно.

После осмотра стал ясен диагноз – острый парапроктит. Я предложил ему вскрыть гнойник.

– А выдюжу? Может, сам прорвется, ежели подорожник приложить.

– А коли помрешь?

Помирать ему явно не хотелось.

– Ладно, ты лекарь ученый, делай как знаешь.

Я дал ему выпить из плошки настойку с опиумом, через какое-то время глаза боярина затуманились, речь стала тягучей. С помощью его же холопа, раздев его, уложил на стол. Вымыл руки спиртом, вскрыл гнойник, оказалось, довольно много гноя. Сделав перевязку, отпустил домой, наказав завтра же посетить меня снова. Вырисовывалась еще проблема – что делать с больными, нуждающимися в наблюдении после операций, даже не тяжелых. Сделать пристройку во дворе, как у Игната Лукича в Данкове?

«Серый кардинал» Афанасий подсказал другой выход:

– Недалече от торгового амбара стоит, его для себя купец один строил, да прогорел, вишь, продает. Посмотри, перегородки внутри поставь, ежели надо, все быстрее будет, коли желание есть.

Амбар и впрямь оказался хорош: толстые бревенчатые стены, обширный подвал из камня, недалеко от торговой площади. Сговорились мы с бывшим купцом, а ныне скромным лавочником быстро. Я накидал на бумаге план перепланировки. Наутро привел Захара с Прохором в амбар, на месте показал, что делать. Мужики походили, посмотрели.

– Артель плотников нанимать надоть, доски, гвозди.

Прикинув, во что все обойдется, я отсчитал им деньги, пообещав заглянуть на стройку завтра. Без транспорта было как без рук, приходилось передвигаться пешком, сейчас я бы согласился на любую повозку.

Домой привезли вчерашнего боярина – выглядел он повеселевшим, жар спал, боль была терпимее:

– Спасибо тебе, лекарь Юрий. Ожил я, думал – конец подходит, ан семья большая – как им без меня?

– Все теперь уж, боярин, еще пару раз на перевязку приедешь – и здоров будешь.

Когда боярин, еще кривясь от боли, но уже без помощи холопов выходил, оставил на столе кучку серебра – по весу куны полторы будет. Хорошо себя боярин ценит.

Следующие две недели я разрывался между стройкой и приемом больных. Вот уж не думал, что кроме лекаря я буду и строителем, и вновь изобретать уже сделанное кем-то. Но жизнь здесь была явно интереснее. Да, не было телефона и телевизора, не было машин и электричества, водопровода и много чего еще. Но здесь был вольный дух, свежий воздух, искренние до наивности люди, дорожившие своей честью. Сейчас я уже сомневался: предложи мне выбор – остаться тут или вернуться?

К моменту окончания переделки амбара в госпиталь, как его называли, была готова у каретника моя повозка, чему я был рад. Пешком бегать по Рязани было утомительно, я решил перенести прием больных и небольшой стационар при нем в переделанный амбар, оставив в

доме на экстренный случай и приемную комнату. Насколько я знал, были в Рязани травники, костоправы и другие целители, но никого оперирующего, естественно, не было.

Поработав несколько дней в госпитале, понял, что без персонала мне не справиться. Взять готовых было негде, разве что санитарок – перестелить, убрать.

Их-то я нашел быстро, а вот подготовить что-то вроде сестер милосердия – мне придется самому. Я попросил Прохора сходить на торг, поговорить с людьми – пригласить к себе на отбор парубков и девушек. Дня через два-три ко мне стали подходить молодые люди, меня интересовало, грамотный ли, не боится ли работать с кровью. Объяснял, что надо делать после обучения. В итоге из более чем трех десятков человек отобрал троих – двух девиц и паренька. Немаловажным было и то, что у них было желание врачевать.

Забот прибавилось – кроме лечения больных, пришлось заниматься и с будущими медиками. На приеме больных я показывал им практические навыки, когда больных не было, рассказывал в объеме, который они могли усвоить, теорию, начиная с анатомии человека и кончая стерилизацией инструментов и приготовлением лекарственных трав. Кое-какие проблемы удалось решить – например, для шитья ран я использовал конский волос из хвоста. Не для всех случаев жизни, кетгут взять было негде, шелковых нитей тоже, хотя на торгу шелковые рубашки были, привезенные из Синда.

Так, в хлопотах, обучении помощников, обустройстве личной жизни пролетело полгода. Прошла зима с ее морозами, снегом, проводами Масленицы с кулачными боями. Я пообвыкся в городе, оброс знакомствами, многие дела решались проще и быстрее, на улицах бывшие и настоящие пациенты раскланивались, постепенно пришло уважение.

Анастасия и Мишенька вошли во вкус учебы, уже довольно быстро читали и писали, научились сносно считать. У одного из лоточников я покупал книги – сначала попроще, и приучил Анастасию к чтению.

Периодически захаживал в кремль, справиться о здоровье княгини, вызнать у Афанасия новости, пообщаться с боярами. Конечно, я не имел благородного звания, но пользовался уже авторитетом и весом в обществе, и разговаривали бояре и ближние княжеские люди вполне доброжелательно, как с ровней, без спеси и высокомерия. Не одного из них я поставил на ноги, дав возможность жить полноценной жизнью.

В один из вечеров внезапно, как это и бывает, ко мне домой на возке подъехал боярин, которого я оперировал несколько месяцев тому с парапроктитом. После мы сошлись, несколько раз встречались на застольях или торгу. Звали его Никифор Артемьевич. Степенно сошел с возка, он, отдуваясь, в меховой шубе, чинно поприветствовал.

– Нужда привела к тебе, лекарь, выручай. К князю посол французский пожаловал, проездом из Москвы, да занедужил сильно, князь попросил тебя приехать, попользовать болящего.

– Ладно, что ж не поехать, коли князь зовет.

Собрался я быстро, Прохор уже запряг мой возок и положил в него сумку с инструментами. Ехать недалеко. Изба посольского приказа располагалась рядом с кремлем. На широкой кровати на мягкой перине лежал крупный мужчина в атласной рубашке с кружевами с мокрым от пота лицом. Рядом вертелся чернявый сухой мужчина неопределенных лет – толмач. После приветствия и осмотра я пришел к неутешительному диагнозу – ущемленная паховая грыжа. Надо оперировать, еще не вопрос, выживет ли после операции, но без нее – гарантированная смерть. Все это я втолковывал переводчику, боярин Никифор Артемьевич стоял рядом, его глаза беспокойно перебежали с меня на посла и обратно.

– Не дай бог, у нас в Рязани преставится, царь Михаил Федорович осерчает. Помогите!

– Да как я могу помочь, если больной не решается оперироваться?

Кое-как, с помощью переводчика и сам кое-где по-латыни, где жестами, он попытался объяснить послу положение вещей. В ответ услышал, что болезнь эта у него давно, при уве-

личении грыжи он сам вправлял ее, и состояние улучшалось, но этот приступ не проходит, и попытка вправления не удалась.

– Решайте, – бросил я и уселся на лавку.

После долгих и бурных переговоров посла, боярина и переводчика посол все-таки согласился на операцию. Я распорядился взять его в «госпиталь». По распоряжению лекаря Прохор привез в «госпиталь» двух помощников, еще одна была на месте – дежурила.

Операция прошла трудно – часть ущемленного кишечника омертвела, пришлось резецировать, наркоз на опиуме был слабоват для брюшных операций, инструмента не хватало.

Посол, правда, оказался мужиком крепким, очнувшись часов через шесть, попросил вина. Я разрешил дать разбавленного. Я и помощники трое суток не отходили от постели. Ученики мои видели ход операции, помогали выхаживать. Когда кризис миновал, я позволил себе уйти домой отоспаться, отослав также и двух помощников, наказав в случае ухудшения состояния отправить посыльного ко мне домой. Ночь прошла спокойно.

Утром, приехав в «госпиталь», я был немало удивлен – пациент сидел на кровати и кушал, вернее, его кормила моя ученица. Вроде дела пошли на поправку.

Сделал перевязки – рана была сухая, с грануляциями, заживление шло хорошо. К пациенту стали допускать его спутников. Пришел боярин из посольского приказа. Еды и вина нанесли на неделю, только куда его без холодильника.

Крепкое здоровье было у француза. Даже в мои дни не каждый пациент мог выздороветь после ущемления грыжи, к сожалению.

Через неделю пациент уже ходил, и я планировал вскорости снять швы. За эту неделю мы разговаривали на смеси латинского, русского, нескольких знакомых мне французских слов и остатков институтского английского. Посол оказался умен, образован и общителен, не дурак выпить. С его слов я понял, что обращался он к разным врачевателям в разных городах и странах и никто ему не мог помочь, и только здесь, в варварской России, нашелся о, великий лекарь! «Я обязательно расскажу о вашем искусстве царю Михаилу Федоровичу, а также в Париже и Лионе, куда отправлюсь после выздоровления». Вскорости я снял швы, и предупредив о дальнейшем образе жизни, мы с ним распрощались.

На следующий день гонец от князя попросил прибыть к нему. Обычно серьезный, князь был весел, за столом стояли кувшины с вином, обильная закуска.

– Молодец, лекарь! Утерли послу и французам нос, будет знать, что и у нас в России есть светлые головы и умелые руки. Перед царем Михаилом Федоровичем не срамно. Садись со мной за стол, отпей вина доброго.

После нескольких осушенных кубков князь спросил, что желаю. Просьб у меня не было.

– Слышал я, госпиталь ты организовал, учеников себе взял, это хорошо, по-государственному мыслишь, не все так могут, даже потомственные дворяне только о кармане своем пекутся. Ежели нужно чего, скажи – своей властью решу.

Я вежливо поблагодарил и откланялся. Как говорили на службе в армии, длинная дорога вокруг начальства короче прямой.

И снова потянулись будни. Я постепенно начал осваивать более широкий круг операций, да и от помощников стал получать чувствительную помощь. Оперировать – дело важное, но выходить больного – не менее ценно. Кстати, изобретательности зуд у меня не прошел, и многие купцы или ремесленники пользовались моими придумками – по усовершенствованию колясок, лесопилки, мне даже пришлось дать совет по улучшению работы водяной мельницы, производительность которой и тонкость помола возросли. Я потихоньку становился обеспеченным человеком, но не богатым. Но мог не думать о хлебе насущном, да и на челядь и помощников тоже приходилось тратить изрядные суммы. Так, в трудах и заботах, прошел год моего пребывания в новом для меня мире.

Глава 7

При войске

Утром я направился в кремль, к Афанасию. Обстановка была необычной – стояла суета, охрана у входа удвоилась, к кремлю подъезжали крестьянские подводы с продовольствием, из-под рогожи выглядывали половинки свиных туш, капуста, репа, мешки с зерном. Афанасия удалось поймать в коридоре за рукав.

– Прости, лекарь, недосуг мне, вишь, чего делается?

– А что случилось?

– Утром гонец прискакал – в дневном переходе от Рязани поляки с литовцами, идут воинской колонной, не иначе Рязань воевать хотят. Готовимся мы.

– А мне что делать?

– А что лекари на войне делают – иди, готовься.

Я заехал домой, предупредил своих, чтобы за ворота ни ногой, послал челядь на базар купить соли и съестных припасов, как оно обернется?

Сам поехал в госпиталь предупредить помощников, чтобы заготавливали впрок бинты, пустили на всю мощь самогонный аппарат, заготовили палки и лубок для шинирования. Замолил в самогоне конский волос и льняные нити для швов. Над воротами у госпиталя уже несколько месяцев красовался красный крест, такой же, как и на заборе моего дома. Было беспокойно – будет битва или нет? И чего литвинам на месте не сидится? Вдалеке раздался шум и металлическое побрякивание, топот копыт. Из княжеского кремля выползла колонна конных дружинников в полном вооружении – с копьями, щитами, мечами, в хвосте тянулись телеги с припасами. К центральной улице сбежался народ – почти весь город уже знал о нашествии, прибежали проводить – кто родню, кто знакомых. Колонна вышла из городских ворот и попылила на закат, ворота заперли, на городских стенах и стенах кремля прохаживались часовые. День прошел в томительном ожидании, новостей не было, так же прошел и следующий. К вечеру третьего дня прискакал гонец от князя.

– Всем готовиться к обороне, в городе запереться, всем из посадов и ближних деревень уйти в Рязань, – прохрипел он. наших побили, на каждого рязанца по несколько литвинов и поляков. Много наших полегло, хоть и бились геройски.

В городе поднялась суета, воины и жители подтаскивали к стенам города дрова, воду, камни. Жители окрестных деревень стягивались в город, к родне, везя на повозках нехитрый скарб и ведя в поводу скотину. К исходу дня окрестности в Рязани опустели. Город замер в ожидании. На следующий день пополудни сначала появилось пыльное облако, затем послышался стук копыт, раздалось бречание оружия. Пропыленные, усталые, с окровавленными повязками, злые, возвращались рязанцы в город. Повозок с припасами не было, бросили, видно, уходя от врага. Вошедшие в город ратники были сразу окружены горожанами – родные пытались узнать, живы ли их отцы, сыновья, братья. Кое-где раздавался женский плач – не все вернулись из сечи. На стременах привстал князь.

– Не время плакать, не время устраивать тризну, подлый враг идет за нами по пятам, готовьтесь все – и воины, и горожане, к осаде, вместе будем отражать супротивника!

Толпа медленно рассосалась. Я пошел к воеводе:

– Направляй раненых к амбару за торгом, там сейчас госпиталь, на воротах красный крест.

Воевода молча кивнул.

Я направился в госпиталь. Помощники стояли с тревожными лицами, в глазах застыл вопрос. Хорошо, что не оставили службу, стало быть, какую-то дисциплину мне удалось им привить.

– Сейчас будут подходить и подъезжать раненные, готовьтесь.

Через несколько минут на лошади подвезли первого раненого, сидел в седле с трудом, его привязали к передней и задней луке седла, лошадь под уздцы вел воин в годах, с седой бородой.

– Вот, из нашего десятка ратник, копьём задело.

Подбежавшие помощники бережно стащили воина с лошади, перенесли на топчан в комнату. С трудом стащили рассеченную кольчугу, разрезали окровавленную рубашку. Рана была колотой, глубокой – в правое плечо, но, к счастью, для жизни не опасной. Просто ратник потерял много крови, даже повязка в спешке была наложена поверх кольчуги. После обработки раны я ушил края, наложил повязку, раненого отнесли в комнату под пригляд помощников. И пошло – подъезжали, подходили сами, в основном раны были нетяжелые. С тяжелыми остались на поле боя или скончались по дороге от кровопотери. К вечеру удалось закончить прием. Отмывшись от крови и переодевшись, я направился к воеводе. В княжеском кремле собрались в большой комнате воевода и старосты кузнечного, плотницкого, рыбацкого, кожевенного и других. Дождавшись, пока они закончат обсуждать, я попросил выделять с каждой слободы по одному работнику – раненых переносить, воду греть и т. д. Мои помощники сегодня с ног сбились, ведь основная работа у них – перевязки, приготовление мазей, настоек, а носить после операций пришлось многих. Воевода отдал распоряжение старостам – выделить по одному ополченцу, кто силен физически, но плохо владеет оружием или увечен, скажем, косою на один глаз, в мое распоряжение. Князь с видными людьми города занимался решением военных вопросов, и я решил подняться на городскую стену. Вечерело, на закат из густого леса, верстах в пяти от города, выползала темная масса – вражеское воинство. Остановились они вдалеке, зажгли костры, вокруг города засновали вражеские разьезды, постреливая по часовым на стенах из луков. Ратники лениво отвечали тем же – расстояние великовато.

Домочадцы встретили бурно – навстречу к воротам выбежала Анастасия, челядь стояла неподалеку.

– Что там, как? Удержим ли супостата?

Как мог успокоил Настеньку и слуг. После сытного ужина и баньки проспал до утра без сновидений. С утра отправился в госпиталь проведать, как там раненные – их оставалось восемь, тех, кто нуждался в постоянном уходе. Легкораненные разбрелись вчера по своим домам. До полудня время ушло на перевязки, назначения. Освободившись, решил сходить на стены. У городских ворот толпились ратники, ополченцы, просто любопытные. Все были заняты – ополченцы жгли костры с водой и смолой в огромных чанах, ратники чистили и точили оружие, поднимались на стены – поглядеть на врага. Через какое-то время за стенами послышался топот копыт, из-за стен стали падать стрелы.

Несколько человек были ранены и, поддерживаемые ополченцами, направились к госпиталю. В ответ с городских стен тоже начали стрелять из луков, выстрелили несколько пушек. Нападавшие отступили. Рыжий десятник пробасил:

– Пощупать подходили, дык это им не в голом поле впятером на одного нападать, авось отобьемся.

Я забрался на стену, осторожно выглянул в бойницу – враги были далеко, ни стрелой, ни из пушки не достать. Кое-где горели посадские дома, видно, с утра по ним успели пошарить незваные гости. Ладно, дома-то можно отстроить, лес недалеко. Людей жалко.

Снова поехал в госпиталь. Раненных тяжело не было, с легкими справились мои помощники. Руки у них уже не дрожали, как вначале, работали сноровисто. Я еще в самом начале запретил прижигать раны огнем, обрабатывали их кипяченой водой и разведенным самогоном.

От городских стен донесся шум, крики, часто загрохотали пушки – опять на приступ пошли. В этот раз все продолжалось значительно дольше и к нам хлынул поток раненных. Пришлось надевать кожаный фартук и становиться на операции. К счастью, до рукопашной не дошло, все ранения были от стрел.

Поздним вечером с работой было покончено, уставший, я отправился отсыпаться, кажется, только уснул, как меня затормошили. Анастасия трясла меня за плечо, за окном было темно.

– А, что? – спросонья соображалось плохо.

– Гонец за тобой, опять приступом пошли, раненых много.

Быстро собрался, Прохор уж запрягал возок. В госпитале на этот раз народу было много, раны были серьезней.

Оказалось, литвины под покровом темноты подтащили поближе к стенам осадные пушки и начали обстрел стен и ворот. Надо же, я спал так крепко, что и не слышал стрельбы. Вновь работа до мельтешения в глазах, кровь, крики раненых, стоны умирающих. Так и встретил рассвет, на ногах и со скальпелем в руках. Вот наконец и этот поток обработан. Вышел из госпиталя, сел на завалинку. Какая-то женщина поднесла ковшик кваса, и его опорожнил.

Пока было тихо, снова отправились пешком к стенам. В воротах зияло две дыры от ядер, над которыми уже хлопотали плотники, на городских стенах кое-где тоже были видны разрушения. В городе были видны слабые дымки – заканчивали тушение начавшегося пожара, кровопийцы стреляли по городу калеными ядрами. В стороне, где я жил, дымов не было видно, и сердце успокоилось.

Часов около пяти пополудни началась новая атака. На этот раз без применения пушек с вражеской стороны. К городским стенам подскакала конная лава, постреляли из луков, не причинив особого вреда, покружили вокруг города, выискивая слабые места. С водой у горожан проблемы не было, одной стороной город стоял на реке, да и колодцы были во дворах у многих. Приведенной живности и запасов из подвалов также могло хватить на несколько месяцев при рачительном использовании.

Страшен был только сильный пожар, или если враг ворвется в город. Воевода распорядился иметь в каждом дворе бочки и наполнить их водой для тушения пожаров, выделить конных сторожей на каждой улице, дабы быстро тушить возникающие возгорания. Город готовился к длительной осаде. Цены на торге возросли, особенно на соль, да и товаров изрядно поубавилось – не было свежего подвоза.

Вечер и ночь прошли спокойно, но утром с городских стен мы увидели, что напротив города стоит пешая рать, в разрывах которой проглядывали пушки. Я понял, что этот штурм будет серьезным.

Медленно двинулись к городу чужие воины, неудержимой волной катились к городским стенам. Самые нетерпеливые из городских ополченцев начали стрелять из луков – слишком далеко. Облако пыли поднялось от множества ног, ветер нес ее к городу, видимость была плохая.

Несколько раз рывкнули городские пушки со стен, о точности попаданий сказать было ничего нельзя, все завлакивала вездесущая пыль. Но вот вблизи от города из пыльного тумана показались первые ряды воинской шеренги, неважно одетые, почти без вооружения – они быстро добежали до рва, окружающего стены, бросили туда вязанки хвороста, почти заполнившие ров. Многие из них пали, сраженные стрелами защитников. Но на смену им выступили вторые и третьи ряды – эти были хорошо вооружены, со щитами, мечами, в кольчугах. По всей видимости, в первом ряду были те, кем можно было пожертвовать: пленные, холопы, крестьяне. Воины приставили к стенам лестницы, забрасывали веревки с крючьями и пытались взобраться. Сверху на них летели камни, лились кипятки и смола.

Самые отчаянные уже почти добрались до верха, но здесь их встречали воины из княжеской дружины и ополченцы. Отовсюду раздавались крики ярости и боли, лязг мечей и сабель. Верхние площадки стен уже были обильно политы кровью, стали скользкими. Осаждающие стянули все шесть орудий к главным воротам и стали методично их обстреливать. Если ворота разобьют, прорыв в город почти неизбежен. В ответ палили немногочисленные пушки

и тюфяки города. Дым, пыль и пороховой дым накрывали место боя. Единая поначалу оборона разбилась на множество мелких очагов. Рубились насмерть, даже раненые пытались на последнем издыхании достать врага концом меча или копья. В бою даже от небольшой раны можно ослабеть, истечь кровью – наложить повязку не успеешь, – можно и голову потерять. Вон их уже сколько, отрубленных, и своих, и вражеских. Постепенно лязг оружия и крики стали стихать, чужаки откатывались от стен Рязани. Этот приступ был отбит. Я израсходовал почти весь перевязочный материал и вскочил на возок – надо быстрее в госпиталь. Оглянувшись напоследок, увидел, как еще не остывшие от боя плотники бегут с топорами к городским воротам заделывать пробоины, женщины тащат в бадьях воду к котлам, воины сносят своих убитых со стен вниз, а чужих сбрасывают со стены в ров.

У госпиталя стояло несколько подвод с ранеными, множество их лежало во дворе. Мои помощники и добровольцы сновали между ними, кому-то сделают перевязку, кого попоят. С ходу я принялся за работу – шить, обрабатывать раны, репозировать переломы, накладывать лубки, бинтовать. На этот раз кроме глубоких ран от стрел были и резаные от сабельных ударов и размозженные конечности от пушечных ядер и картечи. Много пришлось ампутировать и рук, и ног, много появится на папертях церковей убогих калек, выпрашивающих милостыню. Опять же, если уцелеют, не ясно еще, устоим ли? По моим прикидкам, чужой рати тысячи три, а у князя воинов в дружине уже не более полутысячи наберется. Конечно, и ополченцев нельзя сбрасывать со счетов, но воинская наука требует кроме отваги и желания защитить свой дом еще и умения, которое шлифуется в постоянных занятиях с оружием. Нельзя сбрасывать со счетов и крепкие и высокие городские стены, но без людской защиты они сами по себе не устоят. Самое слабое место в обороне – ворота, их было трое, одни выходили к реке и в защите почти не нуждались, у врага не было кораблей, но двое других требовали внимания. Особенно главные – перед ними было поле, где удобно собрать рать перед наступлением. Перед другими близко стоял лес и мосток из бревен, который быстро разобрали. Сил добраться до дома уже не оставалось, да и некоторые раненые требовали пригляда, я отправил домой Прохора с наказом успокоить домашних и поутру привезти еду.

Ночь прошла спокойно, противники зализывали раны, готовясь к новым сражениям. День следующий почти повторился – такой же приступ, снова стрельба по воротам, которые с трудом устояли. Приступ отбили, понесся еще большие, чем вчера, потери. На этот раз к воротам или на стены я не ходил, работы было столько, что присесть и перевести дух было некогда. Столько раз мысленно себя хвалил за то, что успел подготовить помощников, выкупил амбар под госпиталь и многое чего сделал. Без всего этого уже упал бы в изнеможении. И сейчас трудно, но скольким рязанцам я помог – не счесть, кому руку или ногу спас, а кому и жизнь, поскольку у госпиталя постоянно толпилась родня, и сам госпиталь, и я стали довольно популярны. На третий день атака повторилась. По улицам скакали гонцы от князя, собирая на стены всех кого можно – татей из городской тюрьмы; купцов – по торгашеской замашке пославших на стены челядь, но сами оставшиеся охранять свои лавки, и прочий люд. Видно, на стенах приходилось уже туго. Пошел и я. Если не удержать стен, моя работа, как и я сам, будет никому не нужна. Вернее, лекари нужны всем и всегда, но кто в горячке боя будет разбираться – снесут голову, и все дела. Умирать что-то не хотелось.

За стенами взвыли, раздались крики и звон оружия – по лестницам полезли враги. Я взбежал на стену, схватил копьё, стоящее рядом с лучником, и ткнул в показавшееся над стеной усатое лицо. В первый раз, вот так, лицом к лицу, я убил человека. Но сожаления, переживания по этому поводу не испытывал. Он пришел за моей жизнью, значит, должен быть готов к тому, что отберут его. Толком действовать копьём я не умел, но как только над стеной показывалась голова или руки нападавшего – без затей колол. Мимо быстро прошел воевода, на мгновение приостановился.

– Беги к пушке, лекарь. Это у тебя лучше получается. – Кивнул сотнику: – Оставь двоих ратников здесь.

Я побежал к башне с пушкой. В горячке боя я увлекся, но что-то выстрелов слышно почти не было.

У пушки возился одинокий воин, товарищи его из пушечной obsługi лежали убитые у стенки. Мы молча, без слов стали заряжать пушку. Навели. Ба-бах, все окутал пороховой дым. Немедля бросились перезаряжать. Снова выстрел. Теперь я уже прислушивался – другие пушки молчали.

– Давай сам, – бросил я и помчался к другой башне.

Картина удручала – тоже одни убитые, но пушка была уже заряжена. Поднатужившись, навел, выстрел! Вновь в руки банник, быстро чищу ствол, шуфлой засыпаю порох, забиваю пыж, кричу ближнему ополченцу:

– Помоги!

Двоем поднимаем тяжеленное ядро, заряжаем, выстрел! Мы работали как заведенные. Я делал тонкую работу – насыпал порох, забивал пыж, вместе заряжали ядро и наводили пушку. Выстрелы с нашей башни грохотали часто. Шум битвы стал стихать, враги откатились от города. Я присел на лафет, руки тряслись от напряжения, по закопченному лицу градом катился пот, оставляя светлые полоски. Отбили. Опустошенный пережитым сражением, долго сидел, не в силах подняться. Постепенно пришел в себя и спустился вниз. На стенах остались только дозорные. У стены уже сложили убитых. Рядом с воеводой и князем стояли воины и ополченцы. Князь распределял десятки на наиболее слабые участки стены, где убитых было больше всего. Худо, что воинов было не так много. В голове уже несколько дней бродили мысли – что можно придумать, чтобы сокрушить врага? Думаю, у противника силы тоже убывали, потери он нес серьезные, в атаке на защищенную крепость на одного убитого в крепости приходилось не менее трех-четырёх убитых нападающих. Что-то подспудно вертелось в голове из далекого будущего. Я побежал на торг – он был пуст. Хватая за руки пробегающих прохожих, я стал допытываться, где живут купцы, торгующие шелком. Наконец один пробегающий мимо указал на дом в стороне. На стук вышел хозяин в грязной и кое-где рваной одежде – видно, тоже воевал на стене. Не очень приветливо буркнул:

– Чего тебе?

– Ты лавочник, что торгует шелком?

– Да в себе ли ты, враг кругом, какая торговля?

Он повернулся, собираясь уходить. Я схватил его за руку.

– Выручай, я лекарь, мне на дело надо, не одежды шить.

Лавочник повернулся ко мне. Всмотрелся в лицо:

– Да, вроде на лекаря похож.

Я после боя был, наверное, с еще более грязным лицом, чем у него.

– Ладно, пошли.

Мы пошли к торгу. Лавочник – звали его Евстафий – открыл лавку, и мы зашли в полутемное помещение.

– Выбери, тебе какого цвета надо?

– Да мне ж не красоваться, а впрочем, есть белый?

– Есть, сколько брать будешь?

Я задумался:

– Давай двадцать аршин.

Лавочник усмехнулся:

– Ежели город возьмут, то уже все заберут, если на доброе дело, для защиты, денег не возьму. Наслышан я уж о тебе.

Горячо поблагодарив, я побежал с материалом домой. Коротко поздоровавшись, я быстро, давась, похлебал щей и выскочил во двор. Собрал дворовых девок и объяснил, что и как надо делать. Затем поговорил с мужиками, объяснил их часть работы, а также послал Прохора искать длинную, около полутора-двух сотен аршин, веревку.

Сам же направился в недалекую кузницу, оттуда раздавался перестук молотков. Кузнец с подмастерьями ремонтировал оружие – копья, сабли, щиты, что грудой лежали у наковальни.

Узнав меня, улыбнулся, отложил молоток в сторону. Мускулистое тело без признаков жира блестело от пота.

– С чем пожаловал, дорогой гость?

– Хочу заказать одну штучку. – Я нарисовал прутиком на песке чертеж, размером в поллоктя.

– Да, немудреная вещь, если не торопишься, обожди, сейчас и сделаем.

– Мне много надо – пять-шесть десятков.

– Зачем столько?

– Ворога отгонять.

– Не смогу столько, тут на полночи работы. – И поскреб в затылке. – Сходи к соседу, он тоже кузнец, тебя малой мой проводит, три десятка к вечеру будут, не сомневайся, за остальное не обессудь – вечером за оружием ратники придут.

– Ладно, и на том спасибо.

Обошел я еще трех кузнецов, всем заказал одинаковые изделия, и чем больше, тем лучше. Расплатиться обещал щедро, однако, узнав, что вещицы эти для обороны от супостата, кузнецы пообещали взять деньги только за железо, не за работу.

– Извиняй, лекарь, дорогое железо, сами крицы покупаем.

Вернувшись домой, я застал все женское население за шитьем.

– Скоро закончим, батюшка-хозяин.

Я попробовал шов на разрыв, подергав руками – прочно. Халтурить здесь еще не научились. После ужина я собрал свое изделие, все домочадцы собрались поглазеть – не спятил ли с ума хозяин, но я прогнал всех.

– Прохор, запрягай возок, поехали к воеводе.

Нашли мы воеводу – Онисима Пафнутьевича, – как я и ожидал, у городских стен.

– Чего стряслось, лекарь?

Как мог я объяснил. Долго не мог уразуметь воевода моей придумки, однако, когда понял, крикнул.

– Хорошо, пробуй, мы с воинами посмотрим да подсобим, ежели чего.

Объехав кузнецов, я собрал в плетеную ивовую корзину железные штуковины, в общей сложности набралось около сотни. Прикинул на руке вес – многовато. Отобрал пару лучших, положил под сиденье, и Прохору:

– Едем домой.

Разобрав во дворе хитрую штуковину, забрав веревку, закинул все это в возок и кое-как примостился сам.

На торгу, пустынном в этот час, стояли с краю воевода и десяток ратников. Я объяснил, что это вроде воздушного змея, который некоторые запускали в детстве, и хочу на нем полететь. Ратники растерянно переглянулись – никак ополоумел лекарь?

Привязавшись веревкой к деревянным шестам, я сказал Прохору гнать возок по площади в сторону лагеря противника, а затем стравливать длинную веревку, которую мы привязали к возку. По трехкратному моему рывку за веревку тащить меня вниз.

– Ой, барин, боязно, расшибешься!

– Трем смертям не бывать, а одной не миновать!

Я перекрестился, в животе было пусто, сердце стучало. Страшно. Не парашютист я и не парапланерист, опыта не было. Ладно, будь что будет. По моей команде воины взялись за деревянные шесты змея, и когда Прохор рванул на возке, побежали за мной, поддерживая. В начале разбега я думал – только бы не споткнуться. Над головой качалась во все стороны ивовая корзина с железными стрелками, что делали кузнецы. Смеркалось, очертания домов и городской стены уже были смутными.

Скорость была уже приличная, я начал не поспевать за скачущей лошадей, вспомнив птиц, поджал ноги. Начался взлет, ратники в своих кольчугах давно стояли, глядя на меня снизу. Высота набиралась быстро, однако мотало под змеем изрядно. С запоздалым испугом я увидел надвигающуюся в темноте надвратную башню. Газу бы да ручку на себя, так нет ничего. Пронесло! Я прошел в нескольких локтях над башней, беззвучно, как летучая мышь. Впервые в жизни я парил в воздухе силой своего разума. Хотелось петь, но вовремя вспомнилось о противнике. Высота была еще слишком мала, и любой поднявший голову в небо был бы несказанно удивлен, а ежели придет в голову стрельнуть из лука?

Собьют, как коршуна. Осмотрелся, внизу было темно, лишь метрах в двухстах впереди светились костры воинского стана. По моим прикидкам, высота была метров двести-двести пятьдесят, тут болтало еще больше. Я почти отчетливо слышал голоса противника, видел его костры, белеющие пятна шатров. Пора! Я залез рукой в корзину, достал пучок коротких железных стрел, по виду почти арбалетных болтов, швырнул вниз. Еще раз и еще. Секунду ничего не происходило, и вдруг снизу раздались крики боли и ужаса, люди вокруг костров вскочили, схватив оружие, и метались, не понимая, где враг, почему падают соседи с арбалетными болтами в головах. Суматоха была изрядная. Один из пучков стрел я попробовал бросить на шатер. Корзина быстро опустела, не грузовик ведь, для начала я взял лишь половину стрелок, откованных кузнецами.

Я подергал за веревку и через какое-то время почувствовал, что снижаюсь, болтать стало меньше. Естественно, я теперь не мог смотреть назад, хотя и пытался вывернуть шею. Смотри не смотри – темнота хоть глаз выколи. Наконец меня подтащили к торговой площади. При приземлении я довольно сильно ушибся коленями и животом, слава богу, переломов не было. Оказалось, меня встречал не только воевода с воинами, но и князь с малой свитой.

– Что удумал, лекарь?

Я объяснил, что сделал воздушного змея и бросал с высоты на противника вот эти стрелки – я достал одну из двух, оставляемых для образца.

– Ишь ты, – удивился князь. – И получалось?

– Полетать получилось, а какой урон понес, завтра посмотрим.

Князь хмыкнул и вместе со свитой и воинами ускакал.

Разбирать змея и сматывать длинную веревку пришлось мне с Прохором.

Сил на госпиталь не осталось, и мы направились домой. Поутру, едва позавтракав, я поехал на возке, правда без змея, к городским стенам. Воевода был уже тут. Окружавшие его воины и ополченцы смотрели на меня с уважением и страхом. Молва разошлась быстро. В стане противника царила тишина, нападать никто не собирался.

– Видно, своих хоронят, не до нас пока, – молвил воевода. – Время для нас потянуть – хорошо, может, на подмогу кто подойдет, князь еще до осады гонцов послал.

К городским стенам подскакал князь.

– Что скажете, вои?

– Пока тихо!

Князь поднялся на башню, долго вглядывался.

– Хоть немного передышки. Чем помочь тебе?

Я попросил отдать распоряжение городским кузнецам наковать железных стрелок по образцу. Падая с высоты, такая стрелка способна пробить воина даже в кольчуге, не спасал

и щит. Олег Всеволодович отдал распоряжение, и к городским кузням поскакали посыльные, показывая мои стрелки. Вечером я снова решил повторить свой экзотический полет.

На этот раз я решил кое-что усовершенствовать, и к задку возка приделали колодезную ось с неким подобием штурвала, чтобы можно было быстро сматывать веревку. Вечером площадь была по краям занята зеваками, и отобрать помощников не составляло труда. Ветерок сегодня был слабее, или, может, мешали уже две корзины стрел, но поднимался воздушный змей медленно, как бы нехотя. Набрал изрядную высоту, огляделся. По-моему, пора. Обеими руками я стал хватать стрелки из корзин и метать вниз. Но на этот раз старался выбирать скопление врагов побольше, чтобы ни одна стрелка не пропала. Но и враги за ночь поумнели, костры были быстро залиты и потухли. Выкинув весь груз стрелок, я огляделся – вот те на! За лесом километрах в десяти были видны костры и слабо белели шатры. Неужели это подмога к недругам подходит? Или враги разделились? Подергал за веревку три раза и ощутил снижение – стало пахнуть травой, услышал пение птиц. Снижение было явно более быстрым, нежели вчера, но приземление прошло мягче, Прохор успел метнуть под мои ноги здоровенную пуховую подушку. Воевода уже был здесь.

– Что видел, как прошло?

Я рассказал о виденных кострах за лесом. Встревоженный воевода ускакал на доклад к князю, а мы с Прохором и кучей добровольных помощников стали разбирать воздушного змея. Каждый, особенно ребяташки, старался потрогать шелк, заглянуть в корзины. К завтраму надо сделать упряжь из кожи, веревки сильно впивались в тело, оставляя багровые полосы. Не успели мы добраться до дома, как нас перехватил гонец.

– Князь к себе требует!

Скинув змея во дворе, не умывшись, не поужинав, отправился в кремль.

Князь принял внизу, в трапезной, кивнул на мое приветствие.

– Садись, раздели со мной трапезу.

Я повторил почти все, что рассказал воеводе о кострах за лесом. Князь задумался.

Я уминал ужин, голова была пустой, но есть хотелось сильно.

– Я просил бы тебя подняться на змее утром, при свете осмотреть врагов и по возможности проследить, куда денутся воины от костров за лесом. Понимаю, что раскрою перед ворогом тайну, да и жизнью твоей рискую, но сведения очень нужны, посланные мною ночью лазутчики не вернулись – видно, погибли.

Я вздохнул, выбора не было.

– Стрелки твои трое кузнецов весь день ковали, от других дел освобожденные, – подсказал воевода.

Утро вечера мудренее, поблагодарив князя за угощение, я упал в возок, и Прохор немедля отвез меня домой.

Утро выдалось пасмурным, но без дождя. Одно плохо – ветра нет, для воздушного змея это как отсутствие лошади у телеги.

Уныло я сидел на площади в окружении горожан. Несколько раз подскакивали гонцы от князя с вопросом, почему не лечу.

– Ветра нет, ветер надобен, – отвечал я. – Жду.

К полудню наконец-то подул ветер, несильный, но ровный, впрочем, постепенно набирающий силу. Попробуем подняться. Снова разбег за возком с Прохором, взлетел. Медленно набиралась высота, веревка, что держала змея, то натягивалась как струна, то провисала, отчего я дергался, как машина на буксире у неопытного водителя. На улицах города население показывало на меня пальцами, женщины крестились, а юркие пацаны бежали вслед. Сверху я увидел свой дом, раньше-то было темно, всю Рязань. Под ногами проплыла городская стена с воинами, приветливо машущими руками. По мере набора высоты я отдалялся от города и приближался к лагерю противника.

Хорошо хоть, мотора и шума не было, и все же меня заметили. Сначала, видно, приняли за большую птицу, а взглядевшись – начали метать стрелы. Однако стрелять из лука вверх – занятие не очень благодарное, почти все стрелы падали ниже моего змея, лишь одна прорывила шелк крыла. Зато я в ответ с мстительным наслаждением опрокинул сразу одну корзину со стрелами. Упало сразу человек двадцать, остальные в страхе стали метаться по лагерю. Начал осматриваться, по лесной дороге к лагерю двигалось пыльное облако, разглядеть, кто там, решительно не было никакой возможности. Ближе бы подлететь, да и так веревка размотана во всю длину. Прицелившись, кинул еще несколько охапок стрелок, суета и крики возросли, воины тыкали в небо пальцами, показывая на змея. Бомбочку бы им сюда – мелькнуло в голове. Надо на досуге обмозговать. Ветер стал неожиданно ослабевать, и я, сбросив остатки стрелок, подергал за веревку. Меня потащило к крепости. За мной по земле поскакало несколько всадников. Я забеспокоился, увидев за спиной у них луки. По мере приближения к городу веревка выбиралась и змей неизбежно терял высоту. Подстрелят ведь, как куропатку подстрелят! Городские не оплошали, начали стрелять из луков по конникам, и те повернули вспять, навскидку напоследок выстрелив по мне. Одна из стрел вонзилась в икру, пробив сапог. Больно!

Меня вытянули на площадь, где Прохор снова ухитрился бросить мне под ноги подушку. Я неловко упал на раненую ногу, змей зацепился шестом за мостовую и перевернулся. Его хорошо приложило о землю, а деревянные шесты от удара сломались. Неподалеку стоял воевода. Постанывая, с помощью Прохора я поднялся и доложил, что видел. Воевода сразу ускакал, а я уселся в возок. Прохор с зеваками сложили шелк, смотали веревку и меня повезли в госпиталь. Сапог пришлось разрезать, иначе стрела не доставалась. Проникла она неглубоко, видно, уже на излете, но рана кровила. Помощники скоро вытянули наконечник, сломав древко, и щедро полили самогоном. Я взвыл. Ловко наложили один шов и забинтовали. Прохор помог усесться в возок, и мы отбыли домой.

Под оханье и причитание Анастасии я спустился с возка и поковылял в комнату. Усталость чувствовалась сильно, голова кружилась; раздевшись, лег в постель и уснул. Ранение и две полубессонные ночи сказались. Проснулся под вечер от перезвона колоколов.

– Что случилось? Опять штурм?

Нога в щиколотке распухла, и сама мысль куда-то ковылять казалась кошунственной. Да и какой с меня сейчас боец?

Новость оказалась приятной: шедшая в лесу колонна оказалась подмогой – дружины и ополчение из Задонска, Епифани, даже из Шацка ударили в тыл лагеря противника. Пока враги в суете бегали по лагерю, спасаясь от моих стрелок и пытаясь меня обстрелять из луков, под шумок конная лава просто смяла пеших литвинов. Известно, пешему против конного устоять трудно. Захватили изрядно пленных, убитых было больше, и часть их от моих стрелок.

Услышав радостную весть о снятии осады и победе, я снова провалился в сон.

Глава 8

Барин

Поутру нога отекала еще больше. Я сделал себе перевязку и решил отлежаться, немного познабливало. Эх, сейчас бы антибиотиков. Но чего нет, того нет. В городе оживилась жизнь: у распахнутых ворот стояла стража, в город потянулись крестьянские повозки с продуктами, на площади, с которой запускали змея, возобновился торг. Челядь, побывавшая на улицах, воротясь, рассказывала, что пленные были шокированы и подавлены летающим змеем – потери от стрелок были большие, особенную панику вызвал мой первый полет ночью. Неожиданный для врагов железный дождь от невидимого и неслышимого врага навел ужас на противника. Многие воины роптали, говорили о неблагоприятном стоянии звезд, о привлечении рязанским князем черных сил или колдовства. Часть воинов собиралась уйти из лагеря. Можно разве воевать с противником, которого не видишь, с которым нельзя биться на мечах или копьях, которого невозможно ранить или убить, взять в плен? Моральный дух воинства был подорван, угнетало сознание, что еще и когда могут выкинуть рязанцы. Во многих домах города шли бурные застолья. Убитых похоронили еще в дни осады. Теперь оставшиеся в живых бурно радовались жизни. Пусть завтра будет унылая работа, общественные заботы по замене городских ворот и ремонту стен, но это завтра. Из-за раненой ноги я не мог принять участие в празднествах, мы по-семейному посидели дома, а челядь я одарил мелочью. Через день прибыл гонец от князя. Кряхтя, я забрался в возок и отправился в кремль. По двору бродили пьяненькие холопы – видно, несколько дней застолья сказались, но стража была бодрой, воевода за порядком следил. Все тот же неприметный человек – Афанасий встретил меня с радостной улыбкой.

– Князь уже ждет.

Я шагнул в распахнутые двери. Князь восседал в кресле в красном корзне, по обе стороны стола сидели бояре и воевода. Поклонился я и поприветствовал собрание. В ответ раздался нестройный гул голосов.

– Да, – молвил князь, когда стихли приветствия, – помог ты Рязани, дважды помог – калечных больных лечил да воинство супротивное сничтожить помог. Ловко ты придумал со змеем. Где видел сие?

– В заморских странах, князь.

– Далековато ты забирался, много чего насмотрелся, инда зело полезно. А хромаешь чего?

– Так стрелой в ногу зацепило, когда на змее летал.

– Садись, – предложил князь.

Я уселся в дальнем конце стола на лавочку.

– Когда воевода данковский, Олег Фролович, про тебя рассказывал, и верилось, и не верилось. Теперь сам да доверенные люди могли поглядеть. Хорошо службу служишь, хоть и на службе не состоишь. Решил я за усердие воинское, труды лекарские пожаловать тебе деревеньку с холопами – Власьево.

Я на мгновение растерялся. Какой из меня помещик? Я не знал, как по ботве отличить свеклу от моркови. Князь, видя мое замешательство, спросил:

– Что не так, али подарок не по нраву? – И нахмурил брови.

– Все так, княже, растерялся просто, не знаю, как и благодарить.

Я встал и раскланялся.

Сбоку выбежали слуги, обнесли князя и бояр кубками с вином, мне достался, наверное, самый большой. Делать нечего: назвался груздем – полезай в кузов.

В этот раз аудиенция была короткой, видно, у князя после осады дел было полно. Мне вручили дарственную грамоту, с чем я и отбыл домой. Анастасия встречала на пороге дома, встревоженно взглядываясь мне в лицо. Я достал из-за пазухи грамотку.

– Теперь мы землевладельцы.

Настя выхватила пергамент с коричневой сургучной княжеской печатью и, шевеля губами, начала читать, а затем радостно кинулась мне на шею.

Прошла неделя, нога почти зажила, я мог уже свободно ходить, но при длительной ходьбе щиколотка поднывала. На почти постоянные вопросы Насти, когда поедем посмотреть деревню, я тянул с ответом. Наконец решился – завтра с утра едем. Дал указания на следующий день возок приготовить, продуктов. Со мной ехали возничий Прохор и бородатый Захар, что оставался домоправителем, когда я ездил в Данков за Настей. За прошедшее время я к нему пригляделся – мужик надежный, степенный, не вороватый, одна беда – к вину подпускать нельзя, меры не знает.

Долго тряслись в возке по пыльным дорогам, пока к вечеру не въехали в мою уже деревеньку. Стояла она на берегу небольшой речушки, была невелика – двенадцать домов. Прохор с Захаром быстро обошли дворы, собрали крестьян. Я представился. Ко мне подошел староста деревни.

– Что барин хочет?

– Сначала переночевать, а завтра пообедем вместе по полям, покажешь, где что.

Ночевали мы с Анастасией в доме у старосты – он казался поболее и почище остальных. Прохор с Захаром в соседней избе. После завтрака все мы четверо и староста на своей кобылке отправились осматривать угодья. Участок оказался не очень велик – версты четыре в ширину и верст двенадцать в длину, с небольшим прудом и протекающей речушкой. Лес стоял недалеко.

Вернулись почти к вечеру, усталые, голодные, пропыленные. Сели за стол, перекусили, что жена старосты на стол поставила. Легли отдыхать. Сил что-то решать уже не было.

После сытного завтрака тем же составом, за исключением Прохора, я стал вести совет.

– Думаю, Захар, поставить тебя здесь управляющим.

Захар приосанился.

– Староста останется прежний, будет заниматься, чем и раньше, – землей, а ты будешь заниматься подсобным хозяйством – поставим лесопилку, мельницу, а там видно будет. Оставайся здесь, присмотри место для дома, управляющий при доме должен быть, да и мы наездами будем у тебя останавливаться.

Захар поклонился. Я отсчитал ему несколько серебряных рублей, чтоб нанять артель, строить дом, дал указания, и мы уехали.

Через десять дней уже вдвоем с Прохором, без Настеньки, мы приехали во Власьево. Рядом с домом старосты уже белел свежими бревнами сруб, правда, без крыши. Мы отошли вверх и вниз от деревни по течению реки, староста подсказал, где течение побыстрее, там и решили ставить лесопилку. По возвращении домой я отправился на торг, желающие наняться на работу обычно толкались там. По совету знакомого купца сначала нанял артельного – вроде бригадира плотников, а уже он подбирал себе артель. Договорились, ударили по рукам, погрузили в нанятые подводы купленные пилы и отправились в дорогу. Сам я выехал на следующий день. Артельным оказался мужик хваткий, мог понимать рисунки. Пока я в течение дня выяснял у старосты, какой налог надо сдавать в княжескую казну, сколько душ имеется в деревеньке и прочие хозяйственные премудрости, вчерне остов лесопилки уже начал обрисовываться. Теперь надо было решать вопрос с мельницей. Везти зерно на соседнюю, за двадцать верст, далековато и дорого. Коли натуральное хозяйство, то свое должно быть все.

Летом крестьяне будут заняты на полях, зимой на подсобном хозяйстве. В планы мои входила оплата за работу частично натурой – зерном, медом, овощами, частично деньгами. Будет достойная оплата, никто не ударится в бега и работать будут не из-под палки. Урожай здесь

были сам-три, то есть на килограмм посеянной пшеницы собирали три килограмма. Никто не пользовался удобрениями. Кучи навоза лежали позади каждого двора и, кроме запаха и мух, не приносили ничего.

Через две недели во двор ко мне постучал Захар. Рубашка мокрая от пота, ноги в пыли.

– Все, барин, дом закончили и лесопилку тоже, смотреть надоть.

– Ты что же, пешком из Власьева шел?

– Дык где подвезут, где пеше.

Так оказалось – предусмотрел я не все. Как в деревне без транспорта?

Поехали на торг:

– Выбирай себе лошадку и повозку.

По-моему, сам процесс выбора доставлял Захару большую радость: он заглядывал лошадям в рот, поднимал у них ноги, осматривал копыта, долго торговался.

Наконец и лошадь, и сбруя, и телега были куплены, и мы отправились в обратный путь. Захар гордо восседал на передке телеги, без нужды пощелкивал кнутом, погоняя и так резвую кобылку.

Лицо его так и лоснилось от довольства. Дом был готов, единственный в деревне был покрыт дощатой крышей, а не соломой или камышом. Распахнув ворота и двери, кланяясь, пригласил в дом. Остро пахло свежим деревом, полы отливали желтизной, в горнице уже стоял новый стол и лавки, белела побелкой печь.

– В этой комнате почивать изволите по приезде.

В большой комнате одиноко стояла широкая кровать с периной и стол. Ну что же, для начала неплохо.

Поехали смотреть лесопилку. Получилась она лучше, чем в Данкове, я учел свои ошибки. Плотники споро пилили бревна на доски, приятно пахло опилками и смолой.

– А что, артельный, нравится доски делать?

– Быстро и хорошо получается, а с деревом мне всегда нравилось работать.

– А не останешься ли с артелью на постоянную работу? Наниматься каждый раз не надо будет, всегда с копеечкой.

Чувствовалось, что такой вариант его устраивал.

– Надо посоветоваться с мужиками.

После недолгой беседы он вернулся.

– Двое в город уходят, не берутся, остальные останутся.

Я расплатился по договору.

Артельный сразу спросил:

– А как оплата за работу – с бревна или с доски?

Я пообещал подумать. Заодно порешили вопрос об их жилье, сейчас они жили в шалашах у лесопилки, но впереди была зима.

– Хорошо, стройтесь кто хочет – привозите семьи, обустраивайтесь.

Я мечтал о большой деревне. И работа будет, и от лихой ватажки отбиться проще.

Ко мне подошел Захар.

– Барин, еще покупать лошадь и повозки надо, на торгу приказчика нанимать, чтоб досками торговать. У меня родственник есть – возьмешь ли?

Да, об этом я и не думал, простой мужик подсказал. Нельзя объять необъятное.

– Хорошо!

После проверки расходов я выдал Захару деньги на покупку подвод и лошадей, дал распоряжение и уехал в город. Надо же и госпиталем заняться. Несложными перевязками или большими занимались помощники, наиболее сложных я оставлял себе. Авторитет мой с каждым вылеченным больным или раненым рос, уже не только рязанцы, но и жители окрестных городков и сел приезжали полечиться. Один из пациентов оказался мельником из Одинцовки.

Я уговорил его за отдельную плату съездить с Прохором во Власьево, найти хорошее место для мельницы и объяснить артельным, что и как делать.

Через два месяца на речушке уже стояла моя мельница. Кроме авторитета лекарского рос и мой авторитет хозяйственный. Ко мне приходили бородатые, степенные купцы, после долгого предисловия расспрашивали, каким подсобным промыслом заняться, не хочу ли я войти с ними в долю в торговле. Вначале я отнекивался, поскольку в местной торговле ничего не понимал, ведь оптовые партии товара купцы часто меняли – лен на мед, сатин на пшеницу, ячмень на железо. Здесь важно было не прогадать. Наконец я сдался. Доход от деревеньки, подсобных производств рос, на торгу у меня уже было две торговые точки – с досками и сельхозпродукцией. Поставки досок шли исправно, оборот рос, серебришка в доме прибавлялось, а памятуя незабвенную полит- и прочую экономию с института – деньги должны работать, я вошел в долю с купцом, что возил товары в Новгород и Москву, Киев и Вятку. Забегая вперед, скажу, что люди мне попались надежные, за год я почти удвоил капитал и теперь мог считать себя человеком зажиточным. Надо же, чуть более года прошло, а я обзавелся домом, деревней, кучей холопов и челяди, стал богат, приобрел жену и был счастлив в семье.

В один из пасмурных дней ко двору подъехала крытая коляска, и из нее, отдуваясь, вылез знакомый купец. Мы славно посидели в горнице, хорошо выпили и закусили. По русскому обычаю купцы не начинали сразу деловой разговор, сначала о семье, погоде, видах на урожай. Потом купец из кармана достал здоровенную луковицу серебряных часов.

– Знакома ли тебе, Юрий, Григорьев сын, сия занятная штукавина?

Я с радостью схватил знакомый предмет. Острой болью кольнуло в сердце. Это была первая увиденная мною вещь в этом времени, которая напомнила мне мою прежнюю жизнь. Откинул крышку, заиграла мелодия. Немецкие!

– Вижу по обращению – знакома! Не хочешь ли купить? Никто из моих знакомых не знает, как с ней обращаться. Купил сии занятные вещицы в Гамбурге.

Не торгуясь, я отсчитал серебро. Непривычно как-то было без часов, жалко, что наручных еще нет, но секундная стрелка была, пульс считать хотя бы можно.

Подошел к зеркалу – ну как есть купчишка, каким он мне представлялся на полотнах русских передвижников. Через весь живот серебряная цепочка от часов, шелковая рубашка, черные штаны заправлены в короткие сапожки. Не хватало только картуза в стиле а-ля Жириновский. Я посмеялся сам над собой.

Ношение мною часов не осталось не замеченным со стороны именитых людей. Как бы невзначай интересовались, что за штукавина такая да где взял. Я обратился к знакомому купцу, что ходил на судах в Ганзейский союз, снабдив деньгами, вошел в долю с наказом купить часы и другую точную механику: барометры, музыкальные шкатулки и прочие диковины.

По возвращении купца я выгодно в несколько дней распродал товар, оставив себе несколько штук. Музыкальную шкатулку и часы с золотыми стрелками подарил Настеньке, а самые красивые завернул в атлас и направился в кремль. Князь был занят, но вскоре освобожден, и я был впущен в светлицу. После приветствий и расспросов о здоровье жены и детей я развернул атлас и с поклоном подарил князю. Глаза его загорелись детским восторгом, он закрывал и открывал крышечки часов-луковиц, вслушиваясь в мелодию. С таким же интересом осмотрел музыкальную шкатулку – княгине Елизавете Николаевне по вкусу вещь сие придется. Я вкратце объяснил, как заводить часы и шкатулку. Князь дернул за шнурок, и в светлицу вошел слуга. На подносе стояли кувшин с вином и кубки. Провозгласив здравицу князю и его княжеству, я осушил кубок, перевернув его, демонстрируя, что не осталось ни капли.

– Что просить хочешь? – ласково осведомился князь.

Часы он так и не выпускал из рук.

– Ничего, князь, редкостную вещицу привез, бояре, кто побойчее, уже купили. Негоже князю без часов.

Хмыкнул.

Мы распрощались, и я в хорошем настроении отправился домой.

Меня всегда удивляла скукота – вечером, после работы и в выходные дни делать было нечего. Телевизора и радио нет, аттракционов нет, разве что заезжие скоморохи на торгу потешали периодически публику. Я решил ликвидировать пробел. Долго мыслил, что такое можно сделать, электричества-то нет, да и не скоро будет. Решил остановиться на комнате с кривыми зеркалами, качелях, каруселях, гигантских шагах и нескольких других. Очень долго бился со стекольщиком – кривые зеркала сделать оказалось непросто, то есть кривое-то оно выходило, но изображение рассыпалось, а надо было, чтобы изображение было цельное, но искаженное, смешное. Я уже почти отчаялся, комната готова, а зеркал нет, как все-таки начало получаться. Все остальные аттракционы уже были готовы. Горожане с любопытством старались заглянуть в щели забора – чего это там делают? Наконец все было готово, нанятый глашатай несколько дней драл глотку, обещая в субботу невиданное зрелище. Вспомнив мои дни, пригласил княгиню с детьми на открытие. Когда подкатил возок с Елизаветой Николаевной, рядом с аттракционами была уже толпа – разодетые горожанки с детьми, купцы, поддатые ремесленники. Всем хотелось посмотреть. У каждого аттракциона стояли нанятые люди. Для затравки я сопроводил княгиню с двумя детишками в комнату кривых зеркал, такую выстраданную. Дети покатывались со смеху, княгиня сначала улыбалась, пытаясь сдерживаться и соблюдая лицо, но и она не выдержала – начала весело смеяться. Насмеявшись до икоты, с трудом удалось увести детей на другие игры. Уже не сдерживаемая толпа ринулась к игрищам и забавам. Я был доволен, что смог сделать что-то полезное для отдыха горожан. Поблагодарив, княгиня еле увезла с собой детей. Вечером, когда начало темнеть, я попытался остановить работу аттракционов. Куда там, новость распространилась со скоростью звука. К игрищам подходили все новые и новые люди. Однако при факелах эффект был уже не тот, да и боялся я испортить открытие несчастным случаем. Кое-как удалось уговорить разойтись до завтрашнего дня, заверив, что все это не на один день, стоять будет всегда. Назначил цену я совсем крошечную – деньга за один аттракцион, стоило мне все это немало, но глубоким вечером, подсчитав выручку, я понял, что шоу-бизнес дело очень прибыльное. Если так пойдет и далее, он окупит затраты за месяц.

Господи, да здесь непаханое поле! Если раскинуть мозгами – горожанам польза и удовольствие, да и я внакладе не остался. Кузнецы и прочий торговый люд чуть локти не кусали, глядя, как буквально на ровном месте появилось столь доходное дело. Именитые купцы при встречах степенно здоровались и почти непременно добавляли:

– Удачлив, рука, видно, легкая, да Бог помогает!

А ведь и вправду в церковь я заходил только по выходным да праздникам, видно, воспитание атеистическое сказывалось. Выучил всего несколько молитв, чтобы не смущать челядь. Не дело это, видно, и впрямь Господь помогает, надо и мне достойно ответить. Не раздумывая долго, поехал к митрополиту местному – отцу Кириллу. Перекрестившись, поклонился и поприветствовал митрополита. В ответ услышал неожиданное:

– В церковь редко ходишь, сын мой, не причащаешься, десятину с доходов не отдаешь.

– Грешен, батюшка, с тем и пришел.

Сухое лицо отца Кирилла смягчилось.

– Новый храм думали ставить на ткацком конце, чем сподобиться можешь?

Сговорились на десяти возах досок и деньгах. Доски были товар ходовой и дорогой, в отличие от бревен. С тем и расстались, довольные друг другом. Дни были заполнены почти до отказа, как в моем прошлом, тьфу, будущем времени. Я ощущал свою нужность людям, князю, домочадцам. Казна моя, несмотря на немалые траты, увеличивалась, и я стал подумывать, что делать с деньгами. Подвернулся случай: как-то на торгу разговорился я с двумя купцами, что

набивались войти ко мне в долю в какое-либо дело. Решив, что серьезные дела на улице не решаются, пригласил их к себе, взяв обязательство привести с собой еще нескольких солидных торговых людей.

Известив домашних, накрыли стол, шикарный по местным меркам: икра, белорыбица, пироги, жареное, вареное, копченое мясо, уха и пиво. Я уже знал, что на деловых обедах вина не подают.

К назначенному времени гости собрались, да в количестве большем, чем я ожидал. Местных купцов разбидало любопытство, почти все мои начинания заканчивались успешно: у лесопилки конкурентов не было, все богатые люди ездили на колясках с рессорами, как у меня, аттракционы заставляли от зависти скрежетать зубами.

Что-то удумал этот странный и удачливый Кожин, Григория сын. Гости неторопливо расселись, и за столом, соблюдая некую иерархию: кто побогаче да породовитее – ближе к концу стола, где на правах хозяина восседал я, кто менее удачлив в делах – ближе к другому концу. После длительных приветствий я попросил гостей подкрепиться. Купцы не заставили себя ждать и с аппетитом приступили к трапезе. Насытившись, почти одновременно стали вопрошать, а по какому такому поводу их собрали. Я собрался с духом. Задумка была новая, еще не обкатанная здесь, но давно работающая в моих временах. А задумал я некое подобие банка на новых началах. После моих подробных пояснений, как из этого получить прибыль, сохранив и приумножив деньги, купцы надолго задумались. Уже никто не стучал ложками, кружки с пивом были отставлены. Понятно, своими деньгами рискуют, репутацией. В этом мире репутация стоила дорого, сделки заключались на словах – поговорили, договорились, хлопнули по рукам – все. Задумавший обмануть знал, что в этом месте ему больше не торговать, никто с ним дела иметь не станет. Худая слава впереди бежит, не устроишься и в другом городе.

По моим прикидкам, банк должен был давать деньги под проценты торговым людям, а также участвовать в открытии новых производств. Купцы навестили уши:

– А что новое предложить можешь?

– Предлагаю открыть сахарный завод или выпускать черепицу.

Если про сахар сомнений не было, то черепица вызвала недоумение – дранкой крыши кроют, досками еще, а это еще зачем?

Я объяснил, что это красиво и долговечно. Долго судили-рядили торговые люди, разбились по кучкам, спорили. Наконец обратились ко мне:

– Насчет денег в складчину – банка, как ты говоришь, мы согласны, кто будет главою?

Я предложил им самим выбрать наиболее честного и уважаемого человека, оставив за собой должность советника, все-таки и я вкладывал солидный капитал и рисковать не хотел, зачем мне здесь второй «Хопер» или «Русский дом Селенга»? Насчет сахарного завода к единому мнению не пришли. Решили подумать, поговорить, ответ сказать через неделю. Ну что же, у меня не горит. По главе банка разговор шел предметный, каждого кандидата обсуждали, некоторые из обсуждаемых вскакивали, краснели, бросали шапку об пол. Чувствовалось, разговор задел за живое. Выбрали Никиту Иванова – дородного, степенного купца в богатых одеждах. По моим меркам, уже пожилого, с сединой в бороде и на голове. Может, оно и к лучшему – меньше рисковать будет. Первым делом решили на общие деньги купить или построить дом, нанять охрану и писаря. Долго рядили, кто и сколько будет вносить. Наконец и этот вопрос утрясли.

Пока суд да дело, я через знакомых купцов нашел разорившегося торговца. Деньги он вложил в товар, отправил на ладье, только потом ни груз, ни ладью никто не видел. То ли утонула во время бури, то ли лихие ватажники захватили – груз продали, ладью сожгли или утопили, даже следов не было, а людишек – кого побили, живота лишив, кого в дальние земли в рабство продали. Такие случаи встречались не очень редко.

Подъехав к дому разорившегося торговца, я увидел добротный дом, правда, видевший лучшие годы. Во дворе явственно проступали следы нужды. Хозяин Тимофей встретил хмуро.

– Здравствуй, лекарь! Почто ко мне? Болящих у нас нету.

– В дом пригласи, квасом или пивом напои, разговор у меня к тебе есть.

Цыкнув на босоногих детей, вертевшихся в горнице, уселись за стол.

Молодая женщина, вероятно жена, вынесла корец с квасом, сдержанно поклонилась. Квасок был хорош, с подвала, холодный, крепкий.

Я не стал затягивать разговор, известно, время – деньги.

– Хочу предложить тебе, Тимофей, на меня поработать. Думаю завод сахарный открыть, да дело пока незнакомое. Возьмешься?

– Так и я ничего в этом не понимаю.

Я объяснил, что ссужу деньгами, надобно съездить в Малороссию, там делают сахар из свеклы, с кем поговорить, где-то подсмотреть, а лучше – мастера толкового, что весь процесс знает, сманить.

– Выгорит дело – построим заводик, управляющим тебя поставлю, на ноги снова поднимешься, понравится – так и будешь работать, нет – неволить не буду.

Тимофей долго не раздумывал. Семью кормить надо, прибýtка нет, а какой русский, тем более купец в душе, откажется от неведомого дела, если и своими деньгами не рискует.

Обговорив детали, хлопнули по рукам. Видно, разговор вселил в него надежду.

На прощание угостили пивом. Когда вышел к воротам, купец, потупясь, молвил:

– Все, что в моих силах, сделаю, не сомневайся, положишься, как на себя, ты мне поверил, когда никто денег даже под проценты давать не хочет. Завтра же и поеду.

С тем мы и расстались. Пусть господа задумчивые купцы чешут репы. Кто раньше встал – того и валенки.

Две недели пролетели как один день – подобрали уже готовый дом под банк, отремонтировали, наняли людей – проблема была в том, что грамотных было немного, а надежных еще меньше.

К деньгам абы кого не подпустишь. Купцы свозили свои обговоренные пай в дом, где соорудили серьезный железный ящик. Вскоре мешки с серебром и золотом почти наполнили его. Среди торгового люда, ремесленников уже было много разговоров о ссудах.

Не успели мы начать работу, как стали обращаться люди – кому на крупную торговую сделку, кому на строительство, кому на покупку ладьи или ушкуя. На все взятые деньги мы брали расписки и закладные – на товар, дом и другую недвижимость. Потихоньку дело отлаживалось, и я со спокойной душой переложил все финансовые операции на Никиту Иванова.

С каждым приобретением или новым делом деловой авторитет рос, и многие купцы, что раньше и здоровались-то нехотя – эка, лекарь, клистирка касторная, – теперь первыми ломали шапку, подходили за советом. Что ни говори, деньги в любом веке значили много.

Меж тем ко мне подошли купцы, коих я приглашал на собрание к себе домой.

– Так что порешили мы: хотим в пай войти по сахарному заводу, трое нас.

Мы обсудили – кто сколько вносит, кто за что отвечает, на каких землях строим, кто отвечает за закупку свеклы, кто поставяет стройматериалы. Разговоров хватило на полдня. В конце зашел разговор – а кто умеет сахар делать, есть ли мастер? Вот тут я и удивил своих дольщиков:

– Давно уже человек уехал, скоро быть должен, он все обстоятельно обскажет.

Переглянулись купцы:

– Быстр ты, батенька, видно, пальцы в рот класть не след.

В деловой круговерти прошел еще месяц. Надвигалась осень. В один из прохладных вечеров в ворота постучали. Как всегда, открыл Прохор. За воротами стоял обносившийся, исху-

давший Тимофей, рядом стояла неказистая лошадка, запряженная в телегу, на которой лежали какие-то узлы и восседал мужик с молодой и сопливыми детьми.

– Вот, мастера сахарного сманил, почти из-под Киева. Поговори с ним, чтобы не сомневался, я уж и так ему все деньги на переезд отдал.

Долго уговаривать меня не пришлось, и я сразу согласился на его условия по оплате и жилью. Устроил его пока внизу, благо комнат хватало.

Дал денег счастливому Тимофею с наказом быть завтра утром.

Поутру, после завтрака, запрягли мой возок и лошадь мастера, дождались Тимофея и тронулись к моей вотчине – деревне Власьево. Конечно, можно было прикупить земли и в Рязани, но я смотрел вперед. Вздумай расширять заводик – и будет некуда – вокруг дома жителей, да и держать завод в средневековом городе задача не из легких, к нему надо возить свеклу, дрова для топки, обратно вывозить отходы. Проще из деревни привезти сахар. Да и неизвестно, как дело пойдет, не осрамлюсь ли? На душе было неспокойно. Деревня встретила перестуком топоров, визгом пил на лесопилке. Домов прибавилось – с моего разрешения поставили дома артельщики с лесопилки, мельницу, теперь вот заводик будет, народу точно прибавится. После решения деловых вопросов ко мне подошел староста деревни, поклонился.

– Дозволишь ли слово сказать, барин?

Я кивнул.

– Деревня наша разрастается. Лавку бы торговую открыть да постоянный двор.

– Ты, что ли, хочешь?

– Нет, не по мне это. Дочка замуж вышла, хотят с зятем попробовать, да деньги нужны, да соблаговоление твое.

Строить я разрешил.

– А вот за деньгами в Рязань, в банк, езжай, я поручителем буду.

Староста чуть не бросился целовать мне руки. Ништо, к деревне крепче привяжу, хорошие руки везде ценятся.

Довольный, я возвращался домой. С высоты своего современного опыта я видел массу возможностей улучшить быт и жизнь людей и честно заработать при этом.

Глава 9

Москва

Дела мои шли более чем хорошо. Всего за год я добился значительных успехов: в подаренной деревне открыл лесопилку и строил сахарный завод, начал работать банк, госпиталь исправно функционировал – помощники принимали больных, на себя я брал только сложные случаи или требующие каких-либо оперативных вмешательств. Среди бояр, купцов, простого населения пользовался заслуженным доверием, да и у князя был в фаворе.

Лежа утром в постели, размышлял, что делать дальше, все начатые предприятия требовали догляда, а то и прямого участия. Денежки, конечно, капали, но и вертеться приходилось. Ладно, понежился, и будет, не спеша встал, умылся, позавтракал, вышел во двор. За высоким забором раздался стук копыт, облако пыли садилось за воротами. В ворота постучали. Прохор кинулся открывать калитку. Посыльный от князя шагнул во двор, ведя в поводу коня. Поприветствовал.

– Князь рязанский, Олег Всеволодович, к себе просит.

Я уже был собран, только сесть в возок. Во дворе княжеского дома стояли богато украшенные кареты, вокруг ходили по-иноземному одетые люди, слышался немецкий и французский говор. Меня препроводили к князю, в гостиный зал. Я вошел, поклонился князю и боярам.

Почти все лавки были заняты видными рязанскими людьми, князь восседал на кресле, рядом сидела княгиня. Перед князем стояли иноземцы, среди которых я разглядел французского посла, которого оперировал по осени по поводу грыжи. Выглядел он прекрасно. Розовые упитанные щеки, поправился килограммов на пяток – прикинул я. Мы вежливо кивнули друг другу.

– Вот он. – Француз указал на меня пальцем.

В голове мелькнули нехорошие мысли: неужели в чем виноват?

– Вот какое дело, – начал князь, – прибыло к нам немецкое и французское посольство, просят отпустить тебя, Юрий Григорьевич, в Москву. Сильно, сказывают, занедужил посол немецкий – Карл. Тамошние лекари не помогли, по старой памяти французский посол за тебя просить приехал. Поможешь ли? Приказать я не могу, ты свободный человек, не холоп, просить только. Вишь, оказывается, и в столице о тебе знают.

Думал я недолго, срочных дел в Рязани не было, а в Москву чего не съездить – хоть погляжу, какая она.

– Хорошо, князь, – ответил я.

– Выезжать завтра вместе с послами, воинов в сопровождение я выделю.

Раскланявшись, я поехал домой. После моего известия поднялся переполох. Надо было успеть собрать инструменты, материалы. Я ведь не знал, что может понадобиться, личные вещи, деньги, успеть съездить в банк, отдать кое-какие распоряжения. Ночь перед отъездом прошла бурно – то любовные ласки Анастасии, то ее уговоры взять ее с собой и мои твердые отказы – долгая дорога и утомительная, родни там нет, остановиться негде. Лишь под утро, усталый, я заснул, проснувшись с тяжелой головой. Возок мой уже был готов, челядь заранее погрузила вещи. На передке гордо восседал неизменный Прохор.

После бурных проводов с рыданиями Анастасии подъехали на княжеский двор. Кареты были готовы, слуги в готовности, но послы изволили выйти после долгого ожидания. Француз радостно поприветствовал меня, похлопал по плечу. Предложил ехать в своей карете. Я с удовольствием согласился, хотелось поговорить, как себя чувствует после операции, и хоть чего-то узнать, что с немецким послом случилось. Про посла я ничего не узнал, так как посол французский Филипп слышал лишь слухи. Поговорив с ним, я хотел перебраться в свой возок, но

пришлось ждать остановки всей колонны на отдых и обед. Филипп предложил французского вина, я не отказался, а поскольку вино оказалось великолепным, а закуска ввиду дорожных условий скромной, к вечеру мы укушались, как в пору моей студенческой юности. С утра у обоих был бледный вид, и Филипп предложил поправиться. Закончилось тем же. Я не знал, как он вел себя во Франции, но в России перенял не самые лучшие привычки.

Потихоньку миновали Коломну.

Дорога вытрясла всю душу, уже болели все кости и мягкие места. Хотелось помыться и полежать. Ближе к Москве дорога стала расширяться, но была такой же пыльной. Неторопливо переставляли ноги крестьянские клячи с телегами, полными грузов, кареты с важными ездоками, галопом пролетали гонцы и ратники. И над всем этим висела пыль, облаком въедливым и удушливым проникая всюду – в нос, глаза, волосы, одежду, обивку карет. Все выглядело одинакового цвета – серо-коричневым. Путники периодически чихали, полоскали из фляжек с водой рты. В борьбе с пылью так незаметно и подъехали к Москве. Ба, деревянные стены, узкие улицы опять же с деревянными домами. На улицах слой пыли с навозом, отчего пыль была серо-желтой. Вот это белокаменная! Лишь ближе к центру стали попадаться мощенные дубовыми плахами улицы и каменные дома. Стало почище, меньше пыли. Крестьянских повозок стало меньше тоже, однако по улицам ходили толпы. Здесь были и ремесленники, и торговые люди, и священники, и семейные матроны, шедшие из церкви, и праздничношатающиеся. Медленно пробиваясь через толпу, подъехали к домам немецкого посла. Меня привели в комнату, где я умылся и переоделся в чистую одежду, и тут же его провели к больному. От усталости пошатывало.

В большой, богато обставленной комнате были задернуты тяжелые шторы, горели свечи, стоял тяжелый запах. По моему указанию шторы отдернули, распахнули окна. На широкой постели на высоких подушках лежал дородный мужчина среднего возраста, с бритыми лицом и головой. После осмотра диагноз стал более или менее ясен, жаль только, что подтвердить или опровергнуть было нельзя – ни лаборатории, ни УЗИ не было. Я подозревал наличие камня в мочевом пузыре. Ясно, что отвары трав и прочие снадобья местных людей ему не помогали.

Спасти могла только операция. Больной постанывал, лоб его покрывала испарина. По-русски он говорил со смешным акцентом, но довольно неплохо.

Отдав распоряжение – приготовить во дворе легкую палатку или шатер, желательно из шелка, я собрался оперировать, необходим был свет. Обеспечить освещение свечами в комнате было затруднительно.

Напоив больного отваром опиума, четверо слуг на простынях понесли его в палатку. Тщательно вымыв руки водой и обтерев самогоном, что я привез собой, приступил к операции.

В мочевом пузыре оказался громадный камень, занимающий почти половину пузыря. После удаления камня, я послойно ушил стенки мочевого пузыря, брюшину, мышцы и кожу. Делать операцию было крайне сложно, как говорят хирурги, больной дул живот, хорошей релаксации не было. Правда, удачно удалось остановить кровотечение. После перевязки посла в полубессознательном состоянии отнесли в спальню. Я умылся, попросил покушать и испить баню. Прохор с повозкой располагался на заднем дворе и был челядью уже накормлен, а лошадь стояла под навесом. Основательно подкрепившись, я проведаль больного. Состояние было адекватным после такого вмешательства. Попросив поставить в комнате еще одну кровать, я улегся и провалился в сон. Каждые два-три часа вскакивал как по будильнику, осматривал больного – щупал пульс, проверял, сухая ли повязка. Двое суток пролетели как в угаре. На третий день пациент очнулся, слабым голосом попросил воды. Кроме жены, я никого не подпускал к больному, кормил с ложечки бульонами, жиденькими кашами. Через четыре дня он стал присаживаться в постели, послеоперационная рана стала покрываться грануляциями, нагноений не было – чего я так боялся. Постепенно посол стал подниматься, хотя был еще слаб, но с каждым днем чувствовал себя увереннее. За прошедшие дни мы много разговаривали, и

между нами возникли доверительные отношения. Как-то Карл спросил, почему я прозябаю в дремучей России, любая страна с удовольствием примет такого лекаря. Оказывается, прооперированный мною год назад француз расписал меня во всех самых лучших красках местной знати и послал, и теперь, учитывая, что я в Москве, многие жаждут со мной встречи. Не задумывался я ранее об отъезде в другие страны. Как говорится, где родился, там и пригодился. Еще не раз мы касались этой темы. Прошло десять дней, посол уже окреп, и я снял повязку. Дав ему советы по дальнейшему – сборы трав, я подарил ему извлеченный камень. Карл был удивлен: эта штука была у него внутри?

Изумлению его не было предела. В благодарность Карл преподнес мне перстень с бриллиантами и толстенную золотую цепь. Я поблагодарил и стал откланиваться. Карл остановил меня.

– Где ты остановишься, как сыскать тебя? Ко мне через день приезжают вельможи из иноземного приказа, очень хотят, чтобы ты их полечил.

Я еще не знал, где остановиться, и попросил его совета. За эти дни я еще не был в Москве, не знал, где и какие есть постоянные дворы. Карл взял колокольчик и позвонил. Вошел слуга, коротко переговорив по-немецки, который я не понимал, посол сказал, что меня проводят в Немецкую слободу, к надежному человеку, владельцу очень хорошего постоянного двора, на полный пансион. Раскланявшись, мы с Прохором и сопровождающим слугой отбыли.

Москва не впечатляла. Большая, малоэтажная, с грязными улицами, по канавам текут отбросы, толчея. Добрались до Немецкой слободы, сопровождающий меня слуга коротко переговорил с хозяином – толстым, краснощеким господином в европейском платье, в коротеньких штанишках, жилете и камзоле зеленого цвета, и мы въехали во двор.

Поселили нас с Прохором в отдельных комнатах, лошадь и возок поставили под навес. Везде было опрятно и чисто, весь двор был замощен булыжником. После того как я развесил в шкафу свою одежду, опустились вниз на обед. Подавали тушеную капусту со свиными колбасками, жареную курицу, отличное темное пиво. Наевшись от пуза, отправились отдыхать.

Утром я проснулся от осторожного стука в дверь. На пороге с виноватым видом стоял сам хозяин. Коверкая русские слова, он извинился, что рано разбудил господина лекаря, но его ждут.

– Кто? – не понял я.

Молча я подошел к окну, распахнул – мамочка! На улице у постоянного двора стояло семь или восемь богатых карет, рядом с ними разодетые в пышные наряды дамы и кавалеры. Мать честная! Я глянул на часы – восемь утра. Быстро пошел умываться, попросив хозяина накрыть стол к завтраку.

– Готово уже!

Вот, орндунг у них.

После завтрака хозяин стал впускать во двор жаждущих полечиться, причем иноземцы чинно стояли в очереди, а наши пытались проскочить, но на немчуру их попытки не действовали.

Оказалось, Карл сообщил своим знакомым, где я остановился, и не знал, сколько дней я намеревался пробыть в Москве. Рекомендовал не тянуть. Вот страждущие и подъехали прямо с утречка.

Я внимательно осмотрел больных, кое-кому надо было оперироваться. Подошел к хозяину, попросил выделить еще комнату, где бы я мог сделать несложные операции. Проблем с этим не было, только плати.

Весь день я работал в поте лица, забыв про обед, но немец подошел ко мне.

– Господин лекарь, – и выразительно постучал по стеклу часов, – извольте кушать, стол накрыт.

В трудах прошло несколько дней, я просто выдохся от работы и подумывал устроить выходной, как прибыл Карл. После вежливых приветствий посол сообщил, что, будучи на приеме в Кремле у царя, живописал мои золотые руки и голову, а также усердие в работе. Михаил Федорович Романов, царь Руси, заинтересовался и, вероятно, пригласит во дворец. Карл поинтересовался, есть ли у меня подходящая одежда. Конечно, нет, я приехал работать, не на приеме ходить, да и моды местной не знал. Улыбнувшись, Карл взял меня под локоток, и мы в его карете поехали к его портному. Меня тщательно обмерили. На выбор предложили различные ткани, хорошо, немец помог выбрать. Через четыре дня я уже примерял обновки: пару брюк, жилет, камзол, чулки. Туфли мы купили у сапожника уже готовые – из мягкой кожи с большими серебряными пряжками. Я посмотрел на себя в зеркало и еле узнал – передо мной стоял франт, правда, не хватало шляпы, и надо было бы посетить цирюльника. Цирюльник, оказывается, был на постоялом дворе у немчика, живо оправил бороду и постриг отросшие волосы. За шляпой пришлось ехать к мастеру. Зато теперь не стыдно было показаться и перед государем.

Приглашения не было, день летел за днем в работе, пациентов не убывало, причем все – и иноземцы, и русские бояре, и купцы – платили не скупясь. Я стал задумываться, уезжать ли в Рязань или присмотреть дом в Москве и переехать сюда. Все-таки столица, интересных людей больше, и возможности иные, да и по доходам Рязани с Москвой не тягаться.

Прошло десять дней, как я поселился у немца на постоялом дворе. По вечерам иногда заезжал француз Филипп, и мы здорово кутили, вина всегда у него были превосходные, а под знатную закуску немца сиделось очень хорошо. На вопрос Прохора, когда будем уезжать, я решил:

– Все, Прохор, собирайся, завтра отбываем домой.

Но завтра с утра приехал Карл, сказал, после обеда нас ждет на приеме царь Михаил Федорович, надо принарядиться. Одежда у меня уж была, долго ли собраться? Мы сели в карету немецкого посла и поехали в Кремль. На въезде посол предъявил стрельцам грамотку, и нас беспрепятственно пропустили. Поразило, что на Красной площади стояли лавки, бродили лоточники, играла музыка, выступали бродячие скоморохи. Это была совсем не та Красная площадь, какую я привык видеть на парадах по телевизору – строгая, торжественная. А вот за кремлевскими стенами почти ничего не изменилось – колокольня Ивана Великого, нынешнее здание Оружейной палаты, только нигде не было видно Царь-пушки и Царь-колокола, да у здания Сената не лежали стволы трофейных орудий. Нас встретили слуги, проводили в Грановитую палату. Я там не был никогда, видел раньше такую красоту только на открытках. Сказать, что был восхищен, – ничего не сказать, я был просто подавлен красотой, изяществом форм, яркими росписями. По окружности стояли резные деревянные лавки и восседали бояре в цветных, шитых золотом кафтанах. Женщин не было, трон царя пустовал. В углу, рядом со входом ожидали приема дородный дворянин со спесивым выражением на лице, купец армянского обличья, и туда же подвели нас. Я стал озираться, оглядывая красоту палаты, на людей почти не глядел, все равно знакомых нет и быть не могло.

Вошел дворецкий и, трижды стукнув посохом о пол, возгласил:

– Царь и великий князь всея Руси Михаил Федорович!

Все поднялись и склонились в поклоне. В двери за тронем прошли царь с сопровождающим и митрополит Филарет. Царя под руки усадили на трон, хотя был он не стар, лет тридцати пяти. Невдалеке по правую руку расположился митрополит.

– Это отец царя, митрополит Филарет, недавно из польского плена, – пояснил Карл, он здесь знал многих, постоянно раскланивался. Первым к царю подвели армянского купца, разговор шел негромкий, но по отрывкам доносившихся слов я понял, что купец выпрашивает беспопышную торговлю. Чем закончились просьбы, мне неизвестно, но купец, низко кланяясь, пятился задом к выходу и непрерывно на цветастый восточный манер возносил хвалы Михаилу Федоровичу.

Следующими слуги подвели к царю нас. Я склонился в низжайшем поклоне, сняв шляпу, а выпрямившись, поприветствовал и пожелал долгие лета. Более говорить мне не пришлось. Карл расписывал мои заслуги, а царь разглядывал меня.

Богатые, шитые золотом одежды были усыпаны крупными самоцветами – красными, синими, зелеными, что ярко вспыхивали от солнечных зайчиков. На голове была полукруглая боярская шапка, опушенная мехом, верхушку венчал золотой крест. Пальцы царя были унижены перстнями. Из-под одеяний выглядывали красные сафьяновые сапожки из мягкой кожи.

Темные глаза царя внимательно разглядывали меня.

– Мне докладывали о тебе, лекарь. Князь рязанский, Олег Всеволодович, присылал грамотку, как отбивали набег на Рязань, да послы иноземные хвалили за врачевание искусное. Инда ладно, иди, с тобой поговорить хотят.

Мы с Карлом низко поклонились, и слуги вывели нас из зала. Один из слуг вежливо взял меня под локоток и повел многочисленными и запутанными переходами по дворцу. Через небольшие промежутки почти у каждого ответвления стояли стрельцы с бердышами и саблями у пояса.

Меня ввели в небольшую комнату, довольно скромно обставленную: стол, стулья, столешница для письма стоя. Правда, все деревянные вещи были из благородных сортов дерева, были украшены искусной резьбой. Слуга указал на стул и исчез. Ожидать пришлось долго, я не раз глядел на свои карманные часы. Через часа полтора послышались шаги и в комнату вошел митрополит Филарет с сопровождающим монахом. Я склонился в поклоне. Карл рассказывал ранее, что фактически правит отец – митрополит, а сын – Михаил Федорович, царь Руси, умом и волей не богат, во всем подчиняется отцу. Митрополит перекрестил меня, подал для поцелуя руку и уселся. Монах занял место за стойкой для письма. Записывать будет, запоздало догадался я.

– Наслышан о тебе, человеце! Дела добрые творишь, от ворага помог отбиться, многим людям раны врачевал, дом-лекарню сделал.

– С Божьей помощью, отче! – Я, перекрестившись, поклонился.

– Правда, от настоятеля рязанского, отца Кирилла, наслышан, что в церковь нечасто ходишь, однако деньгами святому делу помогаешь.

– Грешен! – Я снова перекрестился, поклонившись.

– Инда ладно. Призвал я тебя к себе, потому как наслышан о твоём искусстве врачевания от людишек рязанских, а тут, видно, сам Господь тебя в Первопрестольную привел, да проверку с Карлом устроил, да людишек московских знатных полечил – и удачно. Мне все про то ведомо.

Глаза его остро сверкнули.

– Есть в тебе еще талант – дело вокруг себя наладить. Будь то коммерция али госпиталь. Нужда у меня в таких людях. Ты сам откуда будешь, из каких краев, какого рода?

Я повторил выдуманную легенду – родителей не помню, был в чужедальних краях, занесло провидением Божьим в Рязань.

Патриарх покивал головой.

– Не серчай, что расспрашиваю подробно. Дело государственной важности хочу предложить. А то, что роду неизвестного, так это даже и хорошо, своих на теплые места пристраивать не будешь. А дело такое. На Руси упадок во многих делах, в лекарском деле тоже. В иноземных государствах школы открылись – врачеванию учат, токмо у нас бабки-знахарки да травники людишек пользуют. Хочу и у нас на Руси школу открыть, дело новое, трудное – возьмешься ли? Свое покровительство я тебе обещаю, деньгами на первых порах и помещение выделим. А то перед видными людьми да иноземцами стыдно, в Рязани врачевателя нашли, а в Москве нет.

Я не раздумывал долго:

– Согласен. Только мне время потребно – семью сюда перевезти, с помощниками обговорить – может, со мной кто поедет, да и вам помещение надо подобрать.

– Вот и славно. С жильем определись, семью перевези, врачевать можешь, но дело в первую голову, за то спрошу. Далее будешь все дела вести с ним, – он кивнул на монаха, – звать его отец Гавриил.

Патриарх легко поднялся, я приложился к его руке, меня перекрестили, и я остался с монахом. Мы обговорили с ним основные вопросы помещения для школы – чтобы дом был недалеко от центра, но и не на шумных улицах, чтобы был удобный подъезд, большой двор, вода в колодце и многое еще чего. Отец Гавриил с непроницаемым лицом все это записал.

– И еще к тебе просьба личная, помоги купить дом для меня, я никого здесь не знаю, как и город.

– Хорошо, подойди ко мне завтра.

Я вышел из дворца, Карла и след простыл. Пешком добрал я до постоянного двора. Во дворе нетерпеливо ожидал Прохор.

– Что барин, едем?

– Нет, Проша, задержимся еще на несколько дней, будем дом здесь покупать, в Москву переезжать.

Прохор бросился в ноги.

– Меня с собой заберешь ли, барин?

– Конечно, Проша, не переживай.

Прохор успокоился, повеселел. После обеда я направился в свою комнату, запер дверь и стал считать деньги. Кое-что я брал с собой, прилично заработал здесь, но мне надо было знать, сколько у меня наличности. Сколько стоят дома в Москве, я даже приблизительно не знал. Денег, правда, набиралось довольно много, не кошель нужен, а ларец или небольшой мешок.

Несколько успокоенный, я лег спать. С утра в своем возке я подъехал к Кремлю, оставил Прохора, отправился к отцу Гавриилу.

Поздоровался, он молча кивнул в ответ:

– Есть два дома, можно сейчас посмотреть, возок или карета имеются?

Мы вышли из Кремля и уселись, куда ехать, я не знал, монах односложно направлял Прохора – прямо, налево, прямо, направо. Ехали недолго. Улица называлась Конюшенный переулок. Забор и ворота неказистые. Дом каменный, небольшой, в два поверха, запущенного вида. Дом не глянулся, и мы поехали смотреть второй. Как сказал монах, на улице Ильинка.

За высоким забором виден старый сад, на воротах петли смазаны, встретил нас старый привратник.

– Хозяйка замуж вышла, один я да сторож и остались, год, почитай, вдвоем.

Дом стоял чуть в глубине небольшого сада, каменный, в два этажа. Впечатление ухоженного, даже внутри пыли почти не было, часть обстановки сохранилась, и даже эта оставшаяся часть производила впечатление.

– Хорошо, сколько хозяйка просит?

– Не могу сказать, я только за домом приглядываю.

– А как нам найти хозяйку?

– Ежели подъедете около полудня, будет вам и хозяйка. Я успею обернуться.

Я отправил Прохора на возке вместе с привратником, чтобы не тратить зря время, а тем временем вместе с монахом и сторожем, который давал пояснения, более внимательно осмотрел двор и дом. Почти все понравилось – имелся даже второй въезд в переулочек, видно, для хозяйственных нужд – дрова привезти, продукты, сено для лошадей, – дабы не замусорить господский въезд. Деревянная конюшня на восемь лошадей с крытой пристройкой рядом для карет или возков. Рядом небольшой деревянный домик в один этаж – для прислуги. Я зашел – пять комнат, везде чистенько, две комнаты обжиты, привратника и сторожа. В саду стояла небольшая беседка, и я представил, как будет здорово сидеть вечером и пить неспешно в беседке чай. Сбитень, пиво, квас, вино здесь были, почитай, в каждом доме, но на торгу

встречались купцы, привозившие из Синда чай. Вот жалко, до кофе еще не дожили. За обходом дома и не услышали, как подъехал Прохор и за ним карета, запряженная парой лошадей. Из кареты выпорхнула молодая стройная женщина, мы поклонились.

– Боярыня Калашникова, – представилась она. – Мужа сейчас нет дома, можете у меня узнать, коли что нужно.

Вопросов почти не было, главный – цена.

Когда я узнал, мысленно охнул. Не хватало двадцати рублей, сумма по местным меркам большая – чуть не стадо коров купить можно. Я согласился на покупку, но просил несколько дней подождать. Распрощались, я оставил задаток и уехал. При недолгом размышлении решил одолжиться у Карла, больше никого настолько близко я не знал.

Встретил Карл радушно, но, узнав о цели приезда, несколько сник. Я клятвенно заверил, что, как только обернусь из Рязани, отдам с процентами. Немец повеселел, и в мой кошель ссыпались монеты. Правда, и расписку пришлось написать.

На следующий день, не став тянуть время, мы с Прохором направились к хозяйке. В этот раз муж был дома, и мы отправились в управу составлять купчую. Я уже знал, что в эти времена договор или другие юридические бумаги мог подписывать только мужчина. Сделка завершилась быстро, и я стал владельцем небольшого особняка почти в центре Москвы. Договорившись с привратником и сторожем продолжать службу, теперь уже с оплатой по моем возвращении, мы вернулись на постоялый двор к немчику, поскольку расплатился я с ним заранее, вопросов с отъездом не возникало, и мы, собрав свои немудреные пожитки, отправились обратно в Рязань. Я еще не знал, как воспримут решение о переезде Настя, помощники по госпиталю и самое главное – князь. Иметь его врагом мне вовсе не хотелось.

Глава 10

Татарский плен

Мы пылили с Прохором по пыльной дороге второй день. По мере удаления от Москвы дорога становилась все уже и хуже, повозки встречались реже. К вечеру остановились на постоялом дворе, недалеко от Коломны. Усталая лошадка захрустела ячменем под навесом, мы с Прошей зашли в трапезную. Народа было много, в основном крестьяне, да несколько купцов, расторговавшихся в Москве. Судя по количеству пустых кувшинов и раскрасневшимся лицам, выпито было изрядно, видно, торговля прошла удачно. Мы нашли свободное место, заказали каши, жареную курицу, огурцов да пива. На большее денег не хватало, в кошеле уже не звенели весело монеты, а жалобно побрякивали. Дай бог, скорее бы добраться до Рязани.

Мы покушали и пошли располагаться на ночлег, Прохор вышел и, вернувшись, предложил:

– Барин, купцы в Шацк едут, надо бы к ним присоединиться, дале места глуховатые пойдут, вместе от лихих людей обороняться сподручнее будет, коли случится чего.

– Что ж, пожалуй, и так.

Нехорошие разговоры в придорожных постоялых дворах ходили. Я поднялся и подошел к купцам. Поздоровавшись и пожелав удачи, я попросил разрешения присоединиться к их обозу. Купцы переглянулись:

– А ты кто таков будешь, мил-человек?

– Лекарь я рязанский, Юрий.

– А, так мы слышали про такого.

– Ладно, мы не против, токмо выезжаем рано, не проспй, ждть не будем.

Я предупредил Прохора и лег на матрас, набитый душистым сеном.

С первыми петухами Прохор вскочил и пошел запрягать кобылу, растолкав меня. Выехали дружно, решили позавтракать попозже. Мы ехали ближе к хвосту обоза. Луг кончился, начался лес. Густые ели близко подступали к узкой дороге, солнце уже взошло, где-то высоко запевал жаворонок. Когда весь обоз углубился в лес, обозники вытащили из повозок кто топор, кто меч или саблю, кто лук со стрелами, а кто и арбалет. Все как-то посерьезнели. Утихли разговоры, все настороженно поглядывали по сторонам, и все равно нападение произошло неожиданно. Раздался шум падающего дерева, и поперек дороги упала здоровенная ель, перегородив ее. Обоз встал, и тут из-за деревьев высыпали разбойники. Одетые разномастно – кто в рубашке, кто в кольчуге, кто в драном кафтане. Вооружены тоже разнообразно – у кого топор, у кого бердыш или меч. Только на голове у здорового детины шлем, остальные в шапках. Заросшие хари, длинные, давно не мытые волосы, пыльные одежда и обувь. Сразу видно – разбойный люд. Купцы живо соскочили с повозок и заняли оборону, приходилось, видимо, уже сталкиваться с разбоем. Крестьяне замешкались и почти сразу полегли.

Прохор выхватил из-под облучка топор, у меня же был только длинный нож на поясе. Оружия более серьезного я не имел, так как не умел им пользоваться. Чтобы хорошо владеть копьем, мечом или луком, нужны почти ежедневные воинские упражнения.

Нападавших было около двадцати, но организованы они были лучше и оружием владели более искусно, разбойная практика сказывалась, очевидно.

Мы с Прохором стали прорываться к купцам. На меня напали сразу два разбойника, от выпада одного, с топором в руке я уклонился, всадив ему нож в живот, а второй чуть не срубил мне голову саблей, да Прохор выручил, проломив разбойнику череп топором. Запыхавшись, в крови, мы добежали до купцов, стоявших спинами к телегам и державших оборону слева и справа от обоза. Мечами и топорами на длинных рукоятках махали они неплохо, несколько трупов нападавших уже валялись у их ног, но и ряды обороняющихся медленно таяли. Разда-

вались крики, лязг оружия, хрипы умирающих, ржание лошадей. Схватив топор на длинной рукоятке, лежавший рядом с убитым разбойником, я перехватил нож в левую руку. На меня бежал здоровенный мужик, заросший волосом так, что видны были только дикие, горевшие азартом глаза. Взмах мечом, я успел присесть и ударил топором по коленям, мужик с воем рухнул, к нему подскочил Прохор и добил. В бою не место жалости и гуманизму. Стоявший рядом купец натягивал стрелу арбалета, но, положив на желоб болт, упал сам с разрубленной головой. Я подхватил арбалет и выстрелил в грудь его убийце. Промахнуться с четырех шагов было невозможно, и разбойник молча рухнул.

– Сзади! – услышал я крик Прохора и мгновенно повернулся, одновременно присев.

На меня надвигались два татя, размахивавшие мечами. Не успел бы присесть, остался без головы. Схватил топор, отбросив бесполезный уже арбалет, и подставил его под удар меча разбойника. Прохор кинулся мне на выручку, да неудачно, почти сразу меч одного из нападавших вошел ему в грудь, и Прохор упал. Все это я охватил краем глаза, отбиваясь от нападавшего, который бешено вертел мечом и наступал. Я медленно пятился к небольшой кучке оставшихся купцов, успевал подставлять под меч обух или окованную железом рукоять боевого топора. В один из моментов меч попал на обух и, хрустнув, переломился пополам. Радовался я недолго, из левого рукава разбойника вылетел кистень и ударил меня в лоб. Сознание померкло.

Очнулся я от мерного покачивания, где-то совсем рядом плескалась вода, было темно и душно. Рядом со мной ворочались и сопели какие-то люди. Сильно болела голова и тошнило, во рту было сухо – ну совсем как с перепоя. Я сразу поставил себе диагноз – сотрясение головного мозга. Главное лечение – покой. Я руками ощупал свое тело, местами была боль от ушибов, но переломов и крупных ран не было, так, царапины. Я решился и пересохшими губами спросил:

– Кто здесь?

Вместо своего голоса я услышал нечто сиплое, язык был шершавый, как наждачная бумага – пить, пить и пить, вот что мне хотелось. Я прокашлялся. Рядом кто-то завозился.

– Лекарь, живой?

Я кивнул, не сообразив, что в темноте меня не видно, и тут же застонал от приступа головной боли. Ко мне придвинулся мой сосед:

– А я купец, вместе отбивались от татей.

Я не помнил. Застолье в постоялом дворе и выезд с обозом вместе с купцами помнил, а дальше сплошной провал.

– Я купец, Петром меня величают, нас четверо уцелело, в плену мы, на разбойничьем ушкуе, по реке куда-то сплаваемся.

– А что за река?

Даже в темноте я понял, что купец улыбается:

– Видно, сильно тебя по голове ударило. По Оке! Ты без памяти уже два дня лежишь. Сейчас ночь, спят все. Я так мыслю, что мы уже и Рязань миновали.

Ешкин кот! Я снова подал голос:

– А водичка есть?

– Нет водички, за два дня ни крошки хлеба, ни глотка воды.

Я надолго задумался.

– А что с нами будет?

Купец помолчал:

– Али в рабы нам дорога, али на торг дальний, в чужие страны.

Да, хорошая перспектива.

Надо попробовать убежать. Я намекнул об этом купцу. Тот хихикнул:

– Я и товарищи мои связаны, тебя одного не повязали, потому как без памяти ты был. Оружия у нас нету. На палубу нас не выпускают, как убежать?

Мысли в голове ворочались тяжело, видно, и в самом деле ударили сильно. Но и в таком состоянии я сообразил, что чем дальше мы отплывем, тем меньше шансов вернуться назад живыми. Сразу же за Рязанским княжеством начинается Дикое поле – а там и татары, и ногайцы, и башкиры, и прочие абреки забредают – вот им забава будет безоружного русского поймать!

А то и походя голову снести. Ничего не придумав, я провалился в глубокий сон. Проснулся я от внезапного света, лок откинули, и по трапу спустились два разбойника. Одного я узнал – это был тот, что угостил меня кистенем по голове. Они бросили узникам несколько сухих лепешек и пару бурдюков с речной водой. Кто мог, кинулись к воде. Тати скалили зубы, наблюдая за свалкой. Наконец им это надоело, один ткнул пальцем в меня – поднимайся наверх. Пошатываясь, щуря глаза от солнечного света, я поднялся по трапу из трюма и ступил на грязную палубу. У мачты стоял пузатый мужичок в яркой красной рубашке, опоясанный кушаком, за который были заткнуты кривая сабля без ножен и нож. Украдкой я осмотрелся – мы плыли по широкой реке, по пологим берегам стояли редкие деревья. Никаких признаков деревень не было. Сориентироваться по местности не удалось. Моя заминка не прошла незамеченной, я получил хороший пинок и упал под ноги толстяка. Сзади раздался смех.

– Назовись, – буркнул толстяк.

Обычно люди полные бывают незлобные, но этот производил впечатление бульдога: красные отвислые щеки буквально лежали на шее, из приоткрытого рта торчали гнилые зубы, борода с крошками, маленькие заплывшие глазки злобно посверкивали.

– Лекарь из Рязани, Юрий Кожин.

– А, так это твои железки в сумке, а мы думали – палача споймали, инструмент, как у ката.

Толстяк обернулся, и у команды ухмылки с лиц исчезли.

– В каюте двое раненых – бери инструмент и осмотри.

Мне принесли мою сумку, и под конвоем двух разбойников я пошел к кормовой надстройке в каюту. Она была невелика, всего на две койки. На обоих в окровавленных тряпках лежали раненые разбойники. Запах стоял тяжелый – видимо, у одного рана гноилась. Я осмотрел обоих – у одного раны оказались нетяжелые. Я удалил наконечник стрелы и зашил другие раны. Со вторым было хуже – рубленая рана на плече гноилась, в ране копошились черви, к тому же раненый потерял много крови. К концу осмотра в каюту вошел толстяк, как я понял, он был владельцем судна и все разбойники подчинялись ему.

– Что с ними?

Я доложил. Разбойник указал на раненого в плечо:

– На палубу его!

Мои надзиратели живо схватили раненого и, не церемонясь, потащили к мачте.

Толстяк не спеша подошел к раненому, достал нож и перерезал глотку. Кровь хлынула ручьем. Умиравший захрипел, задергал ногами. Толстяк вытер нож об одежду убитого.

– За борт его, неча воздух отравлять, палубу прибрать.

Разбойники схватили труп за руки и ноги и сбросили в воду.

Деревянным ведром на веревке зачерпнули воды и ополоснули палубу. Я стоял в оцепенении – ведь этого человека можно было спасти. Если толстяк с легкостью убил своего раненого товарища, то и с нами может поступить не раздумывая более жестоко.

Толстяк посмотрел на меня:

– Этого в трюм, инструмент не трогать, отнести ко мне в кладовку. Я мыслю, этого можно дорого продать, у нехристей ученые и ремесленники в цене.

Так, мои догадки, что нас продадут в рабство, получили подтверждения. В глубоком унынии я спустился вниз.

– Ну, что там?

Что я мог сказать в ответ?

Молча пожал плечами и уселся в своем углу.

Дни сменялись днями, о том, что настал новый день, мы узнавали, когда открывался люк и измученным людям бросали бурдюки с водой и сухой хлеб.

После одной из ночевок один наш собрат по плену скончался. Он был самым пожилым из нас. Труп разбойники вытащили наверх и скинули в воду, мы слышали всплеск. Я потерял счет времени: часы у меня отобрали давно, и теперь мне оставалось тупо сидеть или лежать на дне трюма и с тоской вспоминать лучшие дни.

Наконец раздался легкий толчок, качка прекратилась. Пристали, открылся люк – на палубе стояли вооруженные разбойники:

– Выходи, кто живой!

Люди стали подниматься по трапу на палубу. Тати споро вязали пленников в длинную вереницу – одна рука одного пленника привязывалась к руке другого. Затем нас погнали по сходням на берег и затолкали в сарай. Было уже темновато, но по дороге удалось разглядеть небольшое селение. Где мы – этот вопрос беспокоил всех пленников, мы тихо переговаривались, но усталость взяла свое, и мы улеглись на лежалую солому.

Поутру проснулись от какого-то заунывного, протяжного крика. Мой сосед по веревке вздрогнул:

– Да это же мулла ихний кричит, к молитве призывает, я раньше на купеческой ладье вниз по Волге – Итилю ихнему – ходил. Навидался басурман.

Сердца многих испуганно екнули, оказаться в рабстве у своих плохо, но у мусульман во сто крат хуже, редко кто возвращался из татарского плена. Распахнулись створки ворот, в сарай вошли двое разбойников с судна и молодой татарин в длинном халате и тюбетейке. Отсчитали пять человек и увели. В полдень эти же люди увели еще десять человек. В сарае кроме меня оставалось шесть человек, но до вечера больше никого не уводили. Никто не разговаривал, всех занимала собственная судьба. Среди оставшихся почти все были бывшие купцы. Переночевали под урчание пустых животов. Утром, проснувшись от криков муэдзина, мы стали ждать своей участи.

Ближе к полудню зашла вчерашняя троица – двое разбойников и татарин. От ворот разбойник выкликнул меня:

– Лекарь, поднимайся, выходи!

Я обвел взглядом остающихся в неволе: удастся ли свидеться?

Во дворе стоял татарский мурза в зеленой чалме и богатом халате. Он о чем-то спорил с хозяином судна. Наконец они договорились, деньги из кошель татарина перешли в руки толстяка. Один из разбойников сбегал на ушкуй и принес мою сумку с инструментами. Один из слуг татарина накинул мне на шею аркан и привязал к седлу лошади. Руки мне не связали, но в них я держал свою нелегкую сумку. Мурза сел на лошадь, и кавалькада из трех лошадей и меня в качестве пленника тронулась в путь. Лошади шли шагом, но мне приходилось бежать, чтобы не упасть. Аркан из жесткой веревки натирал шею, и стоило мне чуть сбавить темп, довольно сильно дергал, норовя опрокинуть в пыль. Раза два я все-таки не удержался и упал. Никто не стал останавливаться, даже и не обернулись. Хорошо, что я успел продеть ручки от сумки до локтевого сгиба левой руки и ухитрился не потерять сумку с инструментами – это сейчас самое ценное, что у меня есть. Правой рукой я периодически убирал пот и кровь с разбитого лица. Часа через три, когда я уже стал задыхаться от непрерывного бега, татары остановились на обед и намаз. Расстелив коврики, что были приторочены у каждого за седлом, совершили омовение и, преклонив колени, – молитву. Я в это время валялся на траве, жадно хватая пересохшими губами воздух. После молитвы татары достали из переметных сум сушеное мясо, лепешки и стали есть. Мне оставалось глотать слюны и мечтать хотя бы о воде. Наконец один из татар сжалился и кинул мне полупустой бурдюк с водой. Схватив его, я жадно припал к

горлышку. Не знаю, сколько я выпил, но мне казалось – мало. Татарин отобрал бурдюк, и мы поехали – вернее они, а я побежал за татарами. К вечеру мы прибыли в небольшое селение, несколько домов, наверное сакли, были сложены из необожженной глины, вокруг деревеньки стояли юрты. Везде бегали грязные ребятишки. Взрослых видно не было. Кавалькада остановилась у самого большого дома, открылись ворота, выскочили два татарина – один взял под уздцы лошадь мурзы, другой помог ему сойти. Все зашли во двор. Меня отвязали от седла, сняв аркан с шеи, и показали под навес с лошадьми. Я понял, что на ближайшее время мое место там. Выбрал уголок подальше от лошадей, надергал себе сена и упал. Ноги гудели, хотелось есть и спать. Но больше всего хотелось помыться. Отдохнув какое-то время, я пошел по двору, ища колодец. Он оказался за домом, рядом с ним стоял старый седой раб в рванье, черпавший воду из колодца ведром и ливший ее в длинное корыто для поения животных. На меня он не обратил никакого внимания, взгляд был потухший. Я поздоровался, попросил воды.

– Ты русский? – услышал я русскую речь. И быстро вздохнул: – Я из Костромы, третий год как тут, уже русскую речь не чаял услышать, одни басурмане вокруг. Ты как здесь?

– Да так же, как и ты: захватили разбойники, продали вот этим. – Я кивнул на дом.

– Тише! Услышит кто из татар – кнутами бить будут.

Он показал на свою спину. Сквозь прорехи драной одежки виднелись багровые рубцы.

– Так ведь еще царь Иван Грозный подчинил Казанское ханство, не должно в рабы русских брать.

– Ты это мурзе расскажи.

Из-за угла вышел татарин, и мы прекратили разговор. Я набрал ведро воды, разделся до пояса, обмылся, насколько смог. Утереться было нечем, вытерся пропотевшей рубахой. Почувствовал себя несколько посвежевшим. Напился воды – была она слегка солоноватой, но выбирать не приходилось.

– А кормят как?

Русский раб обернулся.

– Выкинут что со своего стола – то и кормежка.

Я пошел к конюшне и рухнул на сено. Надо хотя бы выспаться, неизвестно, что будет завтра.

Утром проснулся от криков муэдзина. Это начинало входить в плохую привычку. Сбежал за дом, умылся и попил воды.

Через час из дома вышел татарин, показал на сумку с инструментами и сел на лошадь, привязывать меня на этот раз не стали, плелся следом. Часа через два добрались до стойбища с юртами и пасущимися неподалеку овцами и лошадьми. Меня завели в юрту – у дальней от входа стены лежал на горе подушек старик. Татарин показал на него рукой и, скрестив ноги, уселся рядом.

У деда оказалась нагноившаяся рана в области бедра. Оказалось – ударила копытом лошадь. Я вскрыл гнойник, выпустив гной, рану зашивать не стал, пусть очистится. Сделав перевязку, встал, показав жестом, что хочу помыть руки. Татарин что-то прокричал. Вошла женщина и поманила меня за собой. Рядом с юртой из медного кувшина я вымыл руки. Так же молча меня завели в соседнюю юрту, усадили на пол, дали в руки кусок вареной баранины и лепешку. Я с жадностью накинулся на еду. После еды попил воды и, прижав руку к сердцу, поблагодарил за угощение. Все общение на стоянке пастухов свелось к жестам, русского татары не знали, как и я татарского. На обратном пути я размышлял о том, что надо бы учить татарский, хоть на разговорном уровне, чтобы обращаться с больными.

На следующий день история повторилась, правда мы пошли на другое стойбище. Сопровождал меня прежний татарин. По пути туда и обратно я показывал на предметы – татарин лопотал по-своему, он старательно пытался повторить.

Каждый день я проходил по много километров в сопровождении татарина, учась потихоньку языку. Иногда татарин был зол и ехал молча. Работал я за еду и, хоть похудел, выглядел все же лучше русского раба на дворе у мурзы. Когда я узнал, сколько ему лет, я был поражен. Он был моложе меня, было ему тридцать лет. Но выглядел он почти стариком.

Наступила осень, стало прохладно. Я начал замерзать по ночам под навесом с лошадьми. Обращаться к мурзе было бесполезно. Я видел, как обращаются с рабами. Понемногу меня стали узнавать на стойбищах, и хотя я не умирал от голода, есть хотелось постоянно, а теперь стал одолевать холод. Как-то на одном стойбище мне за работу из жалости кинули старый стеганный зимний халат. Был он дыряв, цвета неопределенного, из многочисленных дыр торчала вата, но я и ему был рад. С тревожным ощущением ожидал я грядущей зимы, у меня не было теплой обуви и шапки, тело укрывал ветхий халат. Я не мог согреться даже у печки – ее у меня не было, а в дом меня не пускали. Постепенно строгий режим охраны смягчился. На недалекие стойбища я уже ходил сам, зная дорогу по предыдущим посещениям. Худо-бедно овладевал языком, прислушиваясь, как разговаривают татары, запоминал незнакомые слова и при случае спрашивал их значение.

Общаться с больными стало легче, но смотрели на меня как на раба – грамотного, полезного, но жизнь моя по-прежнему не стоила ничего. Во время своих пеших походов я вынашивал мысли о побеге, но понимал их бесплодность. Я не знал, где нахожусь, у меня не было продуктов, и я был слаб от постоянного недоедания, не было оружия для защиты или охоты для пропитания. Побег мой пока не был готов, но мысли о нем я не оставлял. Ночами я с тоской вспоминал счастливые дни с Настенькой, полную самоотдачи работу в госпитале, открывавшиеся перспективы работы в Москве. Все это уже в прошлом, как в туманном сне. Вернулись ли я снова в свои ставшие для меня дорогими места или сгину в неизвестности по прихоти неграмотного татарского пастуха или мурзы. Тяжело было на душе, а более всего мучила неизвестность.

В один из дней, когда я пришел в стойбище и зашел в юрту к больному, поздоровался и протянул руки к очагу, жарко горевшему в центре юрты, снаружи послышался стук копыт. В юрту вбежал слуга мурзы:

– Урус, пошли.

Пришлось взять сумку с инструментом и подчиниться. Рядом с юртой стояли три коня, мне указали на небольшую неухоженную лошадку. Только я на нее взгромоздился, как один из татар подхватил ее под уздцы и рванул галопом. Ухватившись за луку седла, я еле усидел. Наездник я был никакой, а татары с седел всю жизнь не слезят, едят и пьют в седле, решают все вопросы в седле, даже малую нужду справляют в седле. Всю дорогу я мысленно заклинал Бога, чтобы он позволил удержаться в седле, упасть при такой скачке – верный способ сломать шею. Проскакав в таком темпе часа два, когда кони начали подхрапывать и покрываться пеной, мы прибыли к юрте, стоявшей недалеко от леса. Вокруг нее стояло десятка полтора коней в богатых сбруях и седлах. Я буквально свалился кулем с седла, с непривычки натерло внутренние поверхности бедер и деревянным седлом отбило мягкое место. Враскорячку я двинулся к юрте. С дневного света там показалось темновато. Меня вытолкнули в центр юрты, где на пополах и подушках возлежал богато одетый татарин. Одежда на груди и правой ноге была разорвана и окровавлена. Рядом с ним на коленях стоял мой хозяин. Без слов он указал на раненого. Я осторожно стянул с раненого штаны и халат, один из слуг помогал. Так, нога в бедре сломана, причем перелом открытый, в кровоточащей ране виднелись обломки костей. Рана грудной клетки была полегче – сломано несколько ребер да разорвана кожа. Я попросил несколько палок и длинные чистые тряпицы. По-русски и то не очень хорошо понимал только один татарин – богато одетый, за поясом кинжал в украшенных самоцветах ножнах. По его распоряжению слуги сорвались на лошадях в сторону леса.

– Что случилось?

– Родственник хана из Тюбьяк-Чекурчи приехал поохотиться в здешних лесах на лося, но тот прямо шайтаном оказался – изувечил бая.

Пока я обрабатывал рану, многие из присутствующих вышли из юрты. Я попросил хлебного вина. Татарин, что был переводчиком-толмачом, неодобрительно покачал головой. Мое пояснение – что покалеченному это надо для лечения, оказало эффект, через несколько минут мне принесли кувшин. Я омыл руки, плеснул на рану, больной застонал. Ну что же, теперь надо репозировать обломки. Объяснив толмачу, что мне требовалось, я встал у ноги. Татарин стал по моему знаку тянуть сломанную ногу, слуги прижали тело. Кости удалось сопоставить, и я тут же примотал тряпицами палки к сломанной ноге. Еще раз сполоснул рану и руки хлебным вином. Наложил несколько швов и туго забинтовал.

– Ему необходим покой, к дому надо перевезти на арбе. Мне надо наблюдать, лечить его.

Я намеренно говорил только по-русски, какой-то интуицией поняв, что свое, пусть и неважное, знание татарского надо скрыть. Стоявший почти все время за моей спиной и внимательно наблюдавший старик с седой бородой и в зеленой чалме о чем-то стал переговариваться с толмачом. Я понимал только отдельные слова.

– Якши. – Толмач поклонился.

Видно, старик был уважаем.

Через какое-то время послышался скрип колес, к юрте подогнули повозку, запряженную парой лошадей. В повозке на толстом слое сена лежал пуховый матрас, на который бережно переложили раненого. Мне снова подвели лошадку, и я со вздохом взгромоздился на нее. Татары, глядя на меня, показывали пальцами и громко смеялись. Мы тронулись, я за повозкой, остальные, чтобы не поднимать пыль, чуть приотстали. Ехали долго, почти до вечера. Вот и селение – Тюбек-Чекурги. Недалеко от селения протекала неширокая река. Меня вместе с раненым поместили в юрту. Вокруг забегали женщины. Как всегда, создалась суeta, крики. На меня никто не обращал внимания. Осмелев, я знаками попросил покушать, все-таки я не ел весь день и провел его в седле. Я рассудил, что если им нужен я, то почему это должен быть голодный лекарь? Мне принесли вареной баранины и плошку риса, поставили небольшой кувшин с кумысом.

После быстрого ужина я снова осмотрел пациента. Состояние повязок было удовлетворительным, но дышал раненый хрипло, находясь в полубессознательном состоянии. Я нашел рядом с юртой толмача, как мог объяснил ему, что в юрте должна быть горячая вода, хлебное вино, запас чистых тряпок для перевязки, лубки – он понял не сразу, но после моего объяснения закивал – и опиум – снова пришлось объяснять. На этот раз почти все, за исключением опиума, нашлось быстро. Никакого удивления мои требования не вызвали. Ко мне в юрту с раненым привели татарчонка – он жил какое-то время среди русских, хорошо знает язык, будет помогать и переводить.

Ночь прошла беспокойно, раненый метался в бреду, я не сомкнул глаз, смачивал губы влажной тряпочкой, прикладывал ко лбу холодный компресс. Если пациент умрет, мне не сносить головы, поэтому придется приложить все умение.

Поздним вечером следующего дня из Казани примчался еле живой от усталости и пропыленный гонец с опиумом. Немедля я развел его хлебным вином и несколько капель влил в рот раненому. Всю ночь тот проспал спокойно.

Каждый день проходил в хлопотах, и состояние пациента медленно, но неуклонно улучшалось. Постепенно зажили раны на грудной клетке, дышал он уже свободно. С ногой дела шли не так быстро, но в постели татарин уже сидел, обложенный подушками, ел и пил сам, а не с ложечки.

Я находился в юрте вместе с ним, здесь же ел и спал, однако по мере улучшения состояния раненого ожидал, что меня или выгонят во двор, или отправят обратно к моему хозяину.

С каждым днем раненый требовал внимания меньше и меньше, в один прекрасный момент потребовал к себе женщину. Я вышел из юрты, чтобы занять себя и облегчить восстановление татарина: подобрал палки и решил сделать костыли. Указал на ножик на поясе у охранника и на палки – татарин нехотя протянул нож.

Я обстругал палки и попытался соорудить нечто вроде костыля. На мой взгляд, получилось неплохо – пусть и не такой красивый и легкий, как заводской, но пусть попробуют найти лучше. Вернув нож охраннику, попросил привести толмача. Через несколько минут татарчонок стоял передо мной.

– Есть ли у вас в селении мастер по коже?

– Да! Я провожу тебя.

Я взял костыли под мышку, и мы отправились к кожевеннику. Объяснил, что хочу обить мягкой кожей перекладины. Через полчаса-час получил готовое изделие. Я попробовал сам – неплохо.

Придя в сопровождении татарчонок к юрте, поклонившись, вошел.

Попросив подростка помочь, заставил раненого подняться, подсунул ему под руки оба костыля. Для страховки мы с татарчонок встали по обе стороны, чтобы в случае падения успеть поймать. Первые несколько шагов получились неудачные. Конечно, костылей здесь не было никогда, и он даже не видел, как ими пользоваться. Отбрав костыли, я сунул их под мышку и показал, как это делается. Бай внимательно следил, взяв костыли, попробовал сам, теперь получилось лучше. Бай тут же поспешил из юрты на свежий воздух, его можно было понять. Он, привыкший жить в движении, на коне, среди природы, три недели отлеживал бока. Но, видно, не рассчитал силы, голова закружилась, и бай пошатнулся. Мы были начеку и подхватили за руки.

– Сразу нельзя много ходить, надо постепенно, день за днем проходить больше и больше.

Татарчонок бойко переводил.

Бай улегся в постель, лицо его покраснелось, но видно, что он получил удовольствие от прогулки. Теперь каждый день мы гуляли вокруг юрты, постепенно удаляясь дальше и дальше. За нами, держась на почтительной дистанции, все время следовали два вооруженных охранника. Я думал, что они были не для того, чтобы стеречь меня, по статусу баю не положено было ходить одному. Где вы видели хотя бы губернатора, ходящего без свиты?

В один из дней, осмелившись, я спросил у бая:

– Когда меня отвезут к мурзе?

Он рассмеялся:

– Мой отец уже купил тебя у прежнего хозяина, теперь ты мой. Такого искусного лекаря надо держать при знатном роде, а не при худом, где ты был. У меня в прислуге есть искусные кузнецы, гончары, кожевенники, златокузнец, а вот лекаря не было, а теперь он есть. Не каждый улус или род может позволить купить себе лекаря.

Так у меня появился новый хозяин, в принципе жалеть было не о чем, никакого имущества у меня не было, а сумка с инструментами всегда была при мне.

Мы отошли от селения, бай устало махнул рукой, и один из сопровождающих нас татар, подбежав, подставил скамеечку. Бай с видимым облегчением уселся. Обычно татары по мусульманскому обычаю садились на подушки, но с раненой ногой это не получалось. С каждым днем бай чувствовал себя лучше и размышлял, не пора ли снимать лубки.

Вечером сняв лубки, я осмотрел ногу, постарался прощупать кость. На мой взгляд, можно было потихоньку нагружать ногу, мышцы и так начали атрофироваться, одна нога по объему бедра была тоньше другой.

На следующий день с утра, уже без лубков, бай начал прохаживаться по юрте, наступая на травмированную ногу, но на костылях, снимая часть нагрузки с ноги. И такие упражнения

мы проделывали несколько раз на дню. Отношение ко мне было как к полезной вещи – вокруг ходили татары и их домочадцы, но меня никто не замечал, я как будто был в шапке-невидимке.

Даже пообщаться было не с кем. Русских рабов в этом улусе не было. Наконец настал день, когда бай отбросил костыли и, прихрамывая, пошел сам. Я успокоил бая, заверив, что через одну луну – через месяц по-русски – он будет ходить нормально. Когда я снимал лубки, измерил длину обеих ног, она была одинакова. Бывает после травмы, когда кости срастаются неправильно, одна нога становится короче, и человек хромает.

Так, в частности, случилось с Тамерланом – его еще называли Железным старцем или хромым Тимуром.

По случаю выздоровления бай устроил той – праздник по-русски. В селении резали баранов, пекли в круглых печах лепешки, в котлах в масле шипели мучные шарики, которые сверху посыпались тертым козым сыром, к юртам несли большие кувшины с кумысом.

Перед юртой бая расстелили ковры, на которых, скрестив ноги, восседали мужчины. Перед каждым стояло угощение – жареная и вареная баранина, овечий и козий сыры, творог горками, лепешки, рыба соленая, вареная и жареная, были кушанья, названий которых я не знал. Женщины только прислуживали – подносили миски с едой, кувшины с кумысом, убирали кости. Я сидел невдалеке от юрты, глотал слюни. Кто пригласит раба за стол?

Несколько дней я ничего не делал, отсиживался в юрте, на улице уж было холодно, с неба срывался снежок. За лечение бай бросил мне свой кожаный, но еще не дырявый зимний халат на толстом войлоке.

Однажды, ближе к вечеру, на арбе с погонщиком подъехал старый татарин, что стоял у меня за спиной во время осмотра бая после ранения. О чем-то долго разговаривали с баем, временами срываясь на повышенные тона. Я улавливал, что речь шла обо мне, но о чем конкретно, понять было невозможно. Наконец разговор стих, старик выглянул из юрты и поманил меня пальцем. В юрте горел небольшой очаг и было тепло, блики от костра давали скудный свет. На плохом русском старый татарин объяснил, что забирает меня с собой, в Казань, он теперь будет моим новым хозяином. Выбирать не приходилось, меня просто ставили в известность. В путь мы тронулись утром, лишь перекусив вчерашними лепешками с молоком. На арбе трясло немилосердно, старик молчал, видимо, к тряске привык. Ноги в разбитых сапогах мерзли, и я периодически соскакивал с арбы и бежал рядом, чтобы согреться. Остановились на ночлег в каком-то ауле из одного глинобитного домика и десятка юрт вокруг. Старик бросил несколько медных монет пастуху, нас покормили бараньей похлебкой и указали на коврики в юрте. Таким образом мы добирались до Казани пять дней.

На всем пути к нам подсказывали татарские вооруженные разъезды, спрашивали, кто такие и по какой надобности. Вот и попробуй сбеги – далеко ли уйти сможешь? До первого разъезда, где тебя или убьют, или снова аркан на шею.

К вечеру пятого дня показались крепостные стены Казани, высокие башни минаретов. Мы беспрепятственно въехали в ворота, стражники подобострастно кивнули старику в чалме. На меня никто не обратил внимания. Ну, едет хозяин с рабом, что здесь такого.

Мы подъехали к солидному каменному дому за высоким забором. Ворота открылись, и мы въехали. Дворик был невелик, но уютен – с бассейном, который сейчас по зиме был пуст и лишь припорошен снежком, с навесом для чайных церемоний. Меня завели в комнату, указали на коврик. В комнате было тепло, я устал и заснул мгновенно. Мне показалось, что не успел я уснуть, как над головой раздались крики муэдзина. Тело ломило, голова была тяжелой. Зашедший слуга поманил меня за собой. В комнате, в которую меня ввели, сидел вчерашний старик и средних лет дородный татарин, оба в шитых золотом халатах и зеленых чалмах. Я поклонился и застыл у двери.

– Проходи, садись, – на хорошем русском языке сказал гость. Старик лишь покачал головой в приветствии. Я уселся, подогнув ноги.

Гость представился:

– Меня звать Вагиф, я лекарь визиря. Мне рассказывал о тебе достопочтенный Юсуф. Он видел, как ты оказывал помощь раненому баю из Тюбек-Чекурги. Его удивили твои умения. У нас в Казанском ханстве так не лечат.

В этом месте я чуть не сказал: «Да так на Руси и в Европе не лечат», но вовремя удержался.

– Поскольку ты теперь в рабстве у достопочтенного Юсуфа, – татарин отвесил поклон в сторону старика, – я хотел бы, чтобы ты показал мне свое умение. Хочешь – я буду платить твоему хозяину, – старик негодуяще замахал руками, – и ты будешь жить у него, хочешь – я перекуплю тебя и ты будешь жить со мной. Согласен ли ты поделиться своими сокровенными знаниями? Как образованные люди, мы понимаем, что заставить человека делиться знаниями из-под палки невозможно, так можно только собирать дрова или месить глину. Такие знания, как у тебя, – это драгоценный камень, который необходимо беречь. Мы обязуемся в случае твоего согласия вволю тебя кормить и поить, одеть и обуть подобающим образом, а не в эти лохмотья, дадим тебе слуг и женщину для услады тела. Ты будешь свободно ходить по городу, и тебе на ухо не нацепят серьгу раба. Будет лишь один запрет – ты не можешь выходить за ворота города. Согласен ли ты?

Что мне оставалось? Голод не тетка, да и зима на дворе. Долго протянуть на тяжелой физической работе и скудной пище не удавалось никому.

– Я согласен, но при одном условии: не пытаться оспорить мои познания, не нравится – не слушайте и не используйте.

Юсуф кивнул:

– Да, подходит. А теперь слуга проводит тебя на обед. Как звать тебя и откуда ты будешь?

– Звать меня Юрий, я из Рязани.

Я начал рассказывать про пленение, но старик его перебил:

– Нам это не интересно. Об остальном поговорим позже.

После завтрака я пошел вслед за повозкой Юсуфа. Идти пришлось недалеко, и я с интересом поглядывал по сторонам – дома в отличие от русских городов были почти все каменные, стоявшие за высокими глухими заборами. Улочки узкие, рядом в канаве текли нечистоты, распространявшие зловонный запах. Похоже, и в Казани были незнакомы с канализацией или выгребными ямами.

Дом Юсуфа был похож на дом моего нынешнего хозяина – старика, почти такой же двор, только размером побольше, во дворе замерзший бассейн, только вот окна в доме были узорчатые, с цветными стеклами. Смотрелось красиво. Вылезший из возка Вагиф провел меня в дом, показал мою комнату на первом этаже, недалеко от кухни, судя по запахам. Хлопнул в ладоши – к нам подбежал слуга. Вагиф что-то быстро проговорил по-татарски. В комнате мы уселись на коврики.

– Плохо, что ты не говоришь по-татарски. Теперь к тебе каждый день будет приходиться учитель – мой слуга, и ты будешь изучать язык правоверных, это большая честь для тебя.

Я склонился в поклоне.

– Что тебе необходимо, чтобы ты плодотворно передавал мне свои знания?

– Бумага, господин Вагиф, писала и много хлебного вина.

Юсуф поморщился:

– Коран запрещает употреблять правоверному вино.

– Вино нужно для врачевания, а не для питья, – пояснил я.

– Хоп, якши. Сегодня пока отдыхай, тебе принесут одежду. – И вышел.

Вскоре ко мне пришел слуга, в руках он держал кучу разноцветных тряпок. Это оказались халаты: зимний, для улицы, и легкий, для дома, шаровары, пояс, тюбетейка и лисья шапка, а

также сапоги и тапочки без задников с загнутыми носками для дома. Я переоделся, почти все было впору.

Одну часть обещания Вагиф сдержал – переодевшись, я выглядел как татарин средней руки, но выдавало русское лицо – широкие серые глаза и русая шевелюра, борода, правда, у меня была черная.

Впорхнула девушка лет пятнадцати – то ли служанка, то ли дочь Вагифа – и принесла на подносе лепешки и кувшин кумыса.

После обеда или полдника, я и сам не понял, вошел пожилой слуга – Мустафа, как он представился. Мы стали изучать татарский язык – я называл вещь или действие по-русски, затем медленно по-татарски, добиваясь от меня правильного, чистого произношения. Большими способностями лингвиста я не обладал, но не зря говорится – терпение и труд все перетрут.

До самого вечера мы изучали язык, и Мустафа отстал от меня, когда я взмолился – голова уже не соображает, дай передохнуть.

Вечером меня покормили вареной бараниной с лепешками и отваром сухофруктов. После сна и легкого завтрака ко мне пришел Вагиф.

– Для начала мы будем заниматься по утрам врачеванием, после обеда я иду во дворец к визирю, ты учишь татарский язык, – сразу все расставил он по своим местам.

Начали мы с азов – сначала я попытался узнать от Вагифа, насколько он знает анатомию, имеет ли понятие об асептике и антисептике (для тех, кто не знает – о стерильности), какие болезни знает и чем лечит. Разговор пока строился в виде интервью, причем больше говорил Вагиф, а я внимательно слушал. Кое-какие вещи были разумные, что-то просто наивное и смешное, но травы Вагиф знал хорошо. Полдня за разговором пролетело незаметно. После обеда – изучение татарского языка. Вечером ужин и сон.

От обильного словоблудия в течение всего дня уставал даже язык. Выяснив уровень подготовки Вагифа и поразившись дремучести его знаний по некоторым вопросам, утренний урок я начал с азов – где расположено сердце, почки и где проходят сосуды, для чего нужны легкие и много чего другого. Здесь и пригодилась бумага – я показывал на пальцах, рисовал на бумаге, затем Вагиф хлопнул в ладоши – вошел слуга. Вагиф приказал ему раздеться донага, и я показывал – где лучше прощупывать пульс, определять отеки, как осматривать язык. Так теперь у нас было каждый день, за исключением пятницы – у мусульман это был день отдыха.

За месяц учебы я вкратце пояснил Вагифу анатомию и физиологию человека, правила первичного осмотра и азы стерильности. Теперь Вагиф понял, для чего нужно хлебное вино и как и чем обрабатывать руки. Его уважение ко мне росло, он не раз восклицал:

– Твои познания велики, Юрий! Я хотел бы как губка впитывать драгоценные крупицы знаний, которыми ты обладаешь. Велик Аллах, когда свел меня с тобой. Я обучался в Турции и Персии, я даже ездил в Самарканд, но, поверь, никто и нигде так понятно не объяснял, как ты. Ты очень хороший врачеватель. До встречи с тобой я думал, что в Казани я лучший, но Аллах вразумил меня: воистину гордыня – грех.

Надо отдать ему должное – был он умен и сообразителен, много усваивал сразу, но были моменты, которые приходилось объяснять по много раз, показывая на примерах. Сказывалась отсталость и общая низкая культура, хотя Вагиф владел на приличном уровне четырьмя языками, быстро писал и читал. Как-то по ходу занятий мы коснулись арифметического счета – арабскими и римскими цифрами, Вагиф считал долго, я показал ему на бумаге, как умножать и делить столбиком. Теперь мы занимались и математикой. Мне интересно было смотреть, как быстро рос и впитывал знания этот мужчина. Ум его был как вспаханное и незасеянное поле. Через два месяца занятий я уже сносно мог говорить по-татарски, но писать не умел, алфавит был арабский. Мой ученик также преуспел во многом. Постепенно он начал советоваться со мной по своим больным – он подробно описывал симптомы, я пытался направить его в

нужное русло. Дни летели за днями, постепенно теплело, и пришла весна. Воздух был напоен ароматами цветущих трав и деревьев, прилетели перелетные птицы, хотелось, ох как хотелось домой, обнять Настю, не слышать заунывных криков муэдзинов, поесть сала с прожилками мяса, выпить водочки, сходить в парную. Только человек, лишившийся всего окружающего его привычного быта, начинает ценить даже мелочи.

Вагиф как лекарь рос, круг его пациентов расширялся, росли и доходы. Но до сих пор я практически не выходил из дома, занятия проходили дома, и с пациентами я не встречался. Руки уже чесались, так хотелось поработать, учить и лечить все-таки вещи разные. Вещей в моей комнате прибавлялось – Вагиф изредка дарил подарки – то туфли из мягкой кожи без задников, то кафтан. Однажды принес нечто вроде шахмат – клетчатая доска и фигурки из слоновьих бивней. Правила почти не отличались от шахматных. В институтском общежитии студенты частенько поигрывали в шахматы, коротая время, и играл я неплохо. Из нескольких партий я выиграл все. Вагиф обидчиво надул губы:

– Я думал научить играть в индийскую игру, а ты, оказывается, сам можешь научить кого угодно. Этой игрой увлекаются при дворе самого хана, он очень сильный игрок. А ты можешь сыграть с советником визиря? Лучше его никто не играет, можно даже сделать ставки.

Я пожал плечами – попробовать можно, все ж развлечение, а вот выиграть – не знаю, насколько силен в шахматах советник. Глаза Вагифа возбужденно заблестели. Видно, он строил в отношении меня какие-то свои планы.

Через несколько дней вечером Вагиф предупредил – завтра идем во дворец к советнику, одеться в лучшие одежды. Можно подумать, у меня был выбор одежды.

С утра мы на повозке Вагифа отправились во дворец. Высокие стены и башни, везде мозаика и ажурные плетения окон. Стены и полы во множестве украшены коврами. Впечатление производило даже на меня, что говорить про местных. Вагиф завел меня в комнату, за низким столиком, на подушке, скрестив ноги, сидел советник. Был он стар и седа его борода, но не по-старчески живые глаза светились умом и достоинством. Мы низко поклонились. Мы разговаривали на татарском, я – еще не так быстро, как хотел, но уже довольно чисто, не приходилось мучительно подбирать слова. После по-восточному витиеватых приветствий Вагиф сказал:

– Вот мой раб, он хорошо играет в шахматы, ты хотел сыграть с сильным противником – вот он.

Мы сели играть. Играл старик неплохо. Но не чувствовалось школы. После трех проигранных вчистую партий советник слегка огорчился:

– А еще во что играть можешь?

– Есть ли нарды?

Вагиф и советник не поняли, тогда я объяснил. Да, закивали они, есть, только называются не так. Советник дернул за шнурок, висевший рядом со шторой, в дверях возник слуга, вернувшись, он принес нарды. Я переспросил правила игры, они были похожи с нашими. Игра пошла с попеременным успехом, две партии я выиграл, три проиграл. Советник, вероятно, утомился, встал, поблагодарил за игру и сказал Вагифу.

– У твоего раба быстрый ум и хорошая память

Мы откланялись, Вагиф вывел меня за пределы дворца, и я один пешком пошел к дому Вагифа. История имела продолжение – через неделю нас снова пригласили во дворец визиря, на этот раз к самому визирю. Вагиф по дороге наставлял – спиной к визирю не поворачивайся, не перечь; когда будешь кланяться при входе, не поднимайся, пока не позволят.

Въехав во дворец, мы длинными запутанными коридорами прошли к визирю. По дороге нам несколько раз преграждали дорогу здоровенные стражники при оружии, но, опознав и переговорив с Вагифом, пропускали дальше.

Вошли в комнату, и не успел я ничего разглядеть, как Вагиф бухнулся на колени и дернул меня за полу халата. Я тоже упал на колени и руками оперся о пол. В такой позе прошло несколько минут.

– Встаньте!

Сидя на низенькой скамеечке перед низким столиком, на нас глядел высокий статный усатый татарин с горделивой осанкой и властным выражением лица.

– Подойдите ближе.

Мы исполнили. Вокруг визиря стояли приближенные, среди которых я узнал советника.

– Кто из вас играет в индийскую игру?

Я поклонился.

– Садись.

Сел. Перед нами поставили доску и расставили фигуры. Наверное, в мое время это было бы целым достоянием. Король отлит из золота, ферзь из серебра. Каждая фигура вырезана из самоцветов разного цвета – зеленых, синих, розовых. Тщательно сделана каждая деталь, даже копыя у пешек. Я невольно залюбовался, слегка поглаживая фигуры.

Визирь с удовлетворением и самодовольством взирал на меня, видно, моя реакция пришлась ему по вкусу.

Начали играть. Играл визирь хорошо, чувствовалась богатая практика, мы были на равных. Было сыграно несколько партий. Игра закончилась приблизительно с равным счетом. Наконец визирь встал, и тут же вскочили все окружающие.

– Я доволен твоей игрой, урус. Давно я не сражался с равным противником. Мне пора заняться государственными делами, но по моему велению ты будешь приходить ко мне на игру.

Я поклонился, памятуя наставления Вагифа. На стол между шахматными фигурами что-то упало. Я поднял голову – визирь сняв с пальца перстень, бросил его на шахматную доску.

– По этому перстню тебя будут беспрепятственно пропускать ко мне.

Бормоча слова благодарности, я склонился в поклоне.

С этого дня несколько раз в неделю, когда присылали гонца, я ходил во дворец играть в шахматы. С практикой восстанавливал старые навыки, вспоминались какие-то отрывки из партий Алехина, Капабланки, Карпова, Каспарова.

Окружавшие визиря приближенные наперебой приглашали к себе домой поучить их игре, причем за солидное вознаграждение. Несколько таких предложений я принял, и у меня в кармане впервые с момента пленения зазвенели монеты – серебряные дирхемы, ногаты и несколько золотых. Знатные вельможи не гнушались позвать в свой дом пленного уруса, но мало кто знал, что основное мое умение во врачевании.

Глава 11

Путь домой

Однажды ночью, во внеурочное время, в ворота сильно постучали и зычно крикнули:
– Вагиф, по велению визиря тебя срочно вызывают во дворец!

На улице гарцевали на лошадях несколько татар. Вагиф быстро собрался, сел в свою повозку и отбыл.

«Видно, что-то случилось», – подумал я.

Немного поворочавшись в своей постели, стал придремывать, когда стук в ворота повторился.

– Именем визиря – откройте ворота!

Испуганные слуги бросились открывать. Во двор влетел всадник:

– Кто здесь лекарь Юрий?

Я поднялся с постели, накинул халат и вышел.

– Быстро собирайся и немедля во дворец визиря!

Я понял, что случилось серьезное, быстро оделся и, захватив сумку с инструментами, вышел. Гонец сильной рукой схватил меня за шиворот и помог подняться на лошадь, посадив за собой. Мы поскакали во дворец. Меня провели в большую богато убранную комнату, где я увидел Вагифа, визиря и его советника.

На широкой кровати под балдахином лежал подросток. Даже едва войдя, можно было предположить, что болен он серьезно: на лбу крупные капли пота, на лице страдальческое выражение, лежит на боку, прижимая руки к животу.

Я упал на колени и низко склонился, приветствуя визиря. В нарушение дворцового этикета визирь быстрым шагом подошел ко мне и поднял за руку.

– Я узнал, что ты не только умеешь играть в шахматы, но и умелый лекарь. Мой единственный сын и наследник, мой дорогой Мустафа тяжело заболел. Спаси его, и я выполню твое любое желание, иначе... – Он сделал красноречивый жест поперек горла.

Я подошел к Вагифу, тот был бледен, растерян. Поклонившись визирю, я сказал, что сделаю все, что смогу, а сейчас прошу покинуть комнату. Все, кроме Вагифа, вышли. После беглого осмотра и расспроса Мустафы стало ясно – у пациента острый аппендицит. Я сказал Вагифу – только срочная операция может спасти мальчика. Тот в страхе отшатнулся:

– Никто и никогда в Казанском ханстве этого не делал. Если парень умрет, нам обоим отрубят головы!

– Если операцию не делать, он все равно умрет, и мы умрем тоже, а так у нас есть шанс. Спасая его, мы спасаем себя!

После краткого, но мучительного раздумья Вагиф кивнул.

– Будешь мне помогать!

Придворный лекарь в страхе попятился, уперся спиной в стену, глаза его выражали страх.

– Ты только делай, что я скажу!

Он замотал головой.

– Распорядись, чтобы принесли стол и лучше осветили комнату, а также несколько зеркал и веревки.

Все требуемое принесли быстро. Зеркала на веревках я подвесил над столом, рядом поставил подсвечники с горящими свечами. Парня переложили на стол, напоили настойкой с опиумом, пока лекарство не начало действовать, приготовили инструменты и вымыли руки. Обработав хлебным вином живот, приступили. Разрезав кожу, начал шить кровоточащие сосуды, дальше рассек клетчатку и мышцы, снова начал перевязывать шелком сосуды. Парень стонал,

напрягал живот. Долго он не выдержит; если будет кровопотеря или болевой шок, от которого он может умереть, мы надолго его не переживем.

Свет тускловатый, свечи мерцали, но моя придумка с зеркалами хоть как-то помогала осветить операционное поле. Наконец я добрался до аппендикса. Отросток был воспален, выглядел, как мешочек с гноем, слава богу, до перфорации дело не дошло. Осторожно наложил круговые швы и пересек аппендикс, вытащил его из живота и отбросил. Вагиф, широко раскрыв глаза, всюду смотрел на ход операции, стараясь ничего не упустить. Его участие ограничивалось в подаче инструментов по моей команде.

Проревизировав брюшную полость, я послойно ушил рану. Еще раз протерли живот хлебным вином и наложили повязку. Отмыв от крови свои руки, осторожно перенесли парня в кровать. С его губ иногда срывался стон, но в целом парень держался молодцом. По моим прикидкам, на операцию ушло чуть больше получаса. Да больше парню и выдержать было бы тяжело. Теперь бы его выводить, сделано только половина дела. Это была моя первая аппендэктомия в новой ипостаси, даже в Рязани, в лучших условиях, мне не приходилось ее выполнять. Мы устало усадились по обе стороны кровати, помолчали.

– Юрий, ты великий лекарь. Я нигде даже не слышал, чтобы выполняли такое!

Я усмехнулся. Как приперло, так и имя вспомнил. Ночью мы вдвоем не сомкнули глаз, я посматривал – не кровит ли повязка. Вагиф промакивал пот со лба Мустафы. Намучившись, парень забылся беспокойным сном. С первыми криками муэдзина в комнату быстрым шагом вошел визирь. Свита, как я успел заметить, осталась за дверью. Кинув взгляд на спящего сына, визирь спросил:

– Будет жить? Ему лучше? Я вижу, он спит.

– Да, мы убрали гной из его живота, теперь его жизнь в руках Аллаха, – ответил я и показал на удаленный аппендикс.

– Если что-то надо, только скажите страже у дверей, а сейчас поешьте, вам нужны силы. По хлопку ладоней в комнату вошли слуги, внося подносы с едой.

– Мальчику пока ничего не давать, даже пить, только когда я разрешу!

Визирь кивнул:

– Слуги будут делать только то, что скажешь.

Мы поели, и подносы унесли. Мы с Вагифом договорились меняться через некоторое время, он был уже достаточно опытен, чтобы почувствовать внезапное ухудшение. Что проку было сидеть вдвоем, если нам придется сидеть у кровати Мустафы не одни сутки. Без отдыха наших сил более чем на два-три дня не хватит. Не мудрствуя лукаво, я улегся на пол на ковер и тут же заснул – сказались усталость и нервное напряжение. Поспать удалось часа четыре – разбудил Вагиф, я испуганно вскинулся – думал, с оперированным чего стряслось. Подошел к Мустафе – дыхание было ровным, лоб на ощупь обычной температуры, шов не кровил, парень спокойно спал – сказывалось влияние опиума. У Вагифа слипались глаза, и стоило мне указать ему на ковер, как он тут же упал и уснул. Так, по очереди меняя друг друга, мы провели трое суток. Парень явно выкарабкивался – меньше стал спать, просил кушать, потихоньку его стали поднимать на высокие подушки в полусидячее положение. На четвертый день на лице появилась улыбка, и мы осторожно посадили его в постели. Мустафа попросил книгу, и по нашей просьбе ему принесли какую-то книгу на арабском. Вообще, парень был спокойным, хлопот капризами не доставлял. Несколько раз на дню заходил сам визирь – вечером сидел дольше, утром несколько минут. Видно было, что улучшающееся состояние сына успокаивало отцовскую душу, на его властном лице, когда он разговаривал с сыном, мелькала улыбка.

Через пару дней я осмотрел рану и, признав состояние удовлетворительным, снял швы.

Еще медленно, сказывалась слабость, парень начал ходить по комнате. Я решил продолжить наблюдение еще на два-три дня. Дела быстро шли на поправку, и к пятнице, дню отдыха мусульман, мы с удовлетворением доложили визирю, который успел проведать сына, что маль-

чик здоров, в нашем наблюдении не нуждается. Визирь слегка склонил голову и спросил Вагифа:

– Что желаешь за труды?

Вагиф, ничтоже сумняшеся, попросил дом. Визирь благосклонно кивнул и повернул голову ко мне:

– А ты, урус?

– Свободы!

– А разве ты не свободен? Я не вижу на твоём ухе серьги, ты свободно ходишь по Казани, с тобой рады сыграть в индийскую игру самые видные вельможи, одет ты почти как Вагиф. Что же тебе надо?

– Достойный визирь, даже если птичка сидит в золотой клетке и ест отборное зерно, это не заменит свободу. Я спас жизнь твоему сыну, и у меня тоже есть семья в Рязани, кто позаботится о моем сыне?

Упоминание о сыне подействовало. Видно было, что отпускать ему меня решительно не хотелось, но не сдержать данного слова – уронить честь.

– Хорошо, урус! Вот тебе золотой дирхем, мой перстень послужит тебе пропуском, я тебе дам тамгу, чтобы стража не задержала, отправляйся к себе домой.

Я низко поклонился и как мог поблагодарил визиря, тот усмехнулся и вышел. Ко мне подскочил Вагиф и стал уговаривать остаться:

– Ты же видишь, как к тебе относится визирь, я тебе отдам старый дом, мы вместе будем врачевать.

Я отказался и, попрощавшись с Вагифом, пошел к пристани. Сумка с инструментами была при мне, в кармане звенела ранее заработанная мелочь, а больше никакого имущества у меня не было, ни с кем здесь я близко не сошелся – чужой город, другое вероисповедание, – и прощаться мне было не с кем.

У причалов стояло несколько судов, в двух из них я опознал русские ладьи. Подошел поближе, на палубе бегали русские люди, перетаскивая в трюм бочки и тюки.

– Кто владелец или кормчий?

С кормы спустился мужчина с покрасневшим, продубленным солнцем и водою лицом.

– Почто кричишь, басурманин?

– Да русский я, русский. На судне домой хочу попасть.

– А одежда почто татарская?

– В плену я был, вот одежда ихняя, ты не волнуйся, деньги за провоз у меня есть.

– Да нет, паря, мы вниз по Итилю идем, к Астрахани. Не по пути тебе, вон вишь, ушкуй стоит, вот он вверх идет, к Москве-городу, у них спросись.

Я подошел к ушкую, навстречу по сходям быстро сбежал купеческого вида щуплый чернявый мужичок.

– Чья ладья, мил-человек?

– Моя, чего надобно?

– Да вот не возьмешь ли на Русь, вон с той ладьи сказывали, до Москвы идете.

– Завтра отплываем, а сколько вас да велик ли груз?

– Один я, все вещи со мной.

– Татарин, что ли?

– Русский, одежда только татарская.

– Ежели с харчами, то возьму монету серебром.

Купец помял в кулаке бородку.

– А не беглый? Мимо татарских застав проплывать будем, живо скрутят.

– Нет, у меня и тамга есть.

– Ну коли так, приходи поутру, к отплытию.

– Дозволь на судне переночевать, год в плену был, русского языка не слышал.

– Что ж, деньги вперед, и проходи.

Я достал из кармана – кошельком не обзавелся, хранить было нечего – дирхем и отдал купцу. Тот попробовал его на зуб и кивнул:

– Пойдем, покажу твое место.

Я подхватил сумку и пошел на судно. Ушкуй был невелик, метров пятнадцать в длину, пузат, под верхней палубой был трюм. Люки были открыты, трюм проветривался, груза было немного, расторговались, видно, удачно.

Сумку с инструментами я положил от воды подальше, в трюм, мне же дали место на палубе, под куском парусины. Мне показалось, что даже воздух на палубе пах как-то по-особенному, родиной, что ли? Я улегся на палубу и задремал. Так спокойно на душе давненько не было. Если все пойдет хорошо, через две недели обниму Настеньку, отосплюсь на мягкой перине, в баньку схожу, сальца поем. Соскучился я по салу с черным хлебом.

Солнце пригревало не по-весеннему тепло, и я заснул. Вечером меня растолкал купец:

– Эй, хороший человек, ужин готов, кушать будешь ли?

Я с готовностью поднялся, представился:

– Юрий, лекарь из Рязани.

– Петр, торговый человек из Пскова.

Мы подошли к мачте, у сложенного паруса сидела вокруг котла с варевом команда из двенадцати человек. Все ожидали хозяина, каждый держал в руке свою ложку. Вот незадача, ложки-то у меня не было. Плов татары ели руками, кумыс или похлебку пили из пиал, выручил купец, дав новую деревянную ложку.

– Я тут запас их держу, не все попутчики с ложками бывают, а для странствующего это первое дело!

С этими словами, перекрестившись, запустил свою ложку в котел, за ним по очереди остальные. Это был кулеш с мясом и салом, с ржаным хлебом. Наелся я от души. Запили ужин сытом, а не надоевшим кумысом. Сытый, довольный, я улегся спать. Утром проснулся от беготни команды и скрипа уключин. Под веслами ушкуй отходил от пристани, тихо журчала за бортом вода, все дальше и дальше удалялись мы от Казани. Мимо нас тянулись берега, покрытые свежей зеленой травой. По лугам паслись стада овец и коней. Прощай, Татария. Команда поставила парус, и попутный ветер увеличил ход. Весла уложили вдоль бортов, команда занялась своими делами, от очага, выложенного на листе железа, потянуло дымком и запахом варева. На небе не было ни тучки, я наслаждался покоем и бездельем. По большому счету это была большая удача, не многим удавалось вернуться из плена домой. Я стал у борта, облокотившись на поручни, и бездумно глядел на воду и проплывающие берега. Безмятежность поселилась в моей душе.

Позвали на поздний завтрак – каша и вареная рыба. После еды потянуло в сон, сопротивляться не стал. Встав отдохнувшим, я подошел к купцу, что стоял на корме, рядом с кормчим.

– Петр, не найдется ли кусок сала, заплачу отдельно.

Петр засмеялся:

– Все русские из Казанского али Крымского ханства об одном просят. Есть немного, но для тебя не жалко.

Я с такой жадностью вцепился зубами в кусок, что уже не мог оторваться, пока не доел.

– Ну, спасибо, Петр, уважил!

– А как ты в плену оказался?

Торопиться было некуда, и я рассказал о дороге из Москвы в Рязань, о разбойниках. При упоминании пузатого владельца ладьи купец и кормчий переглянулись:

– Э, так вот чем он промышляет. Были, были у нас нехорошие мысли. Давно ведь по Итилю да Оке плаваем с товаром, иногда встречаемся, только не видели никогда, как он товар

на пристани грузит. Надоть в Тайный приказ обсказать – пусть с пристрастием попрошают. Думал, людей в рабство в татарву али крымчакам – так и концы в воду.

Дальнейшее мое повествование выслушали с интересом. К концу рассказа недалеко от нас стояло полкоманды, прислушиваясь к разговору. И то – газет, радио нет, любая новость в охотку.

– Ничего, – похлопал меня по плечу купец. – Теперя домой возвращаешься, дома-то есть кто, ждут?

– Должны, коли худого ничего не случилось, сам понимаешь, год дома не был.

Поужинав, улеглись спать. На ночь ушкуй подгоняли к берегу, разводили костер и выставляли охрану. Меня пока никто к работам не привлекал. На третий день пути впереди, прямо на берегу, показался небольшой бревенчатый дом, рядом причал и лодки. Река во всю ширину была перекрыта цепью.

– Застава татарская. Сейчас шарить начнут. Эй, убрать парус.

Команда забегала, парус сначала захлопал, обвис и упал на палубу. Ход замедлился, и, почти уткнувшись носом в цепь, мы бросили якорь. Не спеша, вразвалку в лодку с берега сели трое вооруженных татар и погребли в сторону ушкуя. По веревочной лестнице взобрались на палубу, по-хозяйски прошлись по ушкую. На плохом русском, упершись в меня пальцем:

– Кито такой, э?

Я ответил на хорошем татарском:

– Еду на родину, вот перстень и тамга визиря Казанского.

Лица татар вытянулись от удивления. Молча прочитали тамгу, посмотрели перстень, так же молча отошли. «Пронесло», – с облегчением подумал я. О чем-то переговорив с купцом, татары сели в лодку и отбыли. Через какое-то время цепь ослабла, провиснув ниже днища корабля, и мы вновь подняли парус. Все, теперь я уже на родной земле. Здравствуй, Русь, как я по тебе соскучился! Ей-богу, был бы не на ушкуе, поцеловал родную землю. Проплыв около версты, на левом берегу показался такой же домик с лодками, правда, цепи не было.

– О, – указал Петр на берег, – теперича русская стража да мытари. Сейчас к нам подплывут.

И точно – из домика, что-то дожевывая, выскочили двое ратников в кольчугах и при мече и с ними один в синем кафтане мытарь.

Мы снова спустили паруса, бросили якорь. Лодочка подплыла, и люди по веревочному трапу влезли на борт. Мытарь сразу полез в трюм, что-то записывая на листок, посчитав, подошел к купцу.

Дружинники сразу направились ко мне, видно, мое татарское одеяние не внушало доверия.

– Кто таков будешь?

– Русский я, из татарского плена возвращаюсь, вот пришлось татарскую одежду надеть, своя истрепалась.

Дружинники хмыкнули, переглянулись.

– А плывешь куда?

– Домой, в Рязань, семья у меня там.

– А давно ли у басурман в неволе?

– Год минул.

Один из стражников спросил:

– А кто в Рязани воевода?

– Онисим Пафнутьевич.

– Как звать митрополита Рязанского?

– Отец Кирилл.

Решив, что проверку я прошел, от меня отошли. Снова вдоль бортов потянулись берега, почти сплошь заросшие густым лесом. Изредка на берегу появлялись люди, вероятно местные охотники.

День тянулся за днем, движение против течения было небыстрым, хорошо, если дул попутный ветерок, а то команда садилась на весла.

Вечером, недалеко от впадения Суры в Волгу, подул ветер, небо потемнело, начало погромыхивать, и хлынул дождь. Команда спустила парус и на веслах подошла к берегу.

Дождь становился все сильнее, переходя в ливень. Быстро стемнело. Часть команды спустилась на берег, устроив из парусины вроде шатра для укрытия от дождя, часть, несшая службу, оставалась на ушкуе. До этого спокойная Волга покрылась барашками волн, ушкой раскачивался, как ванька-встанька. Видимость упала до нескольких метров. Кормчий с ушкой позвал несколько человек для откачки воды, трюм заливало. Парусина уже промокла сама и от дождя не защищала, костер потух. Люди промокли и озябли. Корабль направили к берегу. Якорь держал плохо, ушкой разворачивало по течению. Вдруг кто-то из команды закричал:

– Берегись!

С верховьев Волги по реке несло что-то темное и громадное. Только вблизи мне удалось рассмотреть, что это был плот. Сделать что-либо никто не успел. Раздался оглушительный треск, крики людей, и вместо нашего судна осталась лишь носовая часть со свисающими от снастей веревками. Средней части и кормы не было. Оставшиеся на берегу несколько человек кинулись помогать тонувшим, да где там. Через несколько минут на поверхности воды никого не осталось, спасся лишь один человек, которому удалось ухватиться за брошенную веревку. Подавленные, мокрые и голодные, смотрели мы на останки корабля. Из оцепенения вывел крик купца:

– Спасайте, что осталось.

Немногие уцелевшие люди кинулись к носовой части корабля, спасая мешки с крупой и товарами. С облегчением я увидел в углу развороченного трюма свою сумку с инструментами. Дружно вытащив на берег уцелевшие вещи, без сил упали на мокрый берег, постепенно сбились в кучу, согревая друг друга телами и пытаясь прикрыться протекающей парусиной. К утру дождь стих, ветер улегся, над нами было синее небо. По воде плыли бревна, вырванные с корнем кусты, перевернутая лодка: очевидно, выше по течению ночью тоже бушевала буря. Мы подсчитали запасы – мешок крупы и мешок сушеного мяса, больше из съестного ничего. Было еще несколько тюков из товаров купца. Я подошел к купцу, вид у него был унылый.

– Ты хоть знаешь, где мы находимся?

– Недалеко отсюда Сура в Волгу впадать должна. Эти земли или вотяков, или мордвы. Ежели напасть захотят – туго нам придется. Ханство Казанское недалеко, как бы в полон не попасть.

Видя уныние всегда бодрого купца – да и как не унывать – людей осталось немного, корабль и почти весь товар погиб, – я подошел к команде.

– Есть ли у кого оружие?

Почти у всех на поясах были ножи, и нашелся один топор, которым на берегу рубили дрова для костра. Негусто! С таким оружием против сабель или копий почти безоружны и беззащитны.

Мы уселись в кружок, стали думать, как выбраться. Вариантов было несколько: идти по берегу до ближайшего селения, а там как бог даст, второй – сидеть на берегу, дожидаться попутного судна. Спорили до хрипоты, все-таки решили остаться, дожидаясь okazji. За полдня по реке никто не проплыл, видно, натворила буря бед, кто-то оставался у тихой пристани, кто-то пережидал у берега в ожидании, когда проплывут бревна и другой мусор. Стоит не заметить полузатопленное дерево, и в борту мигом появится пробоина. А как я успел заметить, плавали местные плохо.

Солнце начало пригревать, после беспокойной ночи тянуло в сон. Купец выставил караульного, остальные уснули. Пробуждение было бурным – шум, крики.

Едва разлепив глаза, я увидел летящий в лицо кулак и успел отвернуть голову. На меня навалился здоровый мужик в драном армяке на голое тело, заросший волосами, из щербатого рта отвратительно воняло. Мы сцепились в схватке. Вокруг боролись за свою жизнь мои товарищи, помочь было некому. Кое-как извернувшись, ударил коленом в пах, когда звероватого вида мужик слегка ослабил хватку, выхватил его же поясной нож и вонзил между ребрами. Уж где уязвимые места, я знал хорошо. Выбравшись из-под мертвого тела, быстро огляделся. На купца навалились двое, я подскочил и ударил ножом в спину – не до церемоний, своих надо выручать, со вторым справился купец. Шум схватки стих. Я обернулся – на утоптанном берегу лежали тела остатков нашей команды и нападавшие.

Из живых остались только я и купец.

Приди я на помощь чуть попозже, и его не было бы в живых. Видно, разбойники решили поживиться, рассчитывая на легкую добычу. Нам повезло, что организованы и вооружены они были плохо. Все чужие трупы были в дрянном одеянии, с кривыми ножами.

– Похоже, из ближайшей деревни на промысел пришли, посмотри на ножи – вотякские.

– Убегать отсюда надо, купец, может, это не все, искать этих начнут, нам хана будет, вдвоем не отбиться.

Купец кивнул. Мы собрали ножи, я взял свою сумку, купец нагреб в чью-то рубашку гречневой крупы из мешка, и мы пошли вдоль берега, стараясь побыстрее удалиться от побоища. Конечно, не по-христиански – бросать непогребенные тела своих товарищей, но присоединяться к ним не хотелось. Мы отошли на несколько километров вверх и решили передохнуть. Углубились в лес, чтобы нас не было видно с реки, и рухнули в траву.

– Слушай, купец, а далеко ли до ближайшего русского города?

– До Нижнего верст двести будет, по пути селения есть – Макарьево, Мыски, но до них тоже далеко, да еще если лесом, а не по дороге.

– На дорогу выходить опасно – двое нас только, одежда рваная, в крови, как бы за татей не приняли, запросто на ближайшем дереве вздернуть могут.

Посоветовавшись, решили идти вдоль реки, но не по берегу, а по лесу, параллельно реке, углубясь в лес так, чтобы было видно воду.

Движение наше замедлилось, тропинок не было, приходилось пробираться через кустарники, поваленные деревья, обходя бочажины с водой.

Часов через шесть такого движения мы без сил упали на траву. Отдохнув немного, решили развести костер и поесть. Ночью разводиться костер было бы рискованно – видно далеко.

Разведя небольшой костерок из сухих валежин, чтобы было меньше дыма, повесили котелок, сварили гречневую кашу. Получилось невкусно – не было соли, масла, сала, но выбирать было не из чего, поели и так. В животе появилась приятная сытость, сил как будто прибавилось. До вечера мы успели еще прошагать часа три. Стемнело. Мы нашли небольшую поляну, поросшую по периметру густым кустарником, и устроились на ночлег. Охрану решили не выставить: если спать по очереди, ходоки на следующий день из нас будут неважные. Выспались, несмотря на обилие комаров от близкой реки, отлично. Решили сразу и кашу сварить, в животе нести легче, чем на спине. Поели и решили идти, пока не выбьемся из сил. Надо было как можно дальше уносить ноги. Мимо нас посредине реки вниз по течению прошло судно. Мы даже показываться не стали. После полудня вдалеке показалась медленно идущая вверх, в нужную нам сторону какая-то посудина с парусом. Мы выбрали место на берегу поудобнее, на небольшом изгибе и вглядывались в судно. Кого нам бог послал – помощь или несчастье? Судно, к нашей неопишуемой радости, оказалось русским, мы опознали его по одежде команды и парусу. У татар одежда была других цветов, а на носу судна имели косые паруса. Когда судно подошло поближе, мы вскочили, стали размахивать руками, громко кричать. Нас заметили,

парус упал, и с судна в привязанную к корме лодку опустились двое людей. Судно стояло на якоре, на борту я разглядел двух лучников, державших в руках луки с наложенными стрелами.

Лодка подплыла к берегу, с нее раздался возглас:

– Петр, ты, что ли?

Купец от радости аж подпрыгнул:

– Я, я!

Я пристально вглядывался в людей на лодке, пытаюсь узнать знакомого.

Лодка уткнулась носом в прибрежный песок, знакомец Петра снял шлем с бармицей.

– Ваня! – узнал купец. – Ты как здесь оказался?

– Да вот нанялся в охрану к псковскому купцу Варламу, домой идем. А вы как здесь оказались?

– В бурю попали, плотом судно разбило, большая часть команды утонула, оставшихся разбойники побили – ниже по течению.

– Видели, видели мы и плот, и мертвяков на берегу. От плота еле уборонились, хорошо, что поставили судно почти в заводи, а оно вишь как с вами-то. Людей с вашего ушкуя схоронили на берегу, негоже бросать на прокорм птицам да зверью. Кое-кто из наших знакомцев своих опознал, все гадали-рядили, какому судну не повезло. А это с тобой кто?

– С Казани, пленник бывший, домой добирается, да вишь, судно у меня затонуло.

– Ну, садитесь, что на берегу стоять.

Мы уселись в лодку и подплыли к судну. Оно было побольше, чем у Петра, и команда была многочисленнее. Нас за руки буквально выдернули из лодки на палубу. Команда собралась рядом с нами, некоторые узнали купца, раздались приветствия. Раздвинув команду, к нам подошел владелец судна.

Поздоровались, купца Петра тот тоже знал, допросов никто не учинял, но мы пересказали случившееся с нами. Нас провели на нос судна, дали по куску сала с хлебом.

– Варева горячего пока нет, попозже накормим.

Мы улеглись отдыхать, за бортом журчала вода, ветер надувал парус, на душе было спокойно. Все-таки были среди своих.

Без приключений добрались до Нижнего, где судно встало под разгрузку. Из трюма бесконечной чередой грузчики носили тюки, катали бочки. Петр пошел узнать, долгая ли будет стоянка.

– Надо бы торг найти, одежду новую купить, вид у нас непотребный.

– Купить надо бы, да денег нет. – Я показал на оторванный карман.

– В долг у хозяина деньги возьмем. Ты в Рязани отдашь, я в Пскове.

Узнав, что ладья простоит дня два-три, мы отправились на ярмарку. Торговая слава ярмарки была столь велика, что я даже в своем времени был о ней наслышан.

Перед нами предстало необъятное море шатров, палаток торговых рядов, лавок, повозок, с которых торговали приезжие, каких товаров из дальних стран и местных только не было! Глаза разбегались. Наверно, за несколько дней не обойти. Мы нашли ряды, где продавали одежду. Выбирали по скудным деньгам – взяли по рубашке и штанам, коротким сапожкам. По крайней мере, теперь ничем не отличались от горожан. Мы весь день ходили по ярмарке – купец приглядывался к товару, спрашивая цены, я просто глазел. Конечно, хорошо бы привезти своим подарки, да и то хорошо, что живым вырвался из плена.

Проголодавшись и устав, вернулись на судно. Разгрузка его закончилась, трюмы опустели. Поужинав, легли на палубе, поделились впечатлениями о ярмарке и уснули. На следующий день я решил сам походить по Нижнему, посмотреть город. Был он по сравнению с Рязанью огромен. На высоком берегу реки стоял кремль, от его стен далеко было видно окрест. Смотреть оказалось и не на что, такие же дома, узкие улицы. Единственное место притяжения для местных и гостей – ярмарка. В последующий день просидел на судне, приводя в порядок

инструмент – что от ржавчины почистил, что наточил. Утром мы отплыли, на берегу сплошь стояли причалы, сараи для товаров и суда всех размеров из многих стран. Мы двигались медленно, под веслами, от бортов долетали обрывки разговоров на разных языках – псковский или новгородский узнаваемый говорок, жесткая немецкая речь, напевная малороссийская, медленная шведская. Медленно уходил назад великий город, уже и пригородов не стало видно. Кормчий поймал попутный ветерок, команда подняла паруса и облегченно вздохнула. Гнать под веслами груженный корабль не самое легкое дело. На ночевку остановились спать у пригородов Павлова, под оком городской стражи.

Появившийся мытник ушел ни с чем, торговать здесь мы не собирались. Так же спокойно на следующий день мы переночевали у причалов Мурома. На высоком берегу высились высокие колокольни местных церквей. Здесь, на берегу, мы развели костерок и сытно поужинали. Укладываясь спать, Петр сказал:

– В Оку вошли. Ну, теперь до Рязани только деревни будут, а до него дня четыре еще плыть, коли ветер попутный будет.

Эти четыре дня до города были тягостными, каждый день тянулся как резиновый. Чем ближе мы были, тем больше возрастало мое нетерпение. Наконец судно причалило к пристани. Первый же встречный отшатнулся от меня.

– Чур меня, чур! Изыди, нечистая сила!

– Да это же я, лекарь! Кожин Юрий!

– А сказывали, тебя убитым о прошлом годе на дороге нашли.

Ничего себе! Надо домой спешать, неужели тоже похоронили?

Глава 12

Снова в Рязани

Стражники у городских ворот онемели, увидев меня живым и здоровым.

– Лекарь, ты ли это? Где столько времени пропадал?

– В плену был, сейчас домой тороплюсь, извините, служивые.

Служивые заулыбались и стали оживленно переговариваться. То-то будет разговоров в городе. Мы шли по городу, редкие встречные знакомые удивленно приветствовали, пытались поговорить. С одной стороны, было приятно, что меня здесь помнили, но ноги несли домой, хотелось быстрее добраться до родного гнезда, обнять дорогих моему сердцу людей.

Наконец знакомый переулок. Меня ждала маленькая приятная неожиданность – часть улицы перед домом и метров по семьдесят в стороны от него была вымощена дубовыми плахами. Цивилизация, однако. На последних метрах я не выдержал и побежал бегом. Ворота оказались заперты, и я забарабанил кулаком. Через некоторое время раздались неспешные шаги, и незнакомый мужской голос спросил:

– Кого черти носят?

– Быстро открывай, хозяин вернулся!

Застучали засовы, калитка приоткрылась, и со двора выглянул незнакомый мне слуга. Я оттолкнул его и бросился к крыльцу. В это время дверь в дом открылась и на шум вышла Настя, одета была по-домашнему, в простом сарафане, внешне не изменилась совсем. Увидев меня, охнула и с криком кинулась на шею. Я крепко обнял любимую и впился в ее губы.

Приказав холопу затворить двери и идти топить баню, мы отправились в дом.

Сели за стол, челядь кинулась собирать ужин. Со второго этажа спустился Мишенька и кинулся ко мне, за минувший год мальчик заметно подрос.

– Рассказывай, где ты был? Ведь уезжал ненадолго! Когда приехали ратники и на возке привезли убитого Прохора, я никак не могла поверить, что с тобой плохое случилось. Сердце мне подсказывало, что жив.

Я начал по порядку рассказывать, как ездил в Москву, видел государя царя, получил важное государственное дело, купил дом в Москве, а на обратном пути напали разбойники, Прохора убили, а я был пленен и продан в рабство татарам в Казанское ханство.

– Да как же ты оттуда выбрался, как выжил?

Почувствовав, что разговоры не кончатся до утра, я попросил покушать и вымыться. Конечно, хорошо бы сначала в баню, но натопить ее делом было не быстрым.

Настя покраснела, вскочила, побежала на кухню, я услышал, как она начала торопить кухарок. Слуги из подвала несли вино, холодное пиво, соленья, копчености. Я видел, что в доме все идет налаженным чередом, мои труды не пошли прахом. Вскоре весь стол был покрыт блюдами с мясом, птицей, разносолами, рыбой и выпивкой. На вино мы не налегали, памятуя о бане, а за еду принялись рьяно. И то – какая на корабле пища?

Насытившись и вдоволь наговорившись, мы отправились в баню, вдоволь нахлестались вениками, попарились, смыли с себя дорожную пыль и грязь. Вышли в предбанник, там уже лежало чистое белье и стоял жбан свежего пива. Попили пива, попотели, снова по-быстрому обмылись и пошли одеваться. Какое это было блаженство – быть после долгого отсутствия дома, где знаком каждый гвоздь, где тебя никто не будет заставлять делать противное твоему существу. Наконец-то меня окружают любящие и любимые люди. Зайдя в дом, мы снова уселись за стол и встали, когда желудок уже запросил пощады, прошли в спальню. Едва войдя, Настя скинула сарафан и рубашку и нагой обняла меня:

– Как я по тебе соскучилась, любимый мой!

Кое-как раздевшись и бросив одежду на пол, мы рухнули в постель.

Утром проснулись рано.

Ну что же, вернулся домой, пора и засучивать рукава. Дел скопилось много, как за этот год шли дела на моих предприятиях и в банке, как взлелеянный мною госпиталь? Князя также надо посетить, одно дело важнее другого. Сначала я отправился на княжеский двор, известное дело – начальство должно узнавать новости из первых рук, а не в виде сплетен. Иначе может и обидеться. Стражники немало удивились моему появлению, но пропустили не чинясь, указав, где находится Афанасий. Для начала я решил поговорить с ним. Встретились на заднем дворе, где Афанасий что-то обсуждал с ключником. Радостно обнялись, похлопывая друг друга по плечам.

– Доложили мне уже стражники от городских ворот, что живой воротился, ждал тебя сегодня. Ну, рассказывай.

Мы прошли в его комнату, где я коротко рассказал о своих приключениях.

Лицо его нахмурилось:

– Да, уже не раз слышал я о разбоях на этой дороге, видно, у коломенского воеводы руки не доходят.

Я попросил свидания с князем.

– Так нет его, в Москву царь-государь призвал, ден через двадцать только должен вернуться.

Ну что же, подождем, тем более у меня есть чем заняться. Пока я плыл на корабле, в голове созрел план – мне страшно хотелось выжечь огнем, стереть с лица земли эту разбойничью шайку, что бесчинствовала в коломенских лесах.

Я посвятил в эти планы Афанасия.

– А чем я могу помочь? Землица та не рязанская, нету над ней власти князя.

– Нет, Афанасий, мне бы людишек, кто оружием хорошо владеет.

– А сколько надо?

– Пешими человек десять, да две ладьи с воинами – на каждой тоже по десять.

– Многовато, с воеводой поговори, десяток он сможет выделить, только платить им будешь сам.

Мы прошли к воеводе Онисиму Пафнутьевичу, изложили ему план. Он поскреб в затылке.

– Могу десяток хороших воинов отпустить, а что уж они на отдыхе делать будут, это их дело.

Он хитро посмотрел на меня.

– За деньгами дело не станет, – заверил я. – Не одного меня душегубы поймали да в плен басурманам продали, скольких животов лишили, хочу наказать негодяев.

Воевода остро блеснул глазами из-под кустистых бровей:

– Ежели бы ты на потеху какую людей просил, так и разговора бы не было, вижу, дело доброе затеял – землю русскую от разбойников да душегубов очистить, поэтому помогаю чем могу. Однако князевым повелением отправить его дружину не могу, для отпора врагу она, а не для татей. Сам меня пойми. Тем более земли чужие.

Все втроем мы отправились в воинскую избу – некое подобие казармы. Воевода отдал распоряжение, и перед зданием выстроилось около полусотни воинов. Воевода пояснил:

– Кто хочет пойти с лекарем, не в службу, а за деньги, однако придется мечом помахать, и не каждому назад вернуться придется.

В строю послышался сдержанный разговор. Откликнулось десятка полтора. Воевода выбрал десяток, подозвал их ко мне. Я сказал, чтоб были готовы и подобрали себе крестьянскую одежду, поедем на крестьянских подводах, не раскрывая себя, вроде как выманивать будем. Дело оставалось за кораблями. Я помнил, что напали пешие, но где-то недалеко было

разбойничье судно с толстяком капитаном, где мы и оказались, и хотел перекрыть все пути отступления наверняка. Наказав быть готовыми и ждать моего сигнала, я обратился к воеводе:

– Есть ли у тебя умелый воин и хороший учитель? Хочу брать уроки фехтования – воином мне уже не стать, но в заварушке хотелось бы уметь себя защищать и продать жизнь подороже.

– Как не быть? – прогудел воевода.

Мы зашли в маленькую каморку, прилепившуюся к воинской избе. Там сидел и чинил прохудившиеся штаны уже седой сухонький мужичок.

– Вот, Сидор, умелец на все руки: и мечом в обеих руках, и копьем мастер, и луком не хуже татар владеет. В походы по причине старых ран уже не ходит, но воин знатный.

Внешне мужичок такого впечатления не производил, но договорились ежедневно проводить упражнения с оружием, тем более цена обучения оказалась приемлемой. Заодно воевода подсказал, где мне можно договориться насчет судов. Решив часть вопросов, я направился домой, где пообедал, немного отдохнул и уже на возке с новым кучером Потапом отправился по делам. Первым делом в госпиталь. Здание ничуть не изменилось, из дверей с радостными криками выбежали мои ученики и помощники. Все за прошедший год подросли и возмужали, у юношей Петра и Михаила подросли куцые бородки, девушка Маша похорошела и округлилась.

– Как вы тут без меня? Справляетесь?

– Делаем что можем, каждый день болящих принимаем, однако опыта не хватает, времени научиться мало было.

Я посмотрел несколько больных, дал наставления о дальнейшем лечении.

– С завтрашнего дня буду навещать, сложных или непонятных больных оставляйте, будем лечить вместе.

Я обнял своих помощников, поблагодарил, что нашел госпиталь в полном порядке, и вскочил на возок. Следующей целью было посещение банка.

Интересно, как там вложенные деньги?

У дома, нашими стараниями превращенного в банк, стояли несколько купцов, что-то горячо обсуждавших.

Увидя меня, они замолчали и переглянулись, затем поприветствовали. Я миновал двух дюжих привратников у дверей и вошел в здание, сразу пройдя в комнату управляющего – Никиты Иванова. Тот оторвал голову от стопки бумаг, узнал, вскочил из-за стола и кинулся обнимать.

– Наслышан я уже от людей о твоём возвращении, никогда не верил, что ты сгинул, как раз сейчас подсчитываю твой барыш, ведь банк процветает, пользуется уважением и доверием. По моим прикидкам, твоя доля со вложенного капитала около пятидесяти тысяч рублей.

Я прикинул, выходило неплохо, на один вложенный рубль за год получил четыре. Выгодное дело.

– Хорошо, я заеду завтра, подготовьте расходы и доходы. Хотелось бы посмотреть!

– Вот и славненько, сразу обсудим еще несколько выгодных дел.

На том мы сердечно распрощались. Я заехал на торг. Мое развлекательное заведение действовало исправно, деньги еженедельно сдавались по счету Анастасии, на эти деньги они безбедно и жили без меня целый год. За делами я не заметил, как начало темнеть. Устало сев в возок, бросил кучеру:

– Домой!

Вечером не спеша поужинал, поиграл с Мишей и, сев в кресло, затеял обстоятельный разговор с Настей.

– Дела в городе идут неплохо, на каруселях, в банке и госпитале порядок, дома деньги есть. На днях хочу съездить в деревню, давно во Власьево не был, надо проверить лесопилку и поглядеть, как идут дела на сахарном заводике, я его еще не видел в действии. – Настя согласно

кивала головой. – Вопрос не в этом – что ты скажешь, если мы переедем в Москву? Здешний дом и все имущество придется продать.

– Ой, не знаю, любимый мой. Что сделаешь, то и ладно будет. Я как нитка за иглой за тобой. Тебе решать. Только привыкла я.

– Отдохну немного, осмотрюсь, да думаю в Москву съездить, долг за дом отдать надо. Плату за работу – сторожу да управляющему отдать, к митрополиту Филарету в Кремль сходить – не передумал ли, может, другого кого нашел?

– Не ездил бы ты, любый мой. Не дай бог, по дороге опять беда какая случится. Или, если уж так надо, найми ладью, по воде, поди, спокойнее будет.

– Хорошо, милая, я подумую.

Говорить, что я решил посчитаться с разбойниками, не стал. На следующий день, одевшись подобающе, я поехал в храм – надо было посетить митрополита Рязанского отца Кирилла. Застал его я в добром здравии, несколько уставшего после заутреннего богослужения. Осеня себя крестом, низко поклонился. Я помнил, что в разговоре патриарх Филарет опирался на мнение митрополита Рязанского.

– Рад видеть тебя живым и в здравии, сын мой! Уже не раз патриарх наш святейший справлялся в грамотках о тебе: почему в Москву не едешь, государеву волю не исполняешь. Отписал я, что пропал после разбойничьего налета по дороге. Бог дал – вернулся!

Я вкратце пересказал свои приключения с пленением и высвобождением. Митрополит слушал заинтересованно, в конце сказал:

– Пошлю с оказией патриарху письмецо, обскажу, почему заминка получилась, об ответе извещу. Наверное, после плена отдохнуть не помешает?

На прощание я положил на стол изрядный кожаный мешочек с серебром – на строительство собора.

С легким сердцем отправился в госпиталь. Помощники подготовили несколько пациентов, вместе с ними обследовали, одному была сделана несложная операция. Я предупредил ребят, что отлучусь на несколько дней. На другой день, встав пораньше, положил приготовленный с вечера узелок с провизией, с кучером Потапом поехал навестить свою деревеньку Власьево. Дорога петляла между речкой и полями и была уже известна. Кучера приходилось направлять, он ехал сюда в первый раз. Подъехав, я прямо не узнал деревеньки, лесопилка расширилась, на окраине стояли новые большие здания сахарного заводика, на перекрестке дорог желтел новыми бревенчатыми стенами постоялый двор с трактиром.

– Хм, неплохо развернулись мужики.

Для начала зашел в трактир, у стойки стоял сын старосты деревни, узнав меня, он низко поклонился:

– Здрав будь, хозяин, давно вас видно не было, в народе говорят – в плену у разбойников были?

– Был, теперь вернулся, угости с дороги.

Трактирщик метнулся в подсобку и вынес корец с пивом. Я приложился – а хорошее пиво, пожалуй, не уступит многим современным сортам.

– К завтраму отчет сделай, – распорядился я и пошел к возку. Интересно было посмотреть на собственное производство.

Управляющий, бывший разорившийся купец Тимофей, встречал у ворот, видно, кто-то из работников успел разглядеть возок. За прошедший год Тимофей раздобыл, животик выпирал над поясом. Во взгляде чувствовалась уверенность.

– Здрав будь, Юрий Григорьевич! Рад видеть тебя, наслышан о твоей беде. Посмотри, какой заводик получился, все работает, качество хорошее, на складах ничего не лежит, купцы оптом забирают.

Сопровождаемый управляющим, я прошел по заводу, беспорядка не обнаружил, на складе сиротливо лежало несколько сахарных голов.

– Все уже распродано, запасов свеклы нет, ждем нового урожая, я уже договорился о поставках с крестьянами, о прошлом году не рассчитали, маловато взяли, да и крестьяне в основном рожь да пшеницу растят, только на этот год много посеяно.

Да, это была моя промашка: о заводике подумал, а о сырье – нет.

– Пойдем, Юрий Григорьевич, отчет дам, о прибыли расскажу.

Мы обстоятельно поговорили, и под конец разговора Тимофей достал из стола несколько увесистых мешочков серебра.

– Из прибыли я только людям за работу платил да на закупку свеклы.

Все записи были в полном порядке, как и заводик. Толкового я нашел управляющего, другой бы за год без пригляду или проворовался, или привел завод к краху неумелым руководством. Я поблагодарил Тимофея, вернул ему один из мешочков серебра в качестве премии, чему тот был рад.

– Не тянет свое дело открыть? – спросил я.

– И хочется, и к заводу прикипел – пока строил, людей подбирал, мастера привез, семью сюда перевез да домик отстроил – сердцем прикипел.

Ответ, честный и прямой, мне понравился. Я подумал: если уеду в Москву, будет на кого оставить предприятие, а если дать войти в долю – за дело можно было быть спокойным. Я постепенно начинал готовить свои дела к будущему переезду в Москву.

Заехал на лесопилку – дела шли полным ходом, высились горы опилок, лежали штабеля свежих досок, хлопотали работники. Ко мне с приветствиями подбежал артельный. Хоть я и видел, что дела шли хорошо, прошелся по лесопилке, поинтересовался, как идет сбыт.

– Исправно отправляли в Рязань, в лавку.

– Послушай, артельный, ты ведь знаком с рыбаками из Мыскина?

– Да, господин.

– Как мне договориться нанять две посудины побольше да ребят, чтобы оружием владели – охотников, дружинников бывших, ополченцев?

– Так в Мыскино ехать надо, обговаривать.

– А поедешь ли завтра со мной?

– Почто не поехать?

С утра, уместившись на возке, мы отправились в неведомое мне пока Мыскино. Ехали часа два, и, подъехав, я понял, почему деревня так называется. Ока в этом месте делала изгиб, и на мысу стояла рыбацкая деревня.

Почти весь берег был завешан сетями, на берегу лежали лодки, у деревянных причалов было несколько посудин покрупнее. Мы проехали к самому большому дому, где жил староста. По дороге почти у каждого дома мы видели сушашую рыбу, с задов дворов вился дымок и доносился запах копченой рыбы. Вся деревня ловила рыбу, сушила ее, вялила, коптила. Прямо не деревня, а один сплошной рыбный цех. Староста, завидев подъехавший возок, сам поспешил открыть калитку.

– Чего изволят господа, рыбки?

Чтобы завязать разговор, взял копченой рыбки – уж больно вкусно пахло. Артельный отошел со старостой в сторону, о чем-то поговорил, затем оба подошли.

– Мне бы хотелось нанять две ладьи или ушкуя или на худой конец большие лодки с командой, лучше, если команда будет уметь управляться с оружием.

Староста хмыкнул и спросил:

– Когда, на какой срок и сколько будут платить?

Моя просьба его явно не удивила.

Мы договорились о сроках, я дал задаток и еще раз напомнил, что подъеду за день до срока посмотреть суда и людей.

– Не беспокойся, господин хороший.

Оставшаяся часть дня прошла в разговорах со старостой Власьева, инспекциях полей, просмотре записей о податях в княжескую казну и прочих малоприятных заботах. Вернувшись на следующий день в Рязань, я заехал к знакомому кузнецу, сделал заказ на кольчугу, желательнее ее было сделать короткой и с рукавами только до локтей. В будущем я думал носить ее скрытно, под рубашкой. Конечно, такая кольчуга, вроде жилета, от меча или сабли при рубящем ударе может и не спасти, но при косом или ударе ножа – вполне. Каждый день в поте лица после обеда я занимался фехтованием на саблях, стрельбой из арбалета – из лука было значительно сложнее, владением копьем и кистенем.

Сидор, учитель мой из дружины, сначала посмеивался: блажь, мол, в голову ударила, но по мере того как я втягивался, взялся за дело всерьез. Прошедши схватку с разбойниками, я остро почувствовал свою беспомощность на поле брани, даже разбойники владели холодным оружием лучше меня. Хватит, решил, если хочу выжить, надо принимать условия игры, становиться таким же, как все. Идея гуманизма и всепрощенчества здесь явно не в почете. Сидор владел оружием отменно, но моя реакция была не хуже, а физической силой я смолоду был не обделен. Все чаще и чаще после уроков учитель в поту усаживался на завалинке у дома и говорил:

– Надо было смолоду начинать воинскому делу учиться, давно бы уже воеводой был, есть в тебе талант.

– Во мне талант людей лечить, а не калечить или убивать, а воинское умение мне нужно, дабы в плен не попасть да своей семье при случае жизнь сохранить.

В один из дней я решил сходить на торг – мелькнула в голове одна мысль. Я походил по лавкам оружейников, выбрал себе неплохую саблю в ножнах, длинный прямой кинжал и, наконец, нашел то, что искал – кремневый пистолет. Был он, конечно, грубоватый. Я спросил у торговца, есть ли у него порох, пыжи, свинец на пули, продавец оживился, долго лазил под прилавком и вытащил два мешочка – с порохом и свинцом.

– А есть ли у тебя еще пистолет?

– Есть, есть, господин. – Он протянул еще один почти такой же, но несколько потертый. Я пощелкал курками обоих пистолетов. Искру замки высекали исправно.

– Беру оба!

Торговец обрадовался и вручил в качестве подарка пулелейку и мерку для пороха. Вечером, уже уставший от дел и фехтования, я занимался изготовлением пуль, налил из свинца более сотни и решил завтра выехать из города и опробовать приобретение. Положил в возок чурбачок, который хотел использовать в качестве мишени.

С утра, прихватив пистолеты, пули и порох, я отъехал на возке подальше от города, нашел в лесу большую поляну, поставил чурбачок стоя. Зарядил оба пистолета, прицелился, выстрелил. Меня окутало дымом, отдача была мягче, чем при стрельбе из современных пистолетов. Подошел к чурбаку – сбоку была видна свежая царапина от пули. Так, прицелился из второго пистолета, выстрел, когда рассеялся дым, чурбачок лежал, а подойдя к нему, я обнаружил пулю в центре. Теперь я не ставил чурбан, а решил стрелять по спилу – он меньше по размеру. Перезарядив, выстрелил снова. Есть, оба попадания пусть и не в центре, но попали в круг диаметром с локоть. Для гладкоствольного кремневого пистолета с двадцати шагов даже неплохо. Теперь я отошел еще шагов на десять, снова выстрел, но на этот раз уже не так удачно. Все, понял я, максимум стрельбы – двадцать шагов. Поскольку перезарядить долго и мешкотно, стрелять надо с близкого расстояния, наверняка. Времени на перезарядку в схватке просто не будет.

Домой я вернулся, довольный приобретением, хотя и отдал за пистолеты с припасами большие деньги, все-таки они были большой радостью. Мушкеты у стражников редко, но

встречались, пистолетами знать не обзаводилась. Чтобы ускорить зарядание, я не поленился и дома развесил порох и завернул его в пергаментную, тонкую бумагу, сложил в мешочек, получилось на пятьдесят выстрелов.

Хорошо бы еще что-то вроде гранаты. Лежа в постели, я размышлял, как это можно сделать, и после долгих размышлений что-то стало прорисовываться. Я снова пошел к кузнецу, попросив три-четыре отрезка вроде водопроводной трубы, купил их и снова отправился на торг к уже знакомой лавке.

Увидев меня, оружейник забеспокоился:

– Что-то случилось, товар не понравился?

– Нет, товар я твой опробовал, понравился, нет ли у тебя еще пороха?

– Есть, остался один мешочек, к каждому пистолету я на всякий случай по мешочку брал.

А что, неужели уже использовал?

– Нет, просто в запас беру.

– Так ты заходи, если что надо будет, ты в городе второй, кто пистолеты взял, не понимает пока народ огненного боя, боятся.

Дома я набил трубки порохом, скатал из бумаги что-то вроде полых трубочек, вставил одним концом в металлические трубки с порохом. Получилось вроде бомбы.

Осторожно сплющил конец трубки. Ну вот, готово, ждать следующего дня не стал, сел в возок и выехал из города. Доехал до ближайшего леса, нашел яму от упавшей с корнями ели и зажег запальную трубку. Засек по часам время и бросил самодельную бомбу в яму. Через восемь секунд грохнуло, осколки с визгом полетели вверх, уши заложило. Впечатление произвело даже на меня, на неподготовленного – эффект будет сильнее.

Я мысленно прикинул – для похода на разбойников все готово, пора собирать людей. Приехав домой, я отправил кучера к старшему из дружинников, сам отправился на торг нанять лошадей с повозками. Быстро договорился с возничими, заплатил аванс. Подойдя к дому, увидел стоящего у ворот старшего из дружины – Игоря.

– Будьте готовы выступать завтра утром, повозки с возничими будут ждать с утра на торгу, всем одеться, как крестьянам, оружие завернуть в тряпицы, чтобы не бросалось в глаза. Вот аванс вам. – Я выдал старшему по десять рублей на каждого дружинника.

Игорь кивнул и исчез. Я сел в возок и отправился к Сидору – на последнее занятие. Мы вдоволь, до седьмого пота, поупражнялись, сели отдохнуть. Я решил приступить к серьезному разговору.

– Сидор, ты хороший воин, но давай смотреть правде в глаза: для походов ты уже староват, да и здоровье твое подпорчено ранениями, как дальше жить собираешься?

Сидор пожал плечами:

– Семьи у меня нет, не сложилось за воинской службой: походы, ранения. Родных у меня тоже нет, уйти некуда. Из воинской избы не гонят, кормят, тем и живу.

– Сидор, хочу предложить тебе работать у меня.

Воин усмехнулся:

– На воротах охранником быть?

– Нет, охранником, но не на воротах. Хочу предложить тебе быть старшим охранником моего дома и меня самого. Требуется одно – честность и твое согласие. Комнату в доме своем выделю, кормиться будешь с нами, жалованье выделю, об этом поговорим. В помощь себе можешь сам выбрать двух-трех воинов, пусть и бывших, но за них должен сам отвечать. К порядку тебе не привыкать, воинскую службу нес, знаешь.

– Говоришь будто сладко, я за время наших занятий к тебе присмотрелся, с людьми поговорил, кто с тобой дела имел, никто плохого не сказал. Советоваться мне не с кем, а если голову сложу, плакать по мне некому. Согласен!

Мы ударили по рукам.

– А теперь об оплате – будешь получать, как в дружине князя десятник, устраивает тебя?
– Вполне.

– Хорошо, подбирай людей, подойдешь ко мне домой. Правда, несколько дней меня не будет.

Я поднялся уходить, но Сидор, взяв меня за локоть, удержал.

– Слышал я от воинов, завтра собираешься под Коломну?

Я кивнул.

– Возьми меня с собой, пригожусь, и я косточки разомну, и ты меня в деле увидишь.

Я недолго думал.

– На судно пойдешь ватажкой водить?

– Пойду!

– Подходи завтра к торгу, оттуда тронемся, оденься попроще, чтобы не было видно, что ты воин, оружие возьми по своему разумению, но заверни в тряпицу, раньше времени себя показывать не хочу.

Я отсчитал ему десять рублей серебром – сумма по тем временам приличная, так же как и остальным воинам дружины. В схватке лишних рук не будет. Мы расстались, довольные друг другом. Вечером дома предстоял разговор с Анастасией, объяснением я тяготился. Поужинали, я попросил Настю остаться в трапезной, коротко объяснил, не вдаваясь в детали, куда и зачем отправлюсь. Как у всех женщин, были слезы, причитания.

– Ты меня не любишь, зачем уезжаешь, смерти своей ищешь?

Как мог я ее успокоил, сказал, что это мой долг, не со слизняком же она живет.

Утром встал пораньше, позавтракал. Взял с собой изрядный мешочек серебра: людей кормить-поить надо, да и как приманка серебришко нужно. Подозревал я, что на постоялом дворе перед Коломной не все чисто, ишь как из засады на купцов выскочили, ровно знали. Ничего, отольются кошке мышкены слезы. Конечно, не будь у меня достаточно денег, не смог бы организовать эту экспедицию, а один не справился. Нового кучера Потапа брать с собой не стал, не вояка, а лишний труп мне ни к чему. Приехал на возке на торг, там уже ждали переодетые дружинники, возчики с телегами и Сидор, взявший с собой еще и своего товарища. У товарища лицо и видимые части рук были в шрамах, видно, не в одной сече побывал.

– Вот, хочь взять с собой Ивана, дозволишь ли?

– Мы же договорились, Сидор, что людей подбираешь сам, сам же за них и в ответе.

Я отсчитал Ивану деньги, заплатить всем, кто участвует в походе, решил одинаково, все будут рисковать в равной мере. Сидор рядом со мной, дружинники по трое в каждую телегу, и наш поход начался. Для начала мы поехали в рыбацкую деревню Мыскино, надо было посмотреть, кого там собрал староста, от судов и судовой команды зависело многое. Я не хотел упустить живоглота из-за малейшей оплошности. Обоз наш растянулся, ехали медленно, глотая пыль. Первыми в деревню въехал наш возок. Я направился к уже знакомому дому старосты.

Мы поздоровались, и я сразу решил взять быка за рога:

– Готовы ли суда и люди?

– Да, пойдём покажу.

У берега стояли два судна – ушкуй и большая лодка с мачтой под парус. Мы подошли поближе, староста залихватски свистнул, и с бортов посыпалась команда весьма разбойничьего вида. В общей сложности было около тридцати человек. Вооружены были разнообразно: ножами, саблями, кто-то мечом, были и двое лучников. Огнестрельного оружия, как и ожидалось, не было ни у кого.

– Староста, раздал ли ты аванс?

В ответ раздались нестройные вскрики команды:

– Да, получили. А что делать надо?

– Что делать надо, объясню попозже.

Я не хотел раскрывать задачи похода заранее, кто знает, какие у них языки и какие связи среди разбойников. Я старался быть чертовски осторожным, от этого мог зависеть успех.

Посоветовавшись с Сидором, я громко сказал:

– На каждое судно сядет мой человек, кормчему подчиняется команда, кормчий подчиняется моему человеку.

Мои слова не очень понравились, но желание хорошо заработать оказалось сильнее. Сидор сел на ушкуй, Иван на лодку. Мы договорились встретиться у деревеньки Белоомут. В этом месте дорога и река сближались, не надо было делать лишней крюк, да и до Коломны был всего день пути, что по дороге, что по воде. На том и расстались. Ко мне на облучок возка сел один из дружинников – все же ехать мягче, да и где видано, чтобы купец ехал без возницы, может вызвать подозрения. До Белоомута ехали два дня, в придорожные трактиры не заезжали, вернее, заезжал я с возничим. Покупал пиво, вареных кур, жареное мясо. На ночлег останавливались в лесу. По возможности я старался избегать людных мест. Наконец приехали в нужную нам деревеньку, въехали на берег. Суда стояли недалеко. Я подъехал, ко мне спустились оба кормчих, Сидор и Иван, подошел старший от дружинников Игорь. Я объяснил задачу – одно судно становится выше по течению, другое ниже Коломны. Задерживаем любое судно, которое попытается удрать, имея на борту толстого краснорожего хозяина. Я постарался описать судно и хозяина подробней. Один из кормчих хмыкнул:

– Похоже, я знаю, о ком речь, не любят его на реке, мутный он.

– Стоять будете неделю, караулить и днем и ночью, если ничего не произойдет, через неделю собираемся на этом месте. Если случится встретить этого разбойника, попытайтесь задержать, но помните, что вас на судне будут ждать не леденцы, а вооруженные люди. Будьте настороже.

Отпустив людей с судов, я обратился к Игорю:

– Ваша задача самая главная. Перед Коломной оставляете всех возничих на постоялом дворе, деньги я дам, оружие с собой не брать, сложить в одну телегу и загнать в лес, с телегой оставить пятерых воинов. Вы, каждый по одному на телеге, под видом возничих сопровождаете меня, вроде как мы едем обозом из Москвы. Я изображаю богатого купца, что удачно торговался в столице. Вина не пить, кушать можете, смотрите во все глаза – кто куда пойдет, чем будет интересоваться. Незаметно расскажите мне. Как только я пойму, что рыбка проглотила червячка, мы выезжаем на дорогу, на опушке присоединяется повозка с оружием. Если мы заранее положим оружие в телеги, их могут обыскать, пока мы будем в трактире, и вся затея сорвется. Разбойники осторожны, поэтому и действуют давно.

Воины переглянулись:

– Лекарь, да тебе воеводой надо было быть, все продумал заранее, а мы уж сомневались, что под топоры да кистени подставишь.

– И еще хочу добавить: как схватка пойдет, постарайтесь в первую очередь луками татей побить, пока они близко не подойдут; да не пугайтесь – я им тут подарочки приготовил: громыхать сильно будет, поэтому в начале боя вперед не высовываться, своих побить может, а вы мне живые и здоровые нужны.

Дав подробные указания, мы поехали далее. Вот показалась вдаль Коломна, проехали знакомый лесок с поляной, где шла год назад смертельная схватка. Сердце защемило – здесь погиб Прохор, малознакомые купцы, здесь я был схвачен в плен. Думается мне, логово шайки недалеко, иначе как осуществлялась связь между трактиром и разбойниками. На выезде из леса мы загнали одну телегу в густые кусты, сгрузили на нее все оружие и оставили пятерых воинов.

Я предупредил – громко не разговаривать, костров не разводить, выставить дозорного.

Здесь уже воины заулыбались:

– Не учи, мы эти премудрости и сами знаем, не раз в засаде сидели.

Мы двинулись дальше.

Вот и знакомый постоялый двор. Служка распахнул ворота, и мы ввели лошадей с подводами во двор, подскочившие холопы стали распрягать лошадей и привязывать к коновязи. Дружной группой мы прошли внутрь, усадились за стол.

– Хозяин! Выпивки и покушать!

К нам подбежал половой, принес пива и кружки, тут же подошел хозяин:

– Что кушать будем?

Я заказал жареных кур, мяса, каши, уху. Через какое-то время принесли заказанное, и мы приступили к еде. Ели дружинники быстро, блюда со стола сметались, как ураганом. Пиво тоже выпили быстро, и, позвав хозяина, я заказал вина. Кувшин с дрянным винишком был подан, разлит по кружкам. Все смочили губы и потихоньку выплеснули под стол. Периодически я замечал внимательные взгляды воинов, которые незаметно оглядывали посетителей и работников. Пока ничего подозрительного видно не было. Когда я рассчитывался, изображая слегка пьяного, якобы нерасчетливо открыл кошель и часть серебра просыпал на стол. Глаза хозяина алчно блеснули. Никак клюнул! Мы отправились наверх, на второй этаж, спать в отведенных комнатах. Ко мне подошел один из дружинников, прошептал:

– Я выходил во двор по нужде, видел, как обыскивают наши повозки.

Я кивнул. События начали разворачиваться, хозяин явно нечист, связан с разбойниками. Выспались спокойно. Утром, позавтракав легко – кто же перед схваткой набивает живот, при ранениях брюшной полости это чревато, – мы медленно двинулись по дороге к лесу. Отдохнувшие лошадки бодро тянули пустые повозки. Въехали в лес, из кустов вышел переодетый дружинник, махнул рукой. На дорогу выехала повозка с оружием. Молча, в полной тишине каждый разобрал свое оружие, уложил в повозки под сено, прикрыв тряпицами. Я засунул заряженные пистолеты за пояс, уложил рядом с собой самодельные бомбочки, под ноги положил саблю и нож.

Лица воинов стали сосредоточенны, улыбок и болтовни не было. Мы тронулись. Первой ехала повозка, стоявшая ранее в лесу, затем я на возке с дружинником на облучке, за мной еще пять телег с небольшими промежутками. Мы решили не растягиваться, чтобы в случае возникновения столкновения быть ближе друг к другу. Сердце гулко стучало, губы пересохли. Сидевший на передней телеге, полуобернувшись, сделал знак, видно, что-то углядел – разбойники здесь. Для меня все повторялось – такой же летний день, такой же обоз из крестьянских телег, да только я уже не такой и готов к сшибке.

Подъехали к поляне, и из леса вышли разбойники, я обернулся – трое стояли на дороге сзади, четверо спереди. Ага, дорогу перекрыли. Сбоку, от леса, не спеша, с ухмылками вышло еще человек двадцать, одетых разномастно, как в плохом театре, и столь же разномастно вооруженных. Думали, напали на легкую добычу, вышли покуражиться. Обломится вам на этот раз, господа разбойнички. Не раздумывая долго, я поджег фитили у бомбочек и одну за другой метнул за спины разбойников. Кто-то из них захохотал:

– Камнями отбиваться захотел купец.

Воины, соскочив с телег, наложили на тетиву стрелы – фьюить, – пятеро упали со стрелами в груди, и в это время одна за другой грохнули мои самodelки. Несколько человек упали замертво, некоторые, уронив оружие, пытались зажать обильно кровящие раны. Настроение у разбойников резко изменилось, закричав, они бросились на штурм. Отбросив луки, воины вытащили мечи и сабли, щитов, правда, не было, и схватка началась. Первыми решительными действиями мы выбили больше десятка, тати явно не ожидали подобного начала, были в растерянности, но понукаемые здоровенным детиной с огромной дубиной на плече принялись окружать обоз. Увернувшись от набегавшего разбойника, я ударил его саблей по ногам, краем глаза успев заметить, что он упал. Я пробивался к атаману шайки, отбивая удары сабель слева и справа, все-таки уроки, взятые мною у Сидора, не пропали даром. Дико закричал атаман,

ватажка расступилась, и прямо на меня с поднятой дубиной ринулась почти медвежья туша. Отбить дубину сабелькой нечего было и пытаться, я выхватил из-за пояса пистолет и выстрелил ему в живот. Грохот на мгновение прервал схватку, все замерли. Дитина в недоумении смотрел на живот, откуда фонтанчиком била кровь, снова взмахнул дубиной, сделал шаг ко мне навстречу и упал. Я выхватил второй пистолет и выстрелил в лицо соседнего разбойника. На таком расстоянии двадцатиграммовая свинцовая пуля просто снесла ему полбашки. Разбойники шарахнулись в стороны, но одному я успел вонзить саблю в спину, игнорируя правила поединков. Разбойник упал. Я резко обернулся – поле боя было усеяно телами разбойников, кто-то еще шевелится и стонет. Воины поработали славно, сказывался опыт и организованность. Все были целы, но у двух была кровь на рубашках. Ладно, после боя разберемся. Видя, что уже добивают еще сопротивляющихся, я закричал: «Пленных оставьте!» Шум схватки затих. Разгоряченные боем, раскрасневшиеся, ко мне подошли дружинники, толкая перед собой раненного в руку разбойника.

– Не убивай, господин! – взмолился он.

– Где ваш корабль?

Он сразу понял.

– Недалеко, там, на берегу, две ивы есть, над водой свисают, там он.

– А где пленных держали?

– Все покажу, они в лесу, в землянке. Двое наших сторожат.

Я обвел взглядом поляну, воины отошли от связанного пленника и стали добивать тяжело раненных разбойников. Я их не осуждал, если бы кто и выжил, был бы посадником коломенским посажен на кол или повешен, так зачем их беречь. Мы обошли поляну, собрали оружие, свалили на телегу. Пока я перебинтовывал легкие ранения воинов, остальные затащили в кусты тела убитых. Насчитали их двадцать семь человек, один пленный. Неплохо! С нашей стороны потерь не было. Но гнездо требовалось уничтожить, разорить догла. Один из воинов по моему указанию распряг лошадь и поскакал в сторону нашего ушкуя. Лодку, что стояла выше по течению, я пока решил не трогать. Штурмовать корабль разбойников – глупо, неизвестно, сколько на судне разбойников. Я пнул пленного:

– Сколько человек на судне осталось?

– Вместе с хозяином двенадцать.

Да, нужна подмога. Пока суд да дело, решили взглянуть на разбойничью тюрьму. Пустили пленного вперед, привязав его длинной веревкой, чтобы не убежал. Один из воинов, что был легко ранен, остался сторожить лошадей, телеги и разбойничий трофейный арсенал, а мы двинулись в путь. Через двадцать минут быстрого хода пленный остановился.

– Вот под теми деревьями. Двое сторожат, луков нет, только мечи и ножи.

Двое воинов разошлись в стороны, мы решили напасть внезапно с разных сторон, чтобы душегубы не поубивали пленных. Медленно подобралась поближе, заткнули разбойнику рот кляпом и привязали к дереву. Я и Игорь поползли к землянке, замерли метрах в пятнадцати. Наконец закуковала кукушка.

– Сигнал! – шепнул Игорь, и мы бросились вперед.

Я держал в правой руке саблю, в левой заряженный пистолет. Нашего вмешательства не потребовалось: оба разбойника с перерезанными глотками лежали у костерка. Мы сбили хилый замок, из распахнувшейся двери пахло затхлым воздухом и нечистотами.

– Выходи, честной народ, кто живой!

Из землянки, шурясь от яркого солнечного света, начали выходить пленники – всего шесть мужчин и две женщины. Все в изодранных одеждах, побитые. Думаю, досталось беднякам. Они, увидев вооруженных людей, испуганно сбились в кучку. Как мог я их успокоил, показал на убитых разбойников:

– Все, кончились ваши мучения, вы свободны.

Слезы радости текли по их грязным лицам. Все они оказались из самой Коломны, ехали из Москвы, мужчины – купцы, женщины их родственницы. Узнав, что они коломенские, решил их пока не отпускать, пусть будут свидетелями. Мы довели их до наших лошадей, усадили на телеги. Дружинник остался с ними для охраны. Мы старались двигаться скрытно, направились к берегу Оки. Идти было недалеко, около трех километров. Еще не дойдя до берега, встретили моего гонца на лошади.

– Ушкой уже на подходе, ветра нет, идут под веслами. Пока никого подозрительного не встречали, – доложил дружинник.

Мы расположились на берегу, за кустами, откуда прекрасно проглядывалась река, и стали ждать. Приблизительно через полчаса показался наш ушкой. Вся команда сидела на веслах, голые и мокрые от пота спины гребцов размеренно, по команде кормчего, сгибались и разгибались. Я выскочил из-за куста и замахал руками. Меня заметили, и судно изменило курс, ткнувшись носом в берег. Гребцы дружно переводили дыхание, на нос вышел кормчий и Сидор.

– Разбойники спрятали судно чуть выше по течению, на правом берегу, со слов пленного, там стоят две ивы

Кормчий кивнул:

– Знаю это место.

– Так вот посудина ихняя там. Подойдите и встаньте так, чтобы было видно разбойников; как только мы завяжем бой, немедленно идите на помощь, иначе удержат.

Сидор не удержался:

– А как прошел бой в лесу? Что-то я не всех наших вижу.

– Отлично прошел, взяли одного пленного, через него узнали про разбойничью ладью и место стоянки, остальных разбойников порешили, наши целы все, двое ранены легко.

Сидор удовлетворенно кивнул. Судно отчалило и уже медленно, давая нам время, пошло вверх. Я не стал тратить время, возвращаться к лошадям. В схватке они не помогут, но демаскировать нас – запросто. Мы выстроились цепочкой, головным встал Игорь, и, отойдя от берега метров на пятьдесят, пошли вверх по течению, соблюдая тишину и осторожность. Через полчаса осторожного хода Игорь присел и махнул рукой, все легли, а я подполз к нему.

– Вон они!

Схоронясь под развесистыми ветками ивы, уткнувшись носом в берег, стоял разбойничий корабль. Это был он, я узнал его, ошибки быть не могло. Мы отползли назад и стали шепотом совещаться, как сподручнее напасть. В это время со стороны корабля слышались голоса, и на берег сошли два человека. Одним был толстый хозяин, его я бы узнал по голосу и красной роже даже ночью, второй был незнаком. Они отошли в нашу сторону, мы напряглись, боясь, что нас заметят. Хозяин недовольно выговаривал разбойнику:

– Иди, поторопи этих оболтусов, опять на радостях вино хлещут да деньги делят, дармоеды. Пусть пленных гонят сюда быстрее – и из землянки, и из сегодняшнего обоза.

Решив, что такого удобного случая не подвернется, я встал и выстрелил из пистолетов сначала в хозяина, затем в разбойника.

Оба упали. Хотя все это произошло внезапно и без предварительного разговора, воины не стали мешкать и рванули на судно. Я подбежал к лежащим. Разбойник был убит, пуля попала прямо в сердце, а вот хозяин оказался хитрей, под рубашкой у него была кольчуга хорошего плетения. По всей видимости, тяжелый удар пулей свалил его, сломав несколько ребер, и оглушил. Крови на теле не было, разбойник шумно дышал. Я перевернул его на спину, разрезал ремень на его портках, им же стянул сзади его руки. На корабле тем временем стоял шум драки, слышались вопли и шум ударов, звон сабель. Как мог быстрее, я перезарядил пистолеты и взбежал по трапу на палубу. Разбойников было больше, растерявшись вначале от неожиданного нападения, теперь они почти стройной шеренгой стояли поперек палубы и теснили к носу воинов. На палубе валялись два трупа разбойников. Я с ходу выстрелил с обоих пистолетов.

Одно попадание было удачным – в голову, второму в плечо. Однако замешательство среди разбойников мое появление вызвало. Сунув пистолеты за пояс, я выхватил саблю и кинулся на подмогу. Мельком бросил взгляд на гладь реки. Наш ушкуй был уже недалеко, быстро приближаясь под частыми гребками весел. Разбойники на судне, видя, что нас немного, яростно атаковали, пытаясь обойти с двух сторон. Пока им это не удавалось. Мы отбивались как могли, сабли крутились, как диски, не давая подойти, плохо было, что не было щитов. Наконец на перила фальшборта упали веревки с кошками, и на корму в тыл пиратам посыпалась наша подмога. Размахивая саблями и топорами, орава нанятых мной людей с ходу врубилась в плотный строй разбойников, рубя их в спины. Не ожидавшие такого разбойники дрогнули и стали быстро нести потери. Кто-то, не выдержав рубки, бросал оружие и прыгал в воду, пытаясь вплавь достичь спасительного берега. Но я не знал кормчего с нашего ушкуя. Тот немного отошел от пиратского судна, и теперь двое лучников, стоя на носу, отстреливали пытающихся спастись татей. Через несколько минут сражение было закончено. Палуба была залита кровью, там и здесь валялись убитые, стонали раненые. Без сожаления раненые разбойники были добиты и выброшены за борт. К моему огорчению, были потери и у нас. Один дружинник был убит, один тяжело ранен, из команды рыбацкого ушкуя убиты двое, трое ранено. Я оказывал помощь раненым. Один из воинов, осматривавших судно в поисках спрятавшихся разбойников, открыл трюм и на свет божий вывел четырех русских девушек, подготовленных разбойниками к продаже. Все они были пленены в окрестностях Коломны. На судно приволокли главаря шайки – толстяка в красной рубашке. Он уже отошел от шока, злобно сверкал глазами и матерился. Причем так, что позавидовал бы любой боцман. Мы собрались на маленький совет, решено было давить разбойничью гадину до конца. Ратники пригнали телеги с лошадьми, бывших пленных мы пересадили на разбойничье судно и, оставив охрану и раненых, направились на постоянный двор. Теперь мы не маскировались, оружие лежало в телегах, и, едва въехав в ворота постоянного двора, мои люди рассыпались по двору, блокируя все входы и лазейки, вместе с пятью воинами я вошел в трактир. Хозяин постоянного двора, почуяв неладное, попытался юркнуть в заднюю дверь, но через мгновение влетел назад, держась за окровавленный рот. Из двери, потирая кулак, вышел Игорь.

– Все здесь, один попытался удрать, так мы его зарубили.

Мы обыскали весь постоянный двор, нашли ларец с деньгами и драгоценностями, пленных связали и отправились к судну. Один из воинов поскакал выше по течению – предупредить людей с лодки, что все закончилось благополучно, можно присоединяться к нам. Все устали, хотелось есть, доехав до судна, развели костер и, пошарив в трюме, из найденных запасов стали готовить кулеш. Пока часть людей и женщины готовили, снова собрались на совет. Что делать с пленными и освобожденными? Мнений было много, все-таки решили с утра всей гурьбой, с пленными и освобожденными, направиться к городскому наместнику, в Коломну. Поужинали и, выставив охрану, легли спать.

Глава 13

Тайник

Встав с утра и позавтракав, оставив при судах немногочисленную охрану и раненых, посадили на телеги освобожденных пленников, направились в Коломну.

Пленные со связанными руками, веревками на шее цепочкой брели за подводами.

С двух сторон шагали дружинники и судовые рати. Колонна получилась изрядная – около десятка освобожденных нами из плена, полтора десятка разбойников и около трех десятков моих людей. Встречные удивленно на нас смотрели, кое-кто узнавал знакомых, пытались поговорить. Все попытки разговоров нами пресекались. Мы подошли к городским воротам и у стражников узнали, как пройти к наместнику. Узнав, в чем дело, старший из них выделил стражника в провожатые. Подошли к дому, долго я пытался объяснить дворецкому, по какому делу. Наконец терпение лопнуло, и я стал громко кричать:

– Суда и справедливости!

На шум выглянул дородный господин:

– Почто шумим, что надобно?

Я коротко пояснил, что его людьми пойманы разбойники и душегубы. Прошу справедливого суда.

Почмокав губами и оглядев моих людей и примкнувшую к нам по дороге толпу, наместник кивнул:

– Хорошо, идите к площади перед Тайным приказом.

Мы развернулись, и тот же стражник повел нас на площадь.

Мы встали полукругом, в центре повозки с освобожденными пленниками. Перед ними связанные разбойники. Ждали долго, больше часа. На площадь, прослышав о предстоящем суде, собирался народ. Кому-то зрелище, кого-то привело любопытство.

Наконец на площадь въехала богато украшенная открытая повозка, вышли два одетых в богатые одежды господина, у дородного на шее висела толстая цепь с бляхой – это и был наместник.

Важно усевшись на услужливо принесенное кресло, господин кивнул:

– В чем дело, кто кого обидел, кто обвинитель?

Я вышел и, встав перед креслом, поклонился.

– Я, Юрий Кожин, лекарь из Рязани, обвиняю вот этого человека, – показал рукой на толстяка, – вместе с его людьми в разбое и продаже свободных людей в рабство татарам.

– Обвинение серьезное, кто может подтвердить?

Я сделал знак, воины вытолкнули вперед людей из землянки.

– Я, коломенский купец Акиндеев Григорий, меня в Коломне знают, был ограблен и незаконно посажен в поруб вот этим человеком. – И указал на толстяка.

То же подтвердили и другие, в том числе девицы из трюма разбойничьего корабля.

Я достал шкатулку, поднес к креслу наместника:

– Это золото и украшения мы нашли на постоялом дворе сообщника.

Наместник вытащил несколько украшений, стал их разглядывать. Вдруг в толпе раздался женский вскрик, вышла женщина и, подойдя поближе, вглядываясь в нательный крест на цепочке, сказала:

– Это нательный крест моего мужа, он уж месяца три как отплыл на ладье по торговым делам.

В толпе раздались негодующие крики:

– Лишить живота всех разбойников.

Наместник посовещался со своим спутником, коротко кивнул:

– Главаря на кол, остальных повесить, золото и ценности в городскую казну. Ушкой разбойничий, так и быть, за труды отдаю рязанскому лекарю.

Толпа восторженно закричала. Пленных схватили стражники, поволокли за городские стены, толпа их сопровождала, казнь хотели посмотреть многие. Нам это было неинтересно, крови и смерти за последние сутки мы насмотрелись, поэтому пошли к судам.

Надо было отплывать домой.

Я отобрал часть людей с рыбацких кораблей на бывший разбойничий ушкой, воинов на повозках отправил посуху, встретиться договорились у городских стен Рязани. Сам я занял каюту бывшего главаря. Жажда мести угасала, я исполнил то, о чем мечтал весь последний год. Сколько оказалось поломано судеб, пролито крови и вдовьих слез из-за этого мерзавца! Вниз по течению, да еще с попутным ветром, доплыли быстро, пристали у городской пристани. Еще в дороге, лежа на жесткой койке, я раздумывал, что делать с судном. Можно оставить себе для личных нужд, можно продать, выручив приличные деньги, можно сдать купцам в аренду. К окончательному решению пока не пришел, решил обдумать на досуге. Подозвав кормчих, Сидора и его друга Ивана, раздал причитающееся им серебро. Недовольных не было. На прощание я спросил рыбаков:

– Не хочет ли кто перейти ко мне на судно служить?

После разговора с командами ко мне подошли несколько человек и кормчий с ушкой.

– Вот этого парня, – он показал, – возьми кормчим, барин. Парень толковый, из нашей деревни, на воде, считай, вырос. Оку и Волгу знает хорошо, командовать, правда, не приходилось, так это дело наживное.

Я договорился с ними об оплате и попросил, чтобы кто-то остался охранять судно. Потом другие сменят. Забрав сумку с инструментами, саблю и пистолеты, я в компании Сидора и Ивана пошел к городским воротам. Наняли повозку и, побросав туда все вещи и оружие, направились к моему дому.

Радости встречающих – Анастасии и Миши – не было предела. Слезы радости лились рекой. От радости плачут, от горя плачут, сырой женщины народ. Я показал новых слуг – Сидора и Ивана, показал им их комнату. Наскоро перекусил, ожидая бани, а после решил закатить пир. Теперь я точно знал, что вернулся и раздал долги.

Пир растянулся надолго, далеко за полночь, ели и пили от пуза, я считал, что сам, а также мои товарищи и слуги заслужили передышку.

Следующий день прошел в хлопотах – встречал дружинников на подводах, организовывал похороны погибших. Обязанности сколь неприятные, столь и необходимые.

Со всеми участвовавшими рассчитался сполна. День прошел в суете. Утром другого дня примчавшийся гонец позвал к князю. За мое отсутствие в коломенских землях князь прибыл из Москвы, был удивлен моим возвращением и желал услышать новости из первых уст. У княжеских дверей встретил Афанасий:

– Ты что, успел повоевать в коломенской земле? Об этом вся дружина говорит!

– Да, отомстил своему обидчику, очистил русскую землю от нечисти.

Меня провели в большую комнату, на кресле восседал князь, и присутствовало ближнее окружение.

– Рад тебя видеть, лекарь, живым и здоровым!

– И тебе доброго здоровья и долгих лет, княже!

– Садись, расскажи нам, где пропадал так долго, как вернуться удалось.

Я коротко рассказал о пленении, рабстве у татар, освобождении. История всеми была выслушана с вниманием.

Князь хлопнул в ладоши:

– Вина всем.

Слуги поднесли кубок с прекрасным вином, я поднял его за князя. Ответным тостом князь выпил за меня.

– А что же ты не все рассказал?

– Все, как есть все, князь, мне нечего утаивать.

– Дружина говорит, пока меня не было, ты маленькую войну учинил?

Я смутился:

– Нет, князь, собрал людей, отомстил разбойнику да землю русскую почистил!

Пришлось рассказывать о моем походе на Коломну. Князь выслушал, одобрительно кивая.

– Экий ты, лекарь, неугомонный. Молодец, за честь свою вступился, сил и денег не жалея, всем бы так, жить было бы спокойно. Сейчас всех прошу в трапезную, пир по случаю возвращения моего из Москвы, важные новости имею.

Мы перешли в трапезную, где уже были накрыты столы. Немного выпив и хорошо закусив, князь прервал застолье.

– Великий князь и царь земли русской Михаил Федорович собирал всех князей, дабы поход учинить на Смоленск, что находится под гнетом поляков, католиков богопротивных. Я выставляю часть дружины, другая часть останется для обороны города. Прошу господ именитых выставить на свои средства ополчение, кто сколько сможет. Лекарь вам всем хороший пример подал. Сколько в Смоленске и землях исконно русских под поляком спину гнут. Пора пришла под руку царя земли и народ русский вернуть.

В трапезной воцарилась тишина, все переваривали услышанное, слишком уж новость была значительная.

Наконец кто-то очнулся от ступора:

– А когда собираться для похода?

– Времени еще много, собираемся в середине сентября!

Да, новость, конечно, интересная. Судя по тому, как князь на меня поглядывал, я понял, что он рассчитывает на меня как на лекаря с госпиталем и одновременно хочет, чтобы я снарядил на свои деньги ополченцев. На такие расходы я не рассчитывал, одно дело – снарядить людей на десять дней, другое дело – осада города, это может длиться месяцами, если не год. А с другой стороны, никто не обязывал содержать все войско, можно нанять и пять, и десять человек. Даже пир шел как-то вяло, все погружены в раздумья. Потихоньку расходились. Если царь собирает княжеские дружины и ополчение, это всерьез и надолго. Придя домой и хорошенько все обдумав, я решил съездить в Москву, до сборов на Смоленск времени хватало. Нашел Сидора, озадачил его – найти на судно человек десять, знакомых с парусами, лучше из рыбаков или купеческих судовых команд, а также десяток человек для военных действий. Сидор не удивился, только спросил:

– Куда и на какое время?

– На судне в Москву и назад, думаю, недели на три-четыре. Пешие – в ополчение на осаду Смоленска, сроков не знаю, по велению царя. Возьми еще с собой в Москву пару надежных людей в охрану моего московского дома, Ивана оставь здесь, в доме, сам поедешь со мной.

Сидор ушел, я же пошел к Анастасии, на второй этаж.

Любимая кинулась на шею:

– Соскучилась по тебе!

Я поцеловал Настеньку и сел на кровать:

– Настя, у меня к тебе разговор: я собираюсь в Москву, надо поговорить с людьми патриарха, мне ведь государево поручение давали, год меня не было, многое могло измениться, надо узнать, что да как, долг за дом отдать, дом посмотреть. Как служивые там, может, без оплаты разбежались, а дом разорили лихие московские людишки. Путешествовать думаю на корабле, так легче и спокойнее. Поедешь ли со мной?

– Конечно, любимый, с тобой хоть куда, засиделась я дома, в Москве никогда не была, давно мечтала город большой посмотреть, тем более дом у нас теперь там, обживать надо.

– Тогда из челяди подбери заботливую няню для Миши, его с собой брать не будем, маловат пока для дальних вояжей. Да начинай собирать свои вещи, много не бери, только необходимое, что надо, в Москве купим, деньги у нас есть.

– А когда выезжать будем?

– Да как команду на корабль соберем, так и можем отправляться, дней пять в запасе, я думаю, есть.

На следующий день я объехал все свои предприятия, заехал в банк, в госпиталь. Отдал необходимые распоряжения, собрал выручку. Деньги понадобятся и в дороге, и в Москве. В госпитале поговорил с помощниками – была необходимость в поход на Смоленск взять двух помощников поопытнее. Поговорив со всей троицей, решил взять обоих парней. Машу оставить в Рязани, все-таки девушке в полевых условиях труднее. Наказал Петру и Михаилу готовить запас шелковых нитей и конского волоса для шитья ран, хлебного вина, опиумной настойки, холстов для перевязки и лубков для переломов костей. Все указания были выслушаны с вниманием. Я не ошибся в подборе учеников, медицину все трое любили, знания впитывали как губка воду, и с каждым месяцем опыт их рос. Единственно, маловато было практики по массовой обработке раненых.

К исходу третьего дня ко мне в комнату вошел Сидор и доложил, что команда судна укомплектована, очень удачно подвернулся случай – недалеко от Рязани напоролся на плывущее бревно ушкой местного торговца, судно с товаром, получив пробоину, пошло ко дну, часть спасшейся команды осталась без работы. Теперь все на месте, ждут меня. Я с Сидором сел в возок и поехал на пристань, команда времени не теряла, отмыла и отскоблила корабль, заменила часть такелажа. Я с Сидором взошел на судно, команда нестройной шеренгой стояла у мачты. Загорелые, обветренные лица, грубые, мозолистые руки – труженики водных просторов. Поздоровавшись, поговорил с командой. Более половины были с утонувшего купеческого судна, хорошо знали друг друга, меньшая часть была из рыбацкой деревни, я узнал несколько лиц из тех, что были со мной в коломенском походе.

– Удачлив ты, барин, решили с тобой счастье попытать, – нестройным хором ответили мужики.

– Ну что же, давайте попробуем. Как судно на ходу, как команда управляться с ним будет.

Мы отошли от причала, пошли вверх по течению на веслах. Судно шло споро, по курсу не рыскало, молодой кормчий отдавал толковые команды. Подняли парус, убрав сушить весла. Скорость возросла, перед форштевнем вскипала вода. Сделали несколько маневров, судно хорошо слушалось руля. Мы вернулись и подошли к причалу. Я пригласил в свою крохотную каюту на корме кормчего Истома и Сидора.

– Ну, каковы мнения о судне?

Оба замечаний не имели. Я сказал кормчему, чтобы был готов к отплытию в Москву, надо завезти на судно продукты, свежую воду, несколько матрасов: лежать с женой на деревянных досках рундука я не хотел. Приблизительно прикинув стоимость, вручил Истома деньги на необходимое и по рублю авансом для команды.

– И еще вопрос, други мои! На ушкуе есть сабли, но нет более мощного оружия, что думаете, если небольшую пушечку на носу поставить?

Оба переглянулись – и Сидор, и Истома огненного боя боялись и никогда не стреляли, однако признаваться в этом не хотели.

Ладно, решил я, займусь этим сам. Проехал по кузнецам – пушек, даже небольших, не было, купил несколько мушкетов, все лучше чем ничего, на торгу приобрел несколько мешочков пороха и свинца для пуль.

Решив, что за спрос в нос не бьют, заехал к воеводе, объяснил ситуацию. Он долго пыхтел, жевал губами.

– Ладно, пошли в цейхгауз, были у нас несколько бронзовых тюфяков. Для обороны крепости они маловаты, думали, перелить, да все руки не доходили.

Мы зашли в цейхгауз – длинное здание, в котором хранилось оружие для дружины: мечи, сабли, копья, щиты, кольчуги, байданы, бердыши, шлемы. Вдоль стен стояли длинные стеллажи с различным оружием, все было в ухоженном состоянии, смазано. В дальнем углу сиротливо стояли три небольших бронзовых тюфяка на колодах. Были они в пыли и паутине, похоже, к ним давно никто не притрагивался. Я наклонился, сунул руку в один ствол, другой, третий. Два ствола были сильно поцарапаны внутри, запальные отверстия порядком выгорели, третий производил более благоприятное впечатление.

– Сколько просишь за него, воевода?

Тот махнул рукой:

– Так забирай, они, почитай, годков десять так стоят, все равно в переплавку в Тулу собирались отправлять.

Я решил ковать железо, пока горячо, подмигнул Сидору, и тот исчез. Пока я благодарил воеводу, сунул ему в карман серебришка. Сидор вернулся с двумя здоровенными бугаями, тюфяк благополучно погрузили на возок, который просел на все четыре рессоры, и мы отправились к кораблю. Уж я-то прекрасно знал, что за огнестрельным оружием будущее.

Около него наблюдалась суета, по наклонному трапу бегала команда с узлами, тюками и бочками на спинах. На причале у судна стояли три еще не разгруженные телеги. Моментом собрались у моего возка, и под дружное «эй, ухнем» тюфяк перегрузили на судно, взгромоздив на носу. Я попросил кормчего прикрыть пушечку холстиной, дабы людей не смешить – торговое же судно. Теперь путешествие было обеспечено со всех сторон.

Наконец настал день отплытия. Мы заранее перевезли несколько узлов с одеждой в каюту, которая напоминала теперь городской шифоньер. Место оставалось только на койке. Ладно, самое ценное и Настя будут в каюте, а я с экипажем на палубе побуду, не впервой. Мы попрощались с Мишей и домочадцами, сели в возок и поехали на пристань. Ушкой стоял готовый к отплытию. По сходням перебрались на корабль, помахав на прощание остающимся. Долго стояли у борта, наблюдая, как медленно скрывается вдали Рязань. Вот уже и не видно золотых верхушек церквей. Слева и справа открывались прекрасные виды, воздух был чист, от воды веяло прохладой, погода была просто чудесной. Я проводил Настю в каюту переодеться, судно шло под парусом, и, пока команда была свободной, решил поучить людей обращению с мушкетами. Поскольку мушкетов было только семь, я отобрал желающих, коих нашлось достаточно. Медленно показал, как засыпать порох, загонять пыж, опускать в ствол пулю и плотно забивать пыж, не забыть подсыпать на полку к затравочному отверстию немного пороха, как прицеливаться и, задержав дыхание, нажимать на спуск. Хитрого ничего не было, освоили все премудрости быстро, теперь я решил перейти к стрельбе холостыми зарядами. Первый матрос взял мушкет, неловко прицелился в воображаемого противника, выстрел!

И сразу звук падения. Когда развеялся дым, я увидел валявшийся на палубе мушкет и стрелка, который стоял, зажмурил глаза и заткнув руками уши. Товарищи с испугом глядели на него. Ничего, лиха беда начало. Мушкет – это ружье с раструбом на конце ствола, из него хорошо стрелять картечью. На близком расстоянии выстрел одного мушкета способен проложить маленькую просеку в рядах нападающих, а уж семь мушкетов – это сила. Конечно, по дальности и точности выстрела эта тяжеленная штуковина уступала луку, но чтобы точно стрелять из него, требовалось учиться сызмальства. На стоянке у берега, когда мы остановились на обед, пока готовилась уха, я распорядился поставить мишень в виде старого камзола, брошенного на куст. Теперь стреляли пулями. После первых выстрелов страх у стрелков почти прошел и появился некоторый азарт. В конце я предложил приз – серебряный рубль тому,

кто точно попадет в заплатку на камзоле. Попал молодой парень, которому я и вручил рубль. Товарищи лишь завистливо хлопали по плечам.

К вечеру мы выбрали красивое место для ночлега недалеко от Белоомута. Развели на берегу костер, сварили каши и пожарили свежей рыбки на прутиках. Аппетит у всех был отменный. Выставив часовых, улеглись спать.

На следующий день я решил набрать и обучить команду канониров стрельбе из пушки. Кто знает, с чем придется столкнуться? Лучше заранее обучить, чем потом кусать локти. Снова я подробно рассказал, как обращаться с тюфяком. После вчерашних мушкетных занятий дело обучения шло быстрее, ведь тюфяк был фактически большим однозарядным ружьем. Зарядив тюфяк, мы присмотрели мишень – одинокий куст на берегу – и произвели выстрел. Неделет! Ядро упало в воду, не долетев до берега. Я объяснил ошибку, снова зарядили, выстрел! Перелет. Классическая вилка! Снова объяснение и зарядание, но куст уже был позади, и выстрелить не пришлось. Довольные канониры остались у пушки, а я пошел в каюту, негоже надолго бросать жену. Настя сидела в углу каюты на рундуке и что-то разглядывала. Я засмеялся:

– Что ты там увидела? Таракана?

Настя поманила меня пальцем:

– Сам посмотри.

Вглядевшись, мне показалось, что между досками что-то блестит. Вытащив из ножен нож, я попытался расширить щель или приподнять доску. После некоторой возни мне удалось зацепить край доски и отогнуть. Ба, на рундук посыпались золотые дирхемы. Сдвинув доску еще сильнее, мне удалось открыть весь тайник. Был он невелик, почти квадратный, размером с большую кастрюлю, но весь забит золотыми монетами, перстнями. Серебра почти не было. Вот это ешкин кот! Подумав немного, я хлопнул себя по лбу!

Тупица, недотепа! Конечно, когда мы истребляли коломенскую шайку, нашли на постоялом дворе шкатулку с ценностями и сочли, что это все. Шкатулку с содержимым реквизиrowвал коломенский наместник, но я и подумать не мог, что главарь прячет еще один тайник, скорее всего свой личный. Мы с Настей наскоро пересчитали деньги – оказалось больше двухсот золотых, да еще и золото в изделиях. Я прикинул, что в этом тайничке больше, чем я заработал со своими предприятиями. Порадовавшись неожиданной удаче, мы решили все сложить назад и поставить доску на место до поры до времени. С собой брать в город рискованно, я еще не знал, цел ли мой новый дом, а на судне все-таки вооруженная охрана. Я предупредил Настю:

– Никому, даже самым близким, – ни слова. За эти деньги у многих возникнет желание перерезать нам глотки. Это наш запас на черный день, страховая касса.

Вдали показались холмы Москвы, городские постройки. Медленно, под веслами мы шли по Москве-реке, ища удобную пристань.

Причаливаться у торговых сходней не хотелось, груза для торговли мы не брали. Наконец нашли удобное место, причалили. К нам подошел мужичок в синем кафтане, вежливо сказал, что пристань купца Еремеева и, если мы хотим, можем стоять здесь, но заплатив. Спорить мы не стали, тем более что цена была необременительная. На берег сошли впятером – я сам, Настя, Сидор с двумя воинами, нанятыми в охрану. У берега стояли пролетки с ямщиками, мы уселись в две из них и, назвав адрес, поехали. Я и Настя с интересом разглядывали московские улицы, и если я больше смотрел на дома, то Настя разглядывала наряды местных барышень, то и дело толкая меня в бок локтем – посмотри, какое миленькое платьице.

Доехали относительно быстро, все-таки дом был почти в центре и от реки оказался недалеко. Я рассчитался с ямщиками и задержал одного вопросом: далеко ли от этого дома пристань? Получил подробные объяснения. Местность ямщик знал неплохо, решение в голову пришло быстро.

– Любезный, я буду здесь около двух-трех недель, не сочтешь ли за труд все это время обслуживать нас?

Ямщик с удовольствием согласился, мы договорились об оплате, каждый день с утра до вечера он должен стоять у дома. За мной оставалась кормежка обедом его и лошади.

Сидор постучал в ворота, я с нарастающим ожиданием ждал, что с моими сторожем и дворецким. Не получая от меня известий и жалованья в течение года, они могли и покинуть меня, и в принципе их никто бы не осудил. Послышались шаги, и калитка открылась, на мое счастье, это был дворецкий. Он узнал меня, пригласил в дом. Мы прошли, неся с собой небольшие баулы, основной груз остался на ушкуе. Я подошел к домику прислуги, извинился перед сторожем и дворецким, объяснив свою задержку татарским пленом, поблагодарил за верность и сдержанное слово и щедро расплатился за прошедший год, добавив премиальные.

Дом оказался в полном порядке, даже пыль везде протерта, правда, кое-где покосился забор, но я был не в претензии: ни работников, ни денег у обоих не было. Дом сохранили и сами не сбежали, и за то спасибо. Я обратился к дворецкому с просьбой:

– Мы приехали недели на две-три, затем уедем, по велению царя в поход на Смоленск. Хотелось бы найти кухарку и пару плотников поправить забор, можно ли решить вопрос?

Дворецкий хорошо знал, где живет бывшая дворовая челядь, и через час привел кухарку с помощницей и двух мастеровых с плотницкими инструментами в ящичках. Плотникам я показал, что и как исправить, а кухарку и помощницу решил оставить насовсем, а не на пару недель. Все равно домом в дальнейшем придется пользоваться, а жалованье не так уж и велико. Тем более на охрану дома остаются два нанятых Сидором человека, и в общей сложности кормить ежедневно надо было уже шестерых, не считая меня с Настей. Дав дворецкому денег, я отправил их на базар, надо было запастись провизией, в доме не было ни крошки съестного. Настя хлопотала в доме, раскладывая из баулов вещи. Пока троица ходила на базар, мы с охранниками обошли дом и двор, наметив для плотников дополнительный объем работы. Весело стучали топоры, летела стружка. Вернулись с базара дворецкий с кухаркой, и скоро от кухни потянуло жареным и чем-то вкусным. Все уже к тому времени проголодались и, когда пригласили пообедать, собрались за столом быстро. Приготовлено оказалось вкусно, я порадовался, что кухарка попалась знающая и опытная.

С утра, позавтракав и сев в наемную пролетку, я направился к немецкому послу Карлу. Занимал деньги на покупку дома на несколько недель, а отдавать приходится через год.

Я подъехал к знакомому зданию и постучал в ворота, меня, узнав, впустили. Карл в домашнем платье сидел за столом и завтракал. Я поздоровался.

– Что случилось, лекарь Юрий? Почему тебя так долго не было?

Пришлось уже в который раз пересказывать историю своего пленения и освобождения. По ходу рассказа Карл вскакивал, ходил по комнате, огорченно хлопал себя по бедрам руками, то есть слушал очень эмоционально. Закончив, я сказал

– И вот я, живой и здоровый, перед тобой, Карл.

– Как я рад, что тебе удалось вырваться из лап этих диких татар.

Я принес извинения за задержку денег, было понятно, что это произошло не по моей вине. Однако лицо Карла сделалось скучным, он вытащил счета и пощелкал костяшками,

Итог – процентов набежало больше, чем долга.

Спорить я не стал, однако подивился немецкой расчетливости и педантичности, расплатился. Все-таки он меня в свое время при покупке дома выручил.

Я поинтересовался его здоровьем.

– О, твоими руками и талантом чувствую себя хорошо, спасибо

Поговорив на отвлеченные темы, мы расстались. Я направился в Кремль.

С трудом нашел доверенного человека патриарха. Он меня вспомнил, сказал, что на днях получил грамотку от митрополита Рязанского Кирилла, в которой он описывал мои похождения и возвращение. Также в грамотке описывалось, что я отправлялся в поход на Коломну.

Еще есть сообщение от наместника коломенского, что поймал, частью убив, а частью пленив, шайку разбойников. Это правда?

– Да, правда.

Он одобрительно покачал головой.

– А что сейчас делать намерен?

– Князь рязанский по велению государя собирает дружину и ополчение воевать Смоленск, собираюсь присоединиться с госпиталем, врачевать увечных.

– Богоугодное дело! Отправляйся с благословением, – он меня перекрестил, – а по возвращении решай дела в Рязани и переезжай сюда, в Москву.

– Добре. – Я поклонился и вышел.

Собственно, все дела в Москве оказались улажены за один день. Время было далеко за полдень, я направился домой. На следующий день решили с Настей посетить торг, все-таки столица обязывала. Необходимо было одеться по моде. Надо сказать, в своей одежде в Рязани я выглядел нарядно, но в Москве в приличных домах или при посещении Кремля смотрелся провинциалом, встречают же по одежке. Долго ходили по рядам, выбрали Анастасии несколько платьев европейского покроя, платки, соболью шубу, сапожки и туфли. Дело оказалось утомительным, известное дело – женщину одеть непросто, а имея деньги, непросто вдвойне. Полдня потратили и кошель серебра, чтобы с трудом погрузить ее обновы в пролетку. Я устал, но Настя выглядела довольной и счастливой. Себе я на торгу заказал у мастера-портного камзол по европейской моде, кафтан. Остальное купил. Еще несколько дней было потрачено в хлопотах по обустройству дома и двора. Один из дней посвятил осмотру Москвы. Мы с Настей сели в пролетку и не спеша проехали по центру Москвы. Названия улиц звучали музыкой – Староколоменский переулочек, Арбат, Татарская улица, Сивцев Вражек, проезд Соломенной Сторожки, Крестьянская Застава и многие другие заставляли сердце учащенно биться. Я видел дома и улицы, по которым будут ходить через четыреста лет мои современники. Осознание этого возбуждало и наполняло душу некой возвышенностью и торжественностью.

Так вдруг защемило сердце. Никому в этом мире я не мог открыться, даже жене, меня бы просто сочли умалишенным.

К вечеру, уставшие и полные новых впечатлений, мы вернулись домой. За трапезой, то ли поздним обедом, то ли ранним ужином, Настя почти непрерывно говорила, какие наряды носят местные модницы. Что ж, во все века женщины одинаковы. Пока я благоговейно осматривал здания и постройки – чего стоил собор Василия Блаженного или постройки Кремля, – она разглядывала наряды. Мне кажется, в ее жизни это было самым большим впечатлением. Подошел день отплытия. Мы попрощались с остающимися, я отдал деньги на содержание дома и жалованье на год вперед дворецкому. Теперь в его порядочности, чести и верности я не сомневался. На пролетке, забрав лишь малую часть вещей, мы отправились к судну. За время моего нахождения в новом доме Сидор несколько раз посещал корабль, заботясь о порядке и охране, и пополнил запасы провизии. Заскучавшие члены команды скоро сели на весла, посудина развернулась, и мы отправились в обратный путь, нагруженные новыми впечатлениями. Истома уже вполне обжился в роли кормчего, грозно покрикивая на зазевавшегося ватажника. Дорога домой превратилась в несколько дней отдыха. Порядок на корабле поддерживался и без моего вмешательства, плыть было спокойно и безопасно, и мы полностью отдались отдыху. Давно мы с Настей совместно не отдыхали. Но все хорошее когда-нибудь кончается. Вот вдаль показались постройки и городские стены Рязани, и через несколько часов борт ушкуя стукнулся о городской причал.

Радость домочадцев, а особенно Мишеньки, была искренней, особенно радовался парнишка привезенным игрушкам – в Москве я купил игрушечного коня из дерева, богато расписанного красками, и деревянный игрушечный меч, теперь по дому разносились почти индей-

ские крики, от которых все мы вздрагивали. Остальным холопам я привез кому бусы, кому рубашку, кожаный пояс – обделенных не осталось.

Памятуя о предстоящем походе, первым делом я посетил госпиталь, где проверил подготовку. Много было уже готово, осталось заказать у столяров деревянные ящики для бережного сохранения и перевозки на лошадях инструмента и припасов.

Для себя же я решил еще на одну придумку. Памятуя о дальности и точности стрельбы из нарезного оружия, я отправился сначала на торг, к оружейникам. Многие слышали о винтовальных ружьях, но никто в руках не держал, и в наличии тем более ни у кого не было. Пришлось идти на поклон к местным кузнецам-умельцам. Двое отказались сразу – больно мудрено! С третьим удалось договориться хотя бы попробовать. Почти каждый день я ходил в кузницу, наблюдая за ходом работ, что-то подсказывая. Я хотел получить ружье вроде литтихского штуцера, с двумя большими нарезками, правда, они требовали специальных пуль с двумя выступами, но вылить их из свинца не представляло больших сложностей. Наконец, испортив кучу заготовок, мастер изготовил ствол, сразу же я начертил прицел из мушки и целика, ведь гладкоствольные ружья наводились по стволу, так как дальность стрельбы из них была невелика.

Наконец ложа, замок были изготовлены и соединены со стволом. Ружьецо получилось ладным, но тяжеловатым. Расплатившись и забрав ружье, поехал домой. Дома вдвоем с Сидором мы занялись почти детским делом – лепили из глины, правда, лепили не детские свистульки, хотя я не удержался и сделал одну для развлечения Миши, а формы для пуль. Из запасов свинца отлили в формы несколько десятков пуль и на возке выехали за город, опробовать новинку. Далеко не отъезжали, уж очень велико было нетерпение. Сидор на возке отъехал шагов за сто и поставил в качестве мишени деревянный чурбачок. Я положил ствол на ветку дерева, тщательно прицелился, выстрелил. По тому, что чурбачок даже не пошевелился и по взметнувшейся справа пыли я понял, что не попал, да и Сидор издалека лишь разводил руками. Я поправил целик, зарядил ружье, снова прицелился, выстрелил. На этот раз пуля задела чурбачок, отщепив щепку опять справа. Снова я поправил целик, зарядил и выстрелил. Чурбак кувыркнулся и упал. Сидор осмотрел попадание и крикнул:

– Точно в середину.

Теперь мишень перенесли еще дальше, теперь я стоял метрах в двухстах.

Я прицелился, выстрелил. Чурбачок снова упал, было и так понятно, что попал. Сидор поднял чурбачок, и я снова повторил выстрел. Опять точное попадание. Мы снова поставили мишень дальше, и я снова стал стрелять. Мне хотелось уяснить, на каком расстоянии можно поразить цель, по размерам сопоставимую с поясной.

Выходило так, что смело можно было стрелять метров на двести пятьдесят-триста, дальше уже был большой разброс пуль, все-таки кустарное производство ствола и домашнее изготовление пуль сказывалось.

Домой я ехал, радуясь как мальчишка, в рязанской дружине и ополчении винтовальных, или, по-современному – нарезных, ружей не было ни у кого. Гладкоствольные – лишь у каждого десятого, да и точно стреляли лишь метров на восемьдесят-сто. В перестрелке я получал преимущество, цена которого – жизнь.

Глядя на меня и результаты стрельбы, Сидор, вначале относившийся к затее с недоверием, попросил и для себя такое же ружье. Заехав к оружейнику, я заказал еще пару таких же и прикупил запас пороха и свинца. На следующий день Сидор отправился подбирать десяток надежных, знакомых с ратным делом людей в мое ополчение, а дома двое холопов отливали из свинца запас пуль для похода, думаю, в походе это будет обременительно.

Потихоньку, но целеустремленно я готовился к походу. Слишком большой оказаться может цена забывчивости. Пришлось идти к тележнику, заказывать повозку, наподобие тех, что были в начале двадцатого века на фронтах Первой мировой – длинную, с дугами сверху для брезента. Задний борт заказал откидным – легче грузить раненых или грузы, кузнецы сде-

лали рессоры. Во всем, где это было можно, я старался сделать жизнь свою и окружающих меня близких людей более комфортабельной.

Сидор прикупил лошадей, и мы забрали уже готовую госпитальную повозку, сразу же доставив ее во двор госпиталя, пусть знакомятся и обживают.

Потихоньку Сидор подобрал команду ополченцев из бывших дружинников, охотников, просто лихих и азартных людей. В один из дней я собрал всех на госпитальном дворе. Вооружение было разномастным, у кого копье и щит, у кого сабля, кто-то с одним луком и пустым тулом для стрел. М-да! Поговорив с людьми, выяснил, кто чем хорошо владеет, вручил Сидору деньги и отправил на торг к оружейникам, пусть хорошо вооружит команду, мой десяток должен быть вооружен и одет не хуже княжеского. Покончив с вооружением, принялись за одежду, купив одинаковые, лазоревого цвета кафтаны и шапки.

Немного подумав, пришлось прикупить телегу и лошадь, не нести же людям на себе все вооружение в походе и провиант. Поскольку лошадей уже набиралось три, пришлось покупать ячмень, трава, слава богу, была под ногами. Заранее Сидор, как старший над ополчением, позаботился о провианте – несколько мешков разных круп, сало соленое и копченое, соль, вяленое мясо, муки и зелени – лук, репу.

Наконец настало время общего сбора. Все ополчение выстроилось на площади перед Кремлем – стояли люди с полным вооружением, лошади с повозками, груженные припасами. Князь с воеводой гарцевали на лошадях, напротив строя ополченцев. Тут же стояли несколько десятников и сотников из дружины. После внешнего осмотра князь, проехав перед строем, похвалил меня и моих людей за справную одежду и добротное оружие. После распоряжения князя каждый из десятников пошел проверять припасы, сложенные на повозках. И опять я не ударил в грязь лицом. В итоге оказалось, что снаряжены к походу мои люди лучше всех. Оставалось еще одно дело. Князь назначил общий сбор дружины и ополчения и выступление в поход через три дня. Я взял возок и возничего, подъехал к судну. Надо было перепрятать обнаруженный клад. Сложив деньги и драгоценности в две сумки, я доехал до дома. Поразмыслив заранее, решил закопать найденное в подвале дома. Добавив своего золота, сложил все в сундучок и выкопал ему яму в углу подвала. Позвал Анастасию, показал ей место хранения клада, объяснив, что деньги на самый крайний случай, все-таки в военный поход уйду, не на прогулку, могу и не вернуться. До поры до времени деньги не отрывать, пользоваться теми, что в доме, а также доходами с каруселей, госпиталя, лесопилки и сахарного завода. Анастасия всплакнула, я как мог ее утешал, почти каждый второй мужчина уходил в поход, и не все вернутся. Войны, даже самые маленькие и победоносные, не обходятся без жертв.

Настал день сборов, погрузил свое оружие, провиант и одежду в возок. Сидор сел на облучок, и мы поехали на городскую площадь. Дружинники были уже там, стояли неровным строем, со всех прилегающих улиц и переулков подходили ополченцы, подъезжали телеги. Народу набиралось много – дружинников более тысячи и ополченцев приблизительно столько же. Площадь становилась тесновата. Появился князь в походном одеянии, рядом с ним воевода и знаменосец. На утреннем ветерке трепыхался ало-голубой княжеский стяг. Вот подошел митрополит Кирилл с прислуживающими монахами. После молебна нас перекрестили и окропили святой водой.

Воевода привстал на стременах и отдал команду двигаться колонной. Первыми двинулись дружинники, за ними нестройной колонной ополченцы. Во главе своих людей ехали в возках их предводители-купцы, ремесленники и другие горожане. Кто-то смог набрать трех, кто десять человек, лишь один боярин Федор Прокопьев исполчил три десятка. Многие были сам-один.

Пыль, поднятая множеством ног, висела над колонной плотным облаком, садясь на провозающих, на воинов, повозки, забивая ноздри и легкие. Люди откашливались и отплевывались, мечтая о том, чтобы скорее выйти на просторы, о боковом ветерке, дабы пыль уносилась

в сторону. За день прошли верст двадцать-двадцать пять и остановились на широком лугу. Лошадей отвели в сторону, повозки составили в виде буквы «П», внутри пространства развели костерок и сварили кулеш, поужинали. Все оружие и припасы были в повозках, поэтому шли налегке и быстро, даже кольчуги лежали на повозках, только личное оружие – сабли, мечи висели на поясах. На второй и третий день миновали Плахино и Серебряные Пруды, вышли к Веневу. Там к нам присоединились веневские ополченцы и курские ратники, вместе двинулись на Тулу. На опушке горело множество костров, стояли палатки, паслись лошади. Кто-то прибыл раньше нас. Мы расположились на отдых. Через некоторое время по нашему лагерю пронеслась новость – будем стоять три дня, ожидая запаздывавших. С каждым днем подходили новые группы ополченцев, сотни княжеских дружинников из близлежащих городов и княжеств. Наконец получена команда – наутро выступаем. Снова лесные дороги, пыль. Хорошо, что не было дождей, иначе дороги стали бы просто непроходимыми. За все время, что мы шли, мощные дороги не попадались. Мелкие речушки мы переходили вброд, более крупные по существующим мостам или на заранее согнанных к месту переправы лодках. На лодки грузили людей, лошади плыли в поводу. Лишь подводы грузили на неуклюжие паромы. Миновали Алексин, в Калуге присоединились новые люди, и колонна войск растянулась на многие версты. Вот позади Юхнов, Угра, Ельня. Впереди заблестела широкая полоса воды – Днепр. Переправа войск заняла весь день. За это время почти все искупались в теплой не по-осеннему воде. Смыли дорожную грязь, отдохнули. После переправы впереди основной массы войск и по бокам двигались разъезды, все поразобрали с повозок кольчуги и оружие. Мы уже двигались по смоленской земле. Прошли несколько деревень, при нашем прибывании жители разбежались. Уже несколько лет они жили под поляками. Русским везде приходилось несладко, с юга постоянные притязания турок, с востока – татары, с запада поляки и Литва, с севера шведы. И каждый старался урвать кусок земли побольше. Из людей старались выжать все, чувствуя, что долго на захваченных землях не продержатся.

К исходу дня показался Смоленск. Пока мы не встречали польских разъездов, видимо, враг был уже извещен и заперся в городе. Перед городом войска разделились согласно плану и начали окружать город. Остановились от городских стен метров за триста, разбили лагерь. Рязанцы стояли вместе, не перемешиваясь с воинами других городов. Конные разъезды постоянно перемещались между лагерем и городом, не давая врагу выслать лазутчиков или внезапно напасть. Поужинав, легли спать.

Утром проснулись от дымок костров. Дежурные уже кашеварили, мы сбегали к реке, ополоснулись и поели каши с салом, запив сытом. Часов около десяти на стенах города появились лучники и стали обстреливать наши конные разъезды, ранив коня. Разъезды подтянулись ближе к нашему лагерю, вне досягаемости вражеских стрел. К полудню ждать на открытом месте надоело, я выбрал место на опушке, в тылу наших войск, и вместе с помощниками и своими ополченцами разбили шатер под госпиталь, поставив рядом свои повозки, приготовили инструменты, холстины для перевязок.

Раненых пока не было, и я решил подойти поближе к городским стенам, захватив с собой свое ружье и взяв для компании Сидора.

Нас заметили, до стен оставалось метров сто пятьдесят, лучники весело что-то кричали на польском и по очереди пускали стрелы. Пока стрелы падали перед нами и не причиняли вреда, но и быть овцою, посланной на заклятие, я не хотел. Мы с Сидором переглянулись и почти одновременно стянули с плеч ружья. Для устойчивости улеглись на землю, поляки заулюлюкали, думая, что мы испугались. Ладно, будет вам веселье. Мы прицелились и поочередно спустили курки. Двое поляков, получив по пуле, попадали со стен. Никто из них не ожидал столь точных и дальних выстрелов. Сзади раздался восторженный рев наших воинов. Наши выстрелы привлекли внимание, и теперь за нами наблюдали с обеих сторон.

Между башнями показался высокий поляк в красной шапке. Натянув лук, он пустил стрелу, которая воткнулась в землю буквально перед моим носом. Я тщательно прицелился и выстрелил. Поляк исчез за стеной, то ли был убит, то ли ранен. Веселье стихло. Трое убитых на таком расстоянии внушали уважение. Мы спокойно встали и отошли к своим. Незнакомые люди хлопали нас по плечам:

– С почином! Молодцы! Утерли нос проклятым панам!

Ближе к вечеру ко мне в шатер зашел воевода.

– Как это у тебя получается? Так далеко ружье не стреляет, может, опять чего удумал? Князь видел выстрел, очень подивился попаданию. Лук ведь дальше стреляет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.